ПИОНЕР 1

ЯНВАРЬ • 1971 г. • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Государственное дело

В Киеве шло совещание. Два дня его участники говорили и думали о том, как сохранить и увеличить рыбные запасы нашей страны. А на третий день в зал, где проходило совещание, пришли ребята, пионеры и комсомольцы-старшеклассники.

Ученые, специалисты рыбного хозяйства выслушали их рассказы, а когда ребята ушли, министр рыбного хозяйства СССР **Александр Акимович ИШКОВ** сказал:

— **Мы все находимся сейчас под впечатлением того, что услышали от ребят. Но, пожалуй, в полной мере мы еще не оценили их прекрасную работу. Не представили себе до конца, во что может вылиться замечательное движение пионеров и комсомольцев.**

Мне хотелось бы, чтобы встреча с ребятами оставила глубокий след в нашей дальнейшей работе...

Министр, член правительства, дает высокую оценку работе ребят.

Взрослые люди, специалисты, занятые важным народнохозяйственным делом, приехали в Киев со всех концов страны, чтобы поговорить, посовещаться. И вот они прерывают этот серьезный разговор и отдают время своего важного совещания ребятам. Внимательно слушают их рассказы, даже стенографируют их, чтобы потом еще раз вернуться к сказанному, изучить подробно, сделать необходимые выводы и принять важные решения.

Почему? Да потому, что пионеры и комсомольцы заняты одним со взрослыми государственно важным делом, умеют вести его серьезно и толково и добиваются великолепных результатов.

Ты хочешь знать,

КТО ЭТИ РЕБЯТА?

— Голубые патрули, участники операции «Живое серебро».

ЧЕМ ОНИ ЗАНЯТЫ?

— Охраняют реки и озера от браконьеров, спасают мальков,
— участвуют в создании искусственных нерестилищ,
— обсаживают берега рек и озер деревьями и кустарниками,
— ведут рыбоводно-мелиоративные работы,
— борются с заморами,
— обследуют водоемы,
— изучают их флору и фауну,
— наблюдают за ростом и развитием рыб — словом, ведут практическую и научную работу по охране и воспроизводству рыбных запасов.

ЧТО СДЕЛАНО?

— Об этом они и рассказывали.

О СПАСЕНИИ РЫБНОЙ МОЛОДИ

рассказали ребята 171-й киевской школы.

— Солнце соблазняет нас загорать. Серебристый Днепр манит к воде. Но рядом, на заливных лугах Приднепровья, в зарослях травы и кустарника, погибают тысячи мальков ценных пород рыбы — судака, сазана, леща, карпа... Они зовут на помощь, и мы идем на их зов.

Мы копали канавы, чтобы проложить малькам путь к Днепру. Там,

где до большой воды было далеко, отлавливали мальков сачками, опускали их в ведра и очень быстро, бегом мчались к реке, чтобы выпустить туда рыбий молодняк...

Один отряд — участник операции «Живое серебро», один только отряд голубых патрулей 171-й киевской школы спас в этом году больше двух миллионов рыб. Столько же спасли отряды голубых патрулей 4-й и 151-й киевских школ.

Шестнадцати миллионам мальков помогли перебраться в воды Десны юные защитники рыбных богатств из Макошинской средней школы Черниговской области.

Двадцать два миллиона мальков сберегли от гибели голубые патрули трех школ города Канева Черкасской области.

И это только на Украине. А в других республиках?! На берегах иных рек и озер нашей страны?! В бассейне Северного Каспия, в одной лишь Астраханской области, ребятами спасено 974 миллиона мальков!

Вдумайтесь в эти цифры! Они огромны. Если хорошо охранять эту рыбу, дать возможность ей вырасти, рыбный стол страны пополнится тысячами тонн разнообразных рыбных продуктов.

— ...Огромное количество ребят, которые в летнее время спасают рыбью молодь,— это большая сила,— сказал министр.

НО ВОТ У РЕБЯТ ВОЗНИК ВОПРОС. ОНИ СТАВЯТ ЕГО ПЕРЕД ВЗРОСЛЫМИ.

Продолжение на стр. 16.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.

С НОВЫМ ГОДОМ! — говорим мы друг другу. — Со всем новым, что ждет нас в этом году.

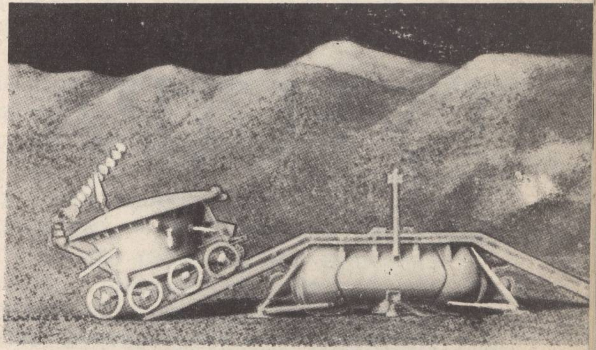
Тысяча девятьсот семьдесят первый — он войдет в летопись нашего народа как **год двадцать четвертого съезда партии,** как год старта **новой — девятой — советской пятилетки.**

Это будет год, наполненный радостью созидания, год новых побед ищущей мысли, трудового мастерства и творческого вдохновения — год новых великих дел, имя которым строительство коммунизма.

1971-й — это целый год твоей жизни, наш читатель. В конце года ты непременно напишешь нам, какое событие в твоей жизни, какой человек, какой поступок — твой или кого-нибудь другого — показались тебе особенно значительными, что нового принес тебе этот год, что добавил в твоей жизни.

А почему мы пишем об этом сейчас, когда он только начинается, — так ведь и от тебя зависит, каким он будет.

Можно не сомневаться, что год будет интересным для ребят, которые входят в отряды **голубых патрулей.** И с каждым днем их становится все больше.

Ты прочтешь о **первом в мире луноходе,** о том, **как создавали его советские ученые,** и о новой науке — лунной геологии.

Трудом советских людей преображается наша земля! Рассказ Ю. Качаева «Живая тундра» познакомит тебя с теми, кто разрабатывает несметные богатства сибирской нефти. Герой рассказа — буровой мастер, открыватель тюменского месторождения.

О коммунисте, работающем на трудной северной трассе, В. Н. Кравченко написал нам Витя Скворец.

А писатель **Ю. Коваль** поведет тебя кривыми лесными тропками в деревню с чудным названием **«Чистый Дор».**

Новые стихи и рассказы ждут тебя.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Юрий КАЧАЕВ

ЖАРКАЯ ТУНДРА

Семену Никитичу Урусову
Герою Социалистического Труда
первооткрывателю сибирской нефт

РАССКАЗ

1 Пурга застала Саньку и Володю в какой-то полусотне километров от Тургая. Они отсиживались в зимовье почти двое суток, и Санька совсем извелся от безделья.

Наконец метель унялась, и в белесом небе проглянуло мелкое клюквенное солнце.

— Ну что ж, Саня, двинемся, пожалуй,— сказал Володя, входя в зимовье. Санька оторвался от продушины в оконце и начал молча одеваться. Он натянул меховые сапоги и, кряхтя, влез в полушубок.

— Рюкзак не забудь,— напомнил Володя.

Они вышли наружу. Рядом с избушкой гудели старенькие аэросани. Корпус у них был от обыкновенной «Победы», снятой с колес и поставленной на полозья. Только вместо автомобильного двигателя работал мощный авиационный мотор с пропеллером позади.

Снег вокруг аэросаней был закапан машинным маслом, а местами протаял до са мой земли.

— Насилу разогрел нашего конька,— по жаловался Володя.— Аж упарился.

На морозе от него действительно вали пар. Летный шлем Володи заиндевел и ка зался отороченным заячьим мехом. От это белой оторочки лицо водителя выглядел еще более худым и смуглым.

Санька открыл дверцу и взобрался на зад нее сиденье. Тем самым он давал понят что все еще сердит на Володю. Если бы то не испугался пурги, Санька давно бы бы в Тургае. Из каникул и так уже пропал четыре дня. Кроме того, Володя вез в Турга свежую почту и долота для буровой вышк Из-за его осторожности, если не сказат хуже, может, вся работа остановилас

Володя включил скорость и дал газ. Аэр сани, дрожа от нетерпения, рванулись вп

ред, и навстречу полетела безмолвная лесотундра. Однообразно мотался из стороны в сторону «дворник», смахивая редкие снежинки, ровно гудел мотор, и сани приятно покачивало на некрутых сугробах.

Володя сунул в рот папиросу и заговорил, чуть повернув голову:

— Ты, Саня, еще глуп: не едал суп из семи круп. Риск, он благородное дело, когда построен на точном расчете. Понял? Вот заблудись мы в пургу или замерзни — кому от этого прок? Мне долота надо доставить и тебя тоже, хоть кровь из носу. А ты в бутылку лезешь.— Володя помолчал, потом снова заговорил:— Ты вот знаешь, почему меня с вертолета на аэросани, к шоферам перевели? То-то и оно, что не знаешь... Этой весной нужно было поисковиков в другое место перебросить — затопило их на прежней стоянке. Я полетел. Прилетаю и вижу: приземлиться негде, кругом болото. Эх, думаю, была не была — и посадил свой «МИ-4» прямо на крышу балка, это дом такой на полозьях, и крыша у него плоская. Парней-то я вывез, но дело тем не кончилось. Вызывает начальство и говорит: «За смелость тебе, Владимир Иванович, спасибо, а поскольку смелость эта не от большого ума, марш в шоферы. Потому что ты и промахнуться мог и людей задавить». Вот так-то, Саня, друг мой нетерпеливый...

Под мерное покачивание машины Санька стал клевать носом. В полудреме он думал о предстоящей встрече с отцом. Отец был буровым мастером и дома появлялся редко. Мать сердилась, называла его непутевым цыганом. Но отец только посмеивался:

— Верно сказано, в самую точку: у меня, как у цыгана, курятника нет, да и на подъем я легок.

Сейчас его бригада работала неподалеку от Нефтегорска, где жили Санька с матерью. Раз в неделю из Нефтегорска в Тургай ходили аэросани, и Санька уговорился с матерью, что в зимние каникулы съездит проведать отца. Думая о нем, Санька заснул. Сон приснился жутковатый — разбор сочинений. И будто бы Нина Николаевна говорит: «Арбузов, почему ты написал: «Шторм ложил лодку набок?» А Санька не знает, что на это ответить, и от стыда у него пламенеют уши.

— Да проснись ты, приехали,— вдруг басом говорит Нина Николаевна и трясет Саньку за плечо.

Санька вздрогнул и открыл глаза.

— Приехали, говорю,— повторил Володя.

Аэросани и впрямь стояли у какого-то длинного бревенчатого барака.

Санька проворно спрыгнул на землю и огляделся. К его удивлению, никто их не встречал.

— Оркестра не будет,— сказал Володя.— Одна смена на работе, другая наверняка спит — из пушки не добудишься, а третья уже уехала вахту заступать.

Саньке не терпелось поскорее увидеть отца, и он бегом пустился по тропинке, которая вела к двери. Промерзшая дверь никак не хотела открываться. Выручил Володя, и они вошли в барак.

Середину барака занимала печь, на ней посапывала большая кастрюля, распространяя вкусный запах. На двухъярусных нарах, идущих вдоль правой стены, крепко спали люди. Отца среди них Санька не нашел. В ближнем левом углу Санька увидел большой дощатый стол с горкой вымытых алюминиевых мисок и керосиновой лампой. На краю стола негромко мурлыкал зеленый радиоприемник:

Где-то на белом свете,
Там, где всегда мороз,
Трутся спиной медведи
О земную ось...

— Смена когда вернется? — спросил Санька шепотом.

Володя взглянул на часы.

— Минут пятнадцать осталось.

Скоро за стеной барака заурчала машина.

— Это их вездеход,— сказал Володя.

У дверей затопали, и в барак, толпясь и смеясь, ввалилось до десятка человек. Все они были в одинаковых брезентовых куртках, надетых поверх ватников, в одинаковых шапках и меховых сапогах. Санька не сразу признал отца — настолько тот похудел и оброс черной щетиной.

Отец шагнул к Саньке, положил на плечо тяжелую руку и оглядел вприщур, склонив голову набок.

— Молодцом,— коротко одобрил он.— Здорово вырос.

Помолчав, отец спросил:

— Ну как там мама? Как с ученьем? На тройках, поди, прикатил? Признавайся!

— Троек нет,— обстоятельно начал Санька.— От мамы тебе письмо привез...

— Ладно, поговорим потом,— перебил его отец.— А пока будем обедать.

Перебрасываясь шутками, рабочие раздевались и подходили к Саньке знакомиться. Они протягивали широкие, жесткие ладони и здоровались с ним серьезно, как с равным. Санька млел от гордости. Двоих членов бригады он знал и раньше: дизелиста Федю и бурильщика Рубакина. Они не раз бывали у Арбузовых дома.

За столом стало шумно и весело. Санька сидел между отцом и Рубакиным, пожилым лысым человеком, которого за малый рост весь Нефтегорск заглазно звал «метр с кепкой». Однако рост не мешал Рубакину быть лучшим бурильщиком в крае, а бурильщик, известно, второй человек после мастера.

Саньке, как и всем, навалили огромную миску вермишели с мясом.

— Не робей, друг,— подмигнул Саньке

молодой толстомордый парень.— Ешь — потей, работай — мерзни, сто лет проживешь. Законно!

— Дурак ты, Иван, самородковый,— беззлобно сказал парню Рубакин.— И шутки у тебя... того... — Он посверлил пальцем висок.— Ты не думай, Саня, что он это серьезно.

— Ну, хирурги, будем ленту крутить? — спросил Володя, отодвигая свою миску. — Я новую привез. (За нехваткой киномехаников бывший вертолетчик сам показывал буровикам фильмы.)

Кино смотрели на измятой простыне не первой свежести — Володя забыл рулон экрана. Аппарат был узкопленочный и работал от движка. Каждый раз, когда Володя вставлял в кассету новую пленку, зрители успевали переброситься шуткой и побалагурить.

Фильм был про любовь, и Санька едва не уснул от скуки.

После кино Володя попрощался со всеми и уехал: ему нужно было обслужить еще две точки. Буровики начали укладываться спать. За столом остался только Федя-дизелист: он учился заочно в Свердловском горном институте и сейчас готовился к сессии. Отец говорил про Федю: «моторный парень»,— а в устах отца эти слова звучали как высшая похвала. К великому огорчению Саньки, его самого отец еще ни разу так не называл.

Санька забрался на верхние нары, отец лег внизу. Некоторое время они переговаривались вполголоса. Санька рассказывал про свои дела, а отец изредка перебивал его короткими вопросами.

Потом он вдруг замолчал. Санька окликнул его, но ответа не получил.

«Уснул,— подумал Санька.— Намаялся за день-то. Ну ничего, завтра тоже время будет».

Он повернулся на бок, подтянул одеяло до подбородка и закрыл глаза.

2

Проснулся Санька от холода. В бараке здорово выстыло. Санька попытался лечь и так и этак, чтобы согреться, залез под одеяло с головой, но толку было мало.

— Ну чего возишься?— услышал он негромкий голос отца.— Вот возьми спальный мешок. Мы под утро все в мешки забираемся. А с вечера жарища — хоть веник в руки бери.

Мешок шлепнулся на нары.

— А ты почему не спишь?— спросил Санька.

— Мне уже вставать пора. Смену на вахту отправлять надо.

Санька не успел еще залезть в мешок, как в дверь гулко забарабанили.

— Кого это леший по ночам носит? — проворчал отец и, чиркнув спичкой, зажег керосиновую лампу. Люди на нарах зашевелились.

Отец подошел к двери и изо всей силы двинул ее плечом. Дверь распахнулась, впуская в барак ватные клубы пара.

— Входи, мы не запираемся,— сказал отец.— Силенки, что ли, не хватило?

На пороге стоял человек, лицо его было до самых глаз замотано шарфом. Хлопая белыми ресницами, человек спросил:

— Кто тут Арбузов?

— Ну я, а что? Гостинцев мне принес?

Вошедший размотал шарф, и, вглядевшись в его лицо, отец уже серьезно спросил:

— Случилось что-нибудь?

— Человек обморозился. Сильно. Кровь носом так и хлещет. Видно, легкие спалил.

— Вы откуда?

— Из сейсморазведки. Километров пять от вас. Нужна машина. Вот послали к Арбузову.

— Ах ты черт! — сказал отец.— И Володя, как на грех, уехал... Ну, ладно, ребята поймут.

Он стал одеваться.

— Вы сами поедете? — чуть удивленно спросил сейсморазведчик.

— Сам,— буркнул отец.— Я шофер не ахти какой, да тут светофоров нету. Пошли!

Скоро снаружи простуженно закашлял мотор, потом кашель перешел в рычание, и вскоре стало тихо — вездеход ушел.

— Больница в Еловом,— среди общего молчания сказал кто-то.— В оба конца часа четыре, да отсюда до буровой полтора. В общем, придется третьей смене еще одну вахту вкалывать.

— Арбузову плевать,— раздался вдруг злой голос.— Ему нашего брата не жалко. Хоть в дугу согнись — все мало. Привык, понимаешь, нашим горбом ордена зарабатывать!

Санька весь сжался, услышав эти слова. Но у него отлегло от сердца, когда заговорил Рубакин.

— Ты его ордена не трожь, Иван, — с тихой угрозой сказал бурильщик.— Матвеич здесь двадцать лет жилы рвет. Ты за свою жизнь воды столько не выпил, сколько из него комары крови повысосали. А о третьей смене не убивайся, там люди, небось, не тебе чета.

Рубакин поднялся и растопил печь, плеснув на дрова немного керосину. Пламя в печи обрадованно загудело. Рубакин поставил на конфорку огромный ведерный чайник и закурил.

— Н-да, катятся годы, как камешки под гору,— вдруг сказал он, ни к кому не обращаясь.— Вот сейчас думаю и сообразить не могу: которая эта скважина по счету?

— Уж так-таки и забыл? — недоверчиво спросил Федя-дизелист, тоже слезая с нар.

Рубакин помотал лысой головой.

— Ей-богу, парень, забыл. И вот что интересно: помнятся почему-то не самые удачные, а самые трудные скважины. Была у нас с Матвеичем такая под номером семь. Намаялись мы с ней до темноты в глазах... Ну, добрались наконец до заданной глубины. Нефть вроде бы пошла — хорошая нефть, легкая. Обрадовались мы, да ненадолго. Струя вскоре плеваться стала, а потом и вовсе затихла. Значит, думаем, дошло наше долото до крепких палеозойских пород, а в них нефть заполняет только небольшие трещины, не то что в проницаемых песчаниках — те наподобие губки ее собирают. Н-да. Налил в тот раз Матвеич пузырек первой нашей красавицы. С тех пор и носил с собой, вроде талисмана. Другой раз сорвется кто-нибудь из ребят и начнет эти поганые болота лаять: и такие-то они рассякие, и нефти-то в них отродясь не водилось, и нет на это проклятущее комарье хоть маленькой атомной бомбы! А Матвеич крикуну свой пузырек под нос: на, понюхай, вода или нефть? А если нефть, то ее все равно добудем...

Так же неожиданно, как и начал, Рубакин прервал свой рассказ:

— А ну, ребята, налетай — пузо чайком погреем! Саня, слезай!

Крепко заваренный чай пили со сгущенкой. На столе лежали хлеб и толсто нарезанные ломти колбасы, но Санька ел вяло: этот Иван настроение все-таки испоганил.

Четыре окна барака, обрамленные мокрыми ледяными наростами, были словно залиты синими чернилами. Синь эта понемногу светлела и переходила в голубизну: где-то далеко на востоке, за покрытыми снегом болотами, за белыми перелесками, занимался день.

Тихонько тренькал на гитаре Федя-дизелист, напевая высоким голосом одну и ту же чудную песенку:

> Через пни да кочки,
> Восемь дней не евши,
> По тайге дремучей
> Бежал серый заяц...

Трень-трень, гитара... «Через пни да кочки...»

— Перестань выть, и без тебя тошно,— обругали Федю с нар.

Санька понимал, что все ждут отца и оттого нервничают.

Отец приехал, когда уже совсем рассвело. Не раздеваясь, он сказал:

— Давай, братцы, шевелись. Время не ждет.

— Ну, как он там? — спросил отца Рубакин.

Отец нахмурился.

На пороге появился человек, лицо его было до самых глаз замотано шарфом.

— Плохо. Молодой парень из Ленинграда. А случай глупейший. Пошел на охоту, заблудился. Три раза в снегу ночевал, пока нашли. Дурень, даже спичек с собой не взял. Чему их только в институтах учат...

Отец оглядел смену, спросил:

— Консервы, хлеб не забыли? Тогда двигаем.

— Пап, а можно я с тобой на буровую съезжу? — попросил Санька.

— В другой раз. Я скоро вернусь. Погляжу только, все ли там ладно.

Но с третьей сменой отец не вернулся.

Отстоявшие четырнадцатичасовую вахту буровики едва держались на ногах. Они наспех поели и сразу разбрелись по своим нарам.

— Неужто этот парень не выживет? — спросил кто-то из них будто про себя.

— Выживет. Спи,— ответил ему Рубакин.

З На буровую Санька попал лишь через два дня, да и то его взял не отец, а Рубакин.

— Ты к отцу сейчас не лезь,— сказал бурильщик.— У него и так забот полон рот. Заданную глубину прошли, а толку чуть. Может, и ловушки тут никакой нет, ошиблась сейсморазведка.

Дорогой Рубакин рассказал Саньке, что вся Западно-Сибирская низменность образует как бы огромную чашу, заполненную различными породами. Эти породы миллионами лет приносил с собой Мировой океан. Древнее дно чаши местами изгибалось и вспучивалось. Тогда возникали, как говорят геологи, валообразные поднятия. Они-то и стали «ловушками» для газа и нефти. Но ловушки часто бывают пустыми.

— Вот мы их и прощупываем,— добавил Рубакин.— А это, брат, дело тонкое — недаром нас, буровиков, хирургами дразнят...

Буровая вышка стояла посредине поляны, окруженной мелким ельником. Стучали дизели, и вышка то и дело окутывалась сизым дымом выхлопных труб. Бешено вращался ротор, вгоняя в землю турбодолото.

Рядом с пятидесятиметровой вышкой даже деревья казались карликами.

К Рубакину подошел отец. Лицо его, перепачканное мазутом, было невесело, но спокойно.

— Пробьем еще десяток метров,— сказал он, не глядя на бурильщика.— Дальше идти не имеет смысла. Скважина, очевидно, пустая... Оставь-ка покурить...

Рубакин откусил конец бумажного мундштука и сунул отцу папиросу в рот.

— Давай, старик, действуй. Да турбобур смени.

Рубакин кивнул и пошел к вышке.

Вскоре натужно взвыли дизели, залязгала, загрохотала лебедка, и из скважины одна за другой поползли двадцатиметровые стальные «свечи».

И вдруг Санька почувствовал, что земля у него под ногами дрогнула раз и другой. Он испуганно взглянул на отца и не успел еще ничего спросить, как из скважины ударил и поднялся над вышкой гигантский водяной фонтан, похожий на флаг.

Отец схватил Саньку за плечи и что-то крикнул, показывая в сторону леса. Санька слов не разобрал, потому что воздух кругом ревел, как сотня реактивных самолетов. Но и так было понятно: отец приказывает ему отойти подальше.

Ушам было больно. Санька зажал их руками и, проваливаясь по колено в снег, побрел к лесу. Он отошел шагов на сотню и остановился.

Фонтан еще вырос и теперь доставал, казалось, до самых облаков. Он напомнил Саньке джина из «Багдадского вора». Далеко по тундре ветер разносил белые корабли пара. Неожиданно пошел снег, вернее, колючая крупа. Это на лету смерзалась мелкая водяная пыль. Санька лизнул крупу языком — на вкус она была соленой.

А джин ревел, не умолкая. У его ног в шахтерских каскетках на головах деловито сновали люди — крохотные букашки, вступившие в битву с великаном.

На глазах Саньки вокруг скважины выросла целая снежная гора, а левая «нога» вышки превратилась в ледяной столб.

Изредка земля вздрагивала, и тогда из скважины вместе с водой и воющим газом пушечными ядрами вылетали камни. Сердце у Саньки екало и обмирало, будто он проваливался в полынью.

«Только б не убило, только б не убило никого»,— шептал Санька.

К оглушительному гудению газа примешался металлический звук, и Санька увидел, что к снежному конусу, завалившему устье скважины, ползет бульдозер.

«Подход будет пробивать»,— догадался Санька. Бульдозер работал неторопливо, но уверенно: он знал себе цену. Под его натиском снеговая гора рушилась, отступая все дальше и уменьшаясь в размерах. Люди помогали машине лопатами. Траншея подбиралась к устью.

И вдруг стало тихо, так тихо, что Санька решил: уши не выдержали, и он оглох.

И только минуту спустя до него дошло, что это умолк джин. Люди вновь загнали чудовище в подземелье, надев на горловину скважины нужную арматуру.

Санька побежал к вышке, падая и повизгивая от радости.

Отец стоял в кружке буровиков и что-то говорил, улыбаясь. По его чумазому лицу, как ртутные шарики, катились капли пота. Увидев Саньку, он сказал:

— Ну что, сын, продрог? А нам тут жарко было! Ох, и жарко!

— Чистые тропики,— с удовольствием подтвердил Рубакин, глядя на всех снизу вверх смеющимися карими глазами.

*

Домой приехали уже запоздно. Было морозно, но ясно, и в зеленоватом небе, точно медные шляпки гвоздей, светлели бесчисленные звезды.

Буровики гурьбой повалили в барак.

Отец приотстал от них, и Санька встревоженно спросил:

— Ты чего?

— Ничего. Голова немного болит. То ли устал, то ли газу наглотался. Сейчас вот подышу, и все пройдет.— Отец помолчал, потом добавил: — А ты ступай ужинать.

Санька не двинулся с места.

— Знаешь, пап,— неожиданно сказал он.— Я после школы в горный техникум пойду. В тот, где ты учился. Как ты думаешь?

Вместо ответа отец ласково потрепал Саньку по плечу.

Фонтан вырос и теперь доставал, казалось, до самых облаков.

радиостанция „Здравствуй!“

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Разговор в 7«Г»

Они не впервые собираются вместе — пионеры-семиклассники из московской школы № 842 и комсомольцы стройуправления № 140. И в прошлом году собирались и в этом не раз. Рассказывали друг другу о том, чего хотят добиться, что получается и как. И всегда оказывалось, что в чем-то могут помочь друг другу.

Ребята замыслили старый военный блиндаж превратить в дружинный мемориальный комплекс — строители ребятам помогли.

Комсомольцы решили досрочно сдать объект — ребята напросились в помощники.

Но этот последний их совместный разговор был особенно важным.

— Может ли сила сотни превышать силу тысячи?—спросила семиклассников их вожатая Женя Громова и ответила словами Владимира Ильича Ленина:—«Может и превышает, КОГДА СОТНЯ ОРГАНИЗОВАНА».

— Сила комсомола,— говорила секретарь комитета комсомола строителей Светлана Шевченко,— в силе каждой первичной организации. Сила пионерской организации — в силе каждого пионерского отряда.

Мы, комсомольцы, сейчас много думаем, как умножить наши общие силы, работать точнее, организованнее, лучше. А вы?

— В чем сила вашего отряда,— спрашивали ребят комсомольцы,— и где вы видите свои слабости? Что нужно сделать, чтобы отряд — сорок человек — стал единым, крепким союзом единомышленников? Ведь марш «Всегда готов!» — это боевая поверка отрядов, поверка собранности, деловитости, единства, инициативы.

Никогда еще так горячо и откровенно, так остро и прямо не говорили семиклассники о своем отряде.

Встреча с шефами давно окончилась, а разговор в отряде продолжается.

ОТ РЕДАКЦИИ. Разговор в отряде седьмого класса «Г» имени героя-панфиловца Ивана Баранова действительно ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ.

О силе каждой первичной организации заботятся комсомольцы. Сила единства, боевой стиль жизни пионерского отряда — твоя забота, пионер.

В. БЕРЕСТОВ

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

*

А думал я, с детством прощаясь,
Что нет возвращенья туда.
Теперь я легко возвращаюсь
В далекие эти года.
Спешу к позабытому дому,
К друзьям незабытым бегу.
В том мире ушедшем любому
Судьбу предсказать я могу.

Больничный двор

За беленым забором больницы
Георгины и розы цвели,
Распевали веселые птицы
И жужжали большие шмели.

С мокрой клумбы, как запах лекарства,
Разносился цветов аромат.
Как хозяин волшебного царства
Брел больной, запахнувши халат.

И мечтал я вот так же одеться,
В сад явиться, пройтись по нему...
Человек не завидует в детстве
Разве только себе самому.

Воробушки

О чем поют воробушки
В последний день зимы?
— Мы выжили!
— Мы дожили!
— Мы живы! Живы мы!

Удочка

Гибкая палка,
Московская снасть.
Эта рыбалка —
Отцовская страсть.

Сердца блаженный
И сладостный стук.
Чуткой антенной
Замер бамбук.

Смертная скука
Со стороны.
Светлая мука
У края волны.

Тяжесть грузила.
Игра поплавка.
Тяготы все уносила
Река.

На пруду

Старуха белье полоскала,
Вальком колотила она.
И в берег мой шумно плескала,
Весь пруд обнимая, волна.

Качалась икра лягушачья,
Качались жуки-плавунцы.
И малый кораблик ребячий
Качнулся и отдал концы.

Играли в волне осокори
Своей отраженной листвой...
Сто метров над уровнем моря
И тысячи верст до него.

Беженки

Не по-русски, а вроде по-русски...
Непривычен распев голосов.
Белоруски они. Белоруски.
Из лесов. Из горящих лесов.

Гром войны. Громыханье телеги.
Разбомбленный, расстрелянный шлях.
И на скорую руку ночлеги
В стороне от дороги, в полях.

Калуга, 1941

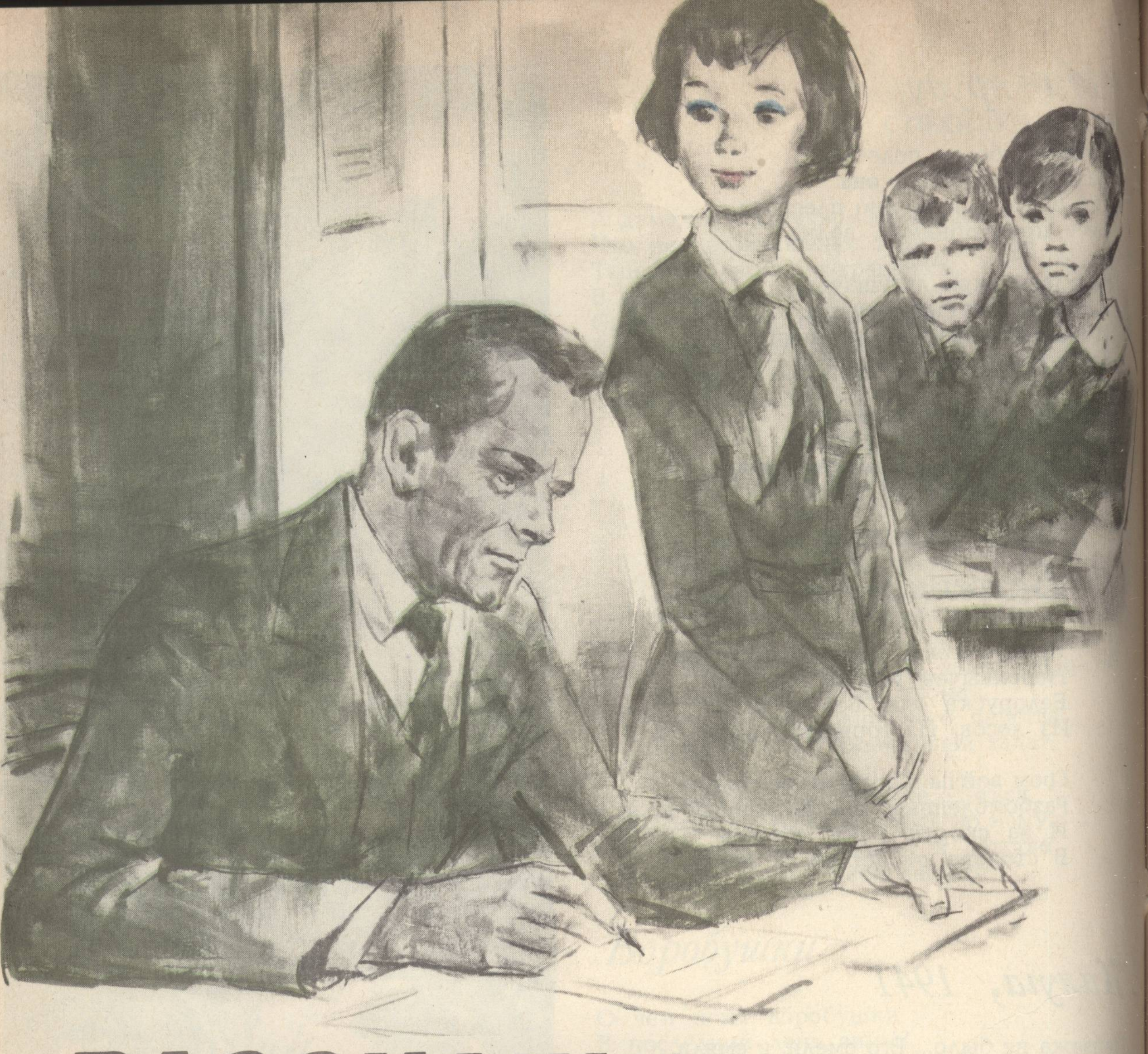
Пейзажа не было... Его смели, и смяли,
И растоптали... Лишь густая пыль
Да медленное умиранье солнца.
И снова пыль. И люди, люди, люди,
Стада, телеги — все одним потоком
Катилось. Шумы, окрики, слова
Слились в единый гул, роптавший глухо.
И желтые вечерние лучи
Ложились тяжкими последними мазками
На спины уходящих... Вот когда
Я с детством распрощался.

Последний глоток

У нас в экспедиции,
Согласно традиции,
В каких бы песках ни пришлось нам идти,
Напиться из фляги с последней водицей
Дозволено лишь на обратном пути.

Для этого нужно вполне убедиться,
Что рядом жилье, что окончен поход.
Заветная фляга с последней водицей,
Как кубок победный, по кругу идет.

«РАССКАЖИ про Иван Палыча...»

Анна МАСС

РАССКАЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Новый учитель физики произвел на нас очень странное впечатление. Вошел в класс человек лет сорока пяти, с красным, обветренным лицом, с глазами навыкате. Белки глаз — в красных прожилках. Короткий пиджак в обтяжку. Под пиджаком чувствовались такие мускулы, что не учителю впору, а какому-нибудь матросу. Мы и решили вначале, что это не учитель, а слесарь или водопроводчик: на днях как раз лопнула труба на четвертом этаже, и вода залила весь пол.

Новый учитель подошел к окну, открыл фрамугу, потом вытащил из кармана пиджака мятый носовой платок, звучно высморкался и сказал:

— Значит, так: зовут меня Иван Палыч. Я у вас физику буду преподавать.

Взгляд у него был пристальный, ухватистый. Он рассматривал нас, а мы, сорок восьмиклассников, рассматривали его.

Он вынул из верхнего кармана пиджака авторучку, открутил крышечку, стряхнул кляксу в чернильницу на первой парте и поставил против моей фамилии пятерку.

Учитель повернулся к доске, взял в руку мел и стал объяснять новый закон. Объяснял он здорово. Я все поняла. А уж если даже я все поняла, это значит, что он действительно здорово объяснил. Окончив, он спросил, есть ли желающие выйти к доске и повторить. Я подняла руку, и он знаком вызвал меня. В классе возникло веселое оживление, как всегда, когда меня вызывали по математике или физике. Все ожидали бесплатного эстрадного представления. А его и не произошло. Я довольно уверенно повторила то, что говорил учитель.

— Как твоя фамилия? — спросил он.

— Львова, — ответила я.

Он толстым пальцем нашарил в журнале мою фамилию, вынул из верхнего кармана пиджака авторучку, открутил крышечку, стряхнул кляксу в чернильницу на первой парте и поставил против моей фамилии пятерку. Послышался глубокий удивленный вздох всего класса: никогда в жизни я больше тройки по физике не получала.

Впрочем, нет. В шестом классе я один раз получила пятерку за контрольную, списанную у Серовой. Но я тогда, промучившись неделю, подошла к Николаю Петровичу и созналась, что контрольная целиком списана. Если бы я получила тройку или даже четверку, я бы не созналась. Но пятерка — это уж слишком. Все-таки совесть у меня есть. Николай Петрович подумал, вздохнул и сказал:

— За то, что ты списала контрольную, я переправлю тебе пятерку на двойку. Но за то, что ты в этом призналась, я уважаю тебя и впредь буду уважать.

Так что всего неделю погуляла я с пятерочкой, зато заслужила уважение Николая Петровича, который с той поры меня запомнил и даже стал звать по имени. А это что-нибудь да значит, потому что Николай Петрович преподавал в двух школах и в техникуме, и не только имен, фамилий ни у кого не помнил.

— Что стоишь? Садись! — сказал новый учитель.

Я села и, еще не веря в чудо, несмело спросила:

— А вы и в табель поставите?

— Поставлю! — ответил он. — Давай табель!

Я принесла ему свой чистенький табель, и он вывел мне в нем пятерку. Первую отметку в этом учебном году.

Учитель встал из-за стола, посмотрел на часы, потом на нас и прошелся по классу.

— Иван Палыч, а вы на фронте были? — спросила Серова и спряталась за Калашникову. Не знаю, почему она задала этот вопрос. Война уже давно окончилась. Но наш историк, например, до сих пор носил орденские ленточки, а у Ивана Павловича ленточек не было, хотя по сравнению с историком он выглядел, как Илья Муромец.

— Был, — сказал учитель.

— В пехоте или где? — подала голос Корнеева.

— Или где, — загадочно ответил Иван Павлович.

Прозвенел звонок, Иван Павлович дал задание, сунул журнал под мышку и ушел.

Когда я вышла из класса, я увидела свою двоюродную сестру Маринку, пятиклассницу. Она стояла и смотрела вслед идущему по коридору учителю. Я толкнула ее, и она обернулась.

— Како-ой! — протянула она. — Это кто?

— Наш новый физик, — сказала я хвастливо. — Правда, мировецкий?

— Да-а!.. Он прямо, знаешь, как кто? Как капитан Петр Сергеевич!

Маринка увлекалась книжками про шпионов, и любимыми ее героями были всякие майоры Сергеевы, лейтенанты Пронченко и вот — капитан Петр Сергеевич.

— Бывший разведчик, между прочим, — соврала я, не сморгнув.

Маринка вздрогнула. Отошла от меня и осо-

бой, выслеживающей походкой, прижимаясь к стене, короткими перебежками за спинами гуляющих девочек она проследовала за Иваном Павловичем до самой учительской.

Дома я сообщила маме, что получила по физике пятерку.

— Вот видишь! — воскликнула мама. — Вот ведь можешь, когда хочешь!

Мой рассказ о новом учителе тоже произвел на маму впечатление, но не такое, как моя пятерка. Мама целый день мною гордилась. Когда зашла соседка с пятого этажа одолжить сахару, мама и ей похвасталась, что я получила по физике пять. Как я любила радовать маму хорошими отметками! И как жаль, что это редко случалось. Зато сегодня у нас обеих был праздник.

Во дворе я тоже всем рассказала, какой у нас теперь новый физик. Для полноты его образа я прибавила, что он был разведчиком. А может быть, и правда! Он ведь не говорил, что не работал в разведке!

Весь наш двор отнесся к этому моему сообщению с интересом. Но кого оно потрясло — это Маринку. Она была еще маленькая, и мы ее в свою дворовую компанию не принимали. Она сама не путалась у нас под ногами, у нее были собственные интересы. Но сегодня она привязалась ко мне, как комар:

— Расскажи что-нибудь про Иван Палыча!

— Да что рассказывать!

— Ну хоть что-нибудь.

— Отстань!

Мне было не до нее. Аня Горчакова пригласила меня на день рождения, в субботу, и мне нужно было выяснить один очень важный для меня вопрос: придет ли на день рождения один мальчик, Саша, который мне нравился. Но так, прямо спросить я стеснялась. Я ходила вокруг Ани и пыталась выяснить этот вопрос косвенным путем.

— А из девчонок кто будет?..

— Я, ты, Юлька и Наташка.

— А-а.

Я опять походила, поиграла мячиком и с ноткой неудовольствия спросила:

— А мальчишки будут?

— Ага.

Я скорчила гримасу, как бы давая понять, что мальчишки на дне рождения для меня вовсе лишнее.

— Ну, если двое Мишек — это еще ничего. Больше, надеюсь, никого не зовешь? — спросила я и азартно застучала мячиком об землю, потому что как раз сейчас, как подсказывала логика, Аня должна была ответить на интересующий меня вопрос.

И тут все испортила Маринка.

— Валь! Валя! — влезла она. — Ну расскажи еще что-нибудь про Иван Палыча!

— Убирайся отсюда! — заорала я, повернула Маринку спиной к себе и так двинула ее коленом, что она пробежала несколько шагов, вытянув руки, и едва не врезалась носом в асфальт. Она горько заплакала и ушла домой.

— За что ты ее так? — спросила Аня.

— Да ну ее! — ответила я, пылая благородным негодованием. — От горшка два вершка, а тоже! Вмешивается!

На следующий день я очень пожалела о своем поступке, потому что с Маринкой произошло несчастье: она вернулась домой из школы поздно, глаза у нее были красные и слезились. Когда ее мама с папой стали выяснять, что с ней случилось, она ничего толком не могла объяснить. Глаза опухли так, что почти совсем закрылись. Из них непрестанно текли слезы, разъедая веки. Рано утром Маринку на «Скорой помощи» отвезли в глазную больницу.

Дело вскоре выяснилось. Маринка так начиталась книг про шпионов, что ей повсюду стали мерещиться шпионы. Вместе со своей школьной подругой Леной они выискивали на улицах всяких «подозрительных типов» и принимались их выслеживать. На этот раз они долго выслеживали одного гражданина, и преследование завело их во двор, где шла сварка. Маринка и Лена остановились за спиной у сварщика и стали смотреть на красивое пламя. Сварщик в защитном шлеме стал их прогонять. Лена послушалась и отошла, а Маринка еще долго смотрела.

У Лены глаза тоже опухли, но меньше. Бабушка сделала ей компресс из крепкого чая, и это помогло. А Маринка всю дорогу домой терла глаза грязными руками и занесла инфекцию. Врач в больнице сказал, что у нее воспаление слизистых оболочек и что положение серьезное. Маринкиным родителям даже разрешили по очереди дежурить в палате.

Я пришла в больницу прямо из школы. Маринкина мама стояла в коридоре и разговаривала с врачом.

— Вы не волнуйтесь, — говорил врач. — И, главное, ей не давайте почувствовать, что вы волнуетесь. Для нее сейчас самое важное — хорошее, спокойное настроение. Побольше положительных эмоций.

Когда я вошла в палату и увидела Маринку, я едва сдержала слезу. Она лежала в постели такая тихая и беспомощная, какой я ее никогда еще не видела. Глаза у нее были забинтованы.

— Мама! — позвала Маринка и протянула одну руку в сторону двери, совсем как слепая.

— Маринка, это я, Валя, — сказала я виновато. — Тетя Нина сейчас придет. Она с доктором разговаривала, а сейчас пошла перекусить. Она сказала, чтобы я пока с тобой посидела.

— А! — сказала Маринка. — Ну садись. Тут стул должен быть рядом. А я ничего не вижу.

— Ясно, у тебя глаза забинтованы. Доктор сейчас сказал тете Нине, что уже опасности никакой. Только нужно спокойно лежать. Тебе очень больно?

— Нет, ночью было очень больно. А потом мне укол сделали, и сразу перестало болеть. Так хорошо стало. А сегодня только щиплет, но не очень сильно.

Мы помолчали. Я оглядела палату. В ней стояло пять кроватей, но заняты были только

три. Кроме Маринки, лежали еще две девочки, лет по десяти, тоже с забинтованными глазами.

— Ты не сердись, что я тебя треснула, — сказала я, — это на меня просто нашло.

— Ничего, — сказала Маринка. — На меня тоже находит. Недавно на меня так нашло, что я Лену портфелем ударила по голове. У нее очки даже свалились. Она сказала, что майор Сергеев — все равно что шпион. Только наш. А он никакой не шпион, а советский разведчик. Правда?

— Конечно.

— Валь! А доктор не говорил, что я ослепну?

— Ты что! Он, наоборот, сказал, что у тебя дела идут все лучше и лучше.

— А я все время про это думаю. И читать нельзя... Валь! А Иван Палыч ничего не рассказывал, как он был разведчиком?

— А! Да! Рассказывал. Про то, как он учился на разведчика.

— Ой, расскажи!

— Ну, вот. Он пять лет учился на разведчика. Ему сказали, что его отправят в Берлин. Он изучил расположение берлинских улиц так, что мог с завязанными глазами проехать на машине к любому месту.

— И что?

— Больше пока ничего не рассказывал.

— Если еще что-нибудь расскажет, ты мне перескажи, ладно?

— Конечно.

— А когда у вас теперь физика?

— Завтра.

— Вдруг он завтра что-нибудь расскажет? Придешь тогда?

— Приду.

На следующий день я опять из школы побежала в больницу. Сегодня у постели дежурил Маринкин папа.

— Вот хорошо, — сказал он. — А она тебя давно ждет. Поболтайте, а я пойду вниз покурю.

— Ну, как ты? — спросила я.

— Хорошо. Была физика?

— Была.

— Рассказывал?

— Ого! Пол-урока! Ну вот: он три языка в совершенстве знает. Немецкий, английский и... и японский. Он загримировался под немецкого офицера и проник в Берлин. И там вызнавал разные сведения. У него был передатчик в лесу. Он каждую ночь пробивался в лес и передавал сведения прямо в Москву. И вот однажды...

Маринка вся подалась вперед. Одна из девочек, соседок по палате, жалобно попросила:

— Вы не можете чуть-чуть погромче рассказывать?

Я почувствовала некоторую неловкость, но остановиться уже было нельзя: три головы жадно подались навстречу моему голосу.

— ...Ивана Павловича выследили. На него навалилось сразу десять человек, но он всех раскидал, потому что он невероятно сильный. Он бы смог убежать, но его окружили. Тогда он влез на дерево и быстро изменил свой облик. Он загримировался японцем. Когда его схватили, он вырвал у одного из солдат нож и сделал себе харакири. Немцы решили, что он мертв, и ушли. Но он был только тяжело ранен. Он сам себя зашил! Потом он дополз до передатчика и передал сведения. И потерял сознание. Его спасла немецкая девушка английского происхождения. Он притворился, что он английский летчик. Она носила ему еду в корзине с двойным дном.

Я вспотела, пока рассказывала. Маринкин папа давно уже вернулся и тоже слушал, стоя возле двери, чтобы не мешать.

— Когда у вас теперь физика? — спросила Маринка.

— Завтра.

...Как Иван Павлович смог пережить столько опасностей и остаться в живых — это просто необъяснимо. Всю войну он находился на волоске от смерти. Несколько раз его хватали, подвергали страшным пыткам, но ему каждый раз удавалось бежать. Один раз его спасли партизаны. Он принял на себя командование партизанским отрядом. Пускал под откос поезда. Специально из Кремля к нему прилетел на самолете генерал, чтобы вручить ему Звезду Героя. Он ее сейчас не носит из скромности. Пользуясь знанием немецкого языка, он заманивал в засаду целые полки и дивизии и уничтожал их чуть ли не в одиночку.

Четыре дня подряд я ходила к Маринке в больницу. И каждый раз все три незрячие головы радостно приподнимались мне навстречу и три голоса умоляли:

— Расскажи про Иван Палыча!

На пятый день Маринке сняли повязку, а на седьмой выписали. Белки глаз у нее были еще красноватые, но доктор сказал, что постепенно это пройдет. И что могло окончиться хуже.

А меня доктор спросил:

— Что это за истории ты рассказываешь, от которых мои больные так здорово поправляются?

— Про нашего физика... — смущенно пробормотала я.

— Замечательный человек! — сказал доктор. — Удивительный. У меня во второй палате мальчик лежит после операции. Сходила бы ты к нему, рассказала про вашего физика!

Я решила, что доктор шутит, и к мальчику не пошла.

А может, не шутил?

Когда Маринка в первый раз после возвращения из больницы вышла погулять во двор, на нее смотрели прямо как на героиню. Ведь все в нашем доме очень волновались и переживали за Маринку. Но Маринка вела себя скромно, как и подобает пятикласснице. В мои взрослые разговоры с подругами она больше не вмешивалась. Только когда она увидела, что мы с ней остались во дворе одни, она подошла ко мне и сказала:

— А я догадалась: ты мне в больнице все выдумывала... Не может человек сам себя зашить... Но все равно: расскажи про Иван Палыча!

На северной трассе

В детстве все, даже многие девочки, пусть недолго, пусть месяц, но все хотели быть шоферами. И я хотел. Потом забыл, что хотел. А потом снова вспомнил...

Но в детстве как? Все идут, а ты едешь — здорово! Лихо газуешь и рулишь — хорошо! Вот только никак не решишь, на чем интереснее: на легковушке, на грузовике или на автобусе.

Сейчас чуть-чуть по-другому.

Шесть лет я прожил с родителями на Севере. Есть там в Магаданской области такой поселок — Атка: Атка — поселок шоферов. Все они работают на трассе. Но о трассе потом.

Сначала о том, как я познакомился с Виктором Николаевичем Кравченко.

Я увидел его в первый раз на первомайской демонстрации. Идет впереди человек и несет знамя. А лицо мне почему-то знакомо. Знакомо, а откуда — не пойму. Чего я только тогда не напридумывал, но так и не вспомнил.

А на следующий день пошли мы с ребятами в клуб. И опять я с ним встретился. Смотрю, на доске почета среди передовиков его фотография, а под ней подпись: коммунист Виктор Николаевич Кравченко. Да я же каждый день ее видел! Улыбка у человека такая запоминающаяся! А там, на демонстрации, он был серьезным.

Оказалось, что ребята из интерната Виктора Николаевича давно знают, он раньше в интернате шофером работал. Его очень все любили.

А когда он пришел к нам и рассказал ребятам о своей работе на трассе, я понял, почему.

Он сам человек влюбленный. Он Север любит и свое шоферское дело.

А оно здесь совсем особое.

На Севере все знают, что такое трасса.

Вот если б в темный зимний вечер взять и пролететь над нашим северным краем, через бураны и вьюги можно будет разглядеть тонкую пунктирную ленточку бегущих огней среди безбрежной, бесконечной кромешной тьмы. На тысячи километров тянется она, эта ленточка, соединяя скопления неподвижных огней — города и поселки Севера. Только не пролететь нам. Самолет не пробьется сквозь вьюгу. Вертолет не поднимется в буран. Но в стужу и дождь, в рассветной мгле и в ночном тумане гудят на трассе машины. Их рейсы на сотни километров по дороге, где на сотни километров никакого жилья.

Они везут людей и продукты, горючее и медикаменты, золото, добытое в тайге, и алмазы. Трасса — это весь грузопоток Севера.

Виктор Николаевич работает на трассе. Он ведущий колонны. Его машина идет впереди. Пробивает заносы. Метель. Ночь. Дождь. Туман.

Ведущий колонны на трассе — это капитан дальнего плавания, идущий на флагмане, а за

ним — весь караван. Это не преувеличение, это точно.

Его машина не может встать. Ведущий должен знать, что каждую минуту происходит позади, чтобы никто за ним не устал, не измотался, не отстал.

Виктор Николаевич говорит, что он прямо слышит, чувствует свою колонну. И людей и машины. И я его понимаю.

Он говорит, что любит возить срочный груз, очень важный или опасный. Когда его очень ждут и волнуются. Потому что он тогда — как пружина на взводе.

И я, кажется, знаю, что это такое. Это, помоему, самое высшее напряжение сил.

Шофер на Севере делает трудную работу. А трудная работа, если она удается, делает человека сильным.

Еще три года, и я поеду обратно на Север. Буду работать на трассе.

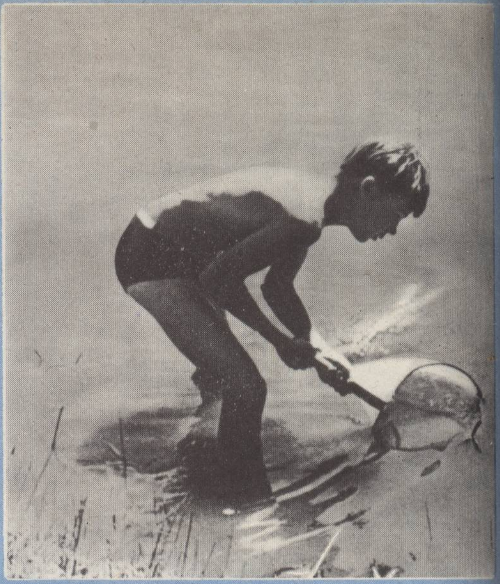
Витя СКВОРЕЦ, 14 лет,
Украинская ССР, г. Чернигов.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

Начало см. на II полосе обложки.

— Нам пришлось трудно,— говорит Саша Дембрович из 4-й киевской школы.— Из мелководья в Днепр мы тащили мальков в ведрах. Сколько могут прожить мальки в ведре? От силы восемь минут, а потом они задохнутся: им не хватит кислорода. Мы переносили их бегом, а в полдень, когда жара усилилась, попросили помощи у шоферов, перевозивших песок в карьер. К реке машины шли пустые, и они согласились подбрасывать нас. Время сократилось до пяти минут. Сачки мы заменили марлей, работа пошла быстрее.

Если бы машины постоянно могли помогать нам...

Если бы везде и всегда консультировали нас специалисты...

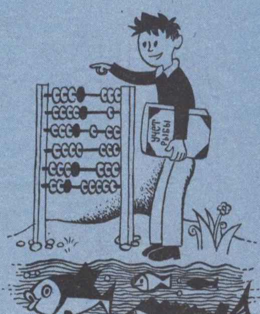

— Этим нужно немедленно заняться,—сказал министр.— Я прошу все наши местные органы, рыбводхозы, инспекторов рыбоохраны организовать работу ребят, помочь им всем возможным...

О НАУЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЯХ
говорят Юра Разгонов, Саша Поляков и Коля Беляшевский.

— Мы не ихтиологи, мы орнитологи. Летом мы наблюдали за образом жизни и поведением цапли. Работа проводилась в Пырнове, на Днепре. Там большая колония цапель, 277 взрослых особей.

Цапля питается в основном мальками. Особенно много рыбы цапли поедают в период выкармливания птенцов. По нашим наблюдениям, птенец цапли съедает в день полкилограмма рыбы. Как можно было заметить, при большом скоплении цапли приносят вред рыбному хозяйству страны.

ВОЗНИК И ПОСТАВЛЕН ВОПРОС.

— Но нельзя же уничтожить цаплю. Как быть? Может быть, ученые нам подскажут?!

ВОЗНИК И ПОСТАВЛЕН ЕЩЕ ОДИН ВОПРОС.

Его ставит Юра Кокарев.

Юра тоже занят научно-исследовательской работой. На станции юных натуралистов он изучает физические и химические свойства воды в пруду, наблюдает его флору и фауну, следит за ростом и развитием рыбы. Сделаны сотни опытов, обобщены результаты.

— Мы хотим передать наши знания всем голубым патрулям, но не знаем, как это сделать.

И ЕЩЕ ОДИН ВАЖНЫЙ ВОПРОС.

— Мы хотим заниматься научными исследованиями, к кому нам обращаться?

— У вас на Украине,—сказал министр,— старшие товарищи ведут большую работу, организуя прудовые рыбные хозяйства. Я думаю, участие в работе таких хозяйств принесет вам пользу. Там вы сможете вести научные исследования под руководством ученых.

О РАБОТЕ В ТУРИСТСКОМ ПОХОДЕ
рассказывает член туристского клуба имени Отто Юльевича Шмидта Саша Стулов.

— Мы любим путешествовать. Побывали на Таймыре и в Саянах, на Приполярном Урале и полуострове Канин Нос.

Во всех своих походах мы выполняли задания рыбозаводов, рыболовецких бригад, инспекторов рыбоохраны. Уничтожали браконьерские сети, охраняли от браконьеров реки и озера, вели учет рыбы, выловленной стандартными сетями, расчищали устья рек от лавинных сносов, чтобы подготовить их для нереста.

А в междуречье Днепра и Десенки, как и все голубые патрули, спасали рыбий молодняк. Но вот что нас беспокоит...

ЕЩЕ ОДНА ПРОСЬБА, ОБРАЩЕННАЯ К ВЗРОСЛЫМ.

— Мы можем сделать больше... Если у нас будет ясная, четкая, конкретная программа действий.

Если мы получим хотя бы небольшой минимум знаний по рыбоводству.

На киевском совещании встретились и подружились победители операции «Живое серебро» Саша Драников, Саша Стокоз, Коля Сущенко из г. Канева, Сережа Рыба и Таня Талалаева из 171-й киевской школы.

Если нас вооружат научным методом учета рыбы.

Если всюду, куда мы приходим, мы почувствуем, что помощь наша действительно нужна...

И министр сказал, обращаясь ко всем взрослым в зале:

— Я прошу всех наших работников взять на вооружение то, что рассказали нам ребята. Установить тесные контакты с Домами пионеров, со школами, с комсомолом, всячески поддерживать движение ребят и помогать им всюду, где нужна помощь.

А голубым патрулям, участникам операции «Живое серебро», министр сказал вот что:

— Мы считаем, что вы, ребята, не случайно присутствуете сегодня в этом зале. Вы дополнили наше совещание своим участием.

Ваши дела — серьезный вклад в нашу работу. Все, что мы услышали от вас, мы возьмем на вооружение. И Министерство, и Главрыбвод, и все наши работники на местах изучат ваши предложения и просьбы и подумают о том, как

создать все необходимые условия для вашей плодотворной работы.

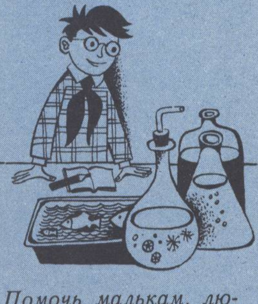
И еще вот что сказал министр:

— Хорошее дело вы начали, замечательное дело. Я высоко ценю вашу работу, друзья. Всем нам, людям старшего поколения, приятно сознавать, что наши ребята заняты делом большой государственной важности.

Вместе со взрослыми охраняя родную природу, выступая ее защитниками, вы боретесь за ленинское отношение к природе.

Вы прекрасно понимаете, друзья, что та разнообразная работа, которую ведет голубой патруль,— это путь к профессии, путь в науку. Ведь вы наша завтрашняя смена. Мы хотим, чтобы смена у нас была надежная, глубоко знающая свое дело, увлеченная, владеющая передовой наукой, инициативная, творческая.

Мы, взрослые, благодарим вас за прекрасное проведение операции «Живое серебро». У вас накопился опыт, вы будете передавать его другим, движение голубых патрулей развернется по всей стране и станет действительно массовым движением пионеров и школьников. А операцию «Живое серебро» мы будем проводить регулярно, ежегодно...

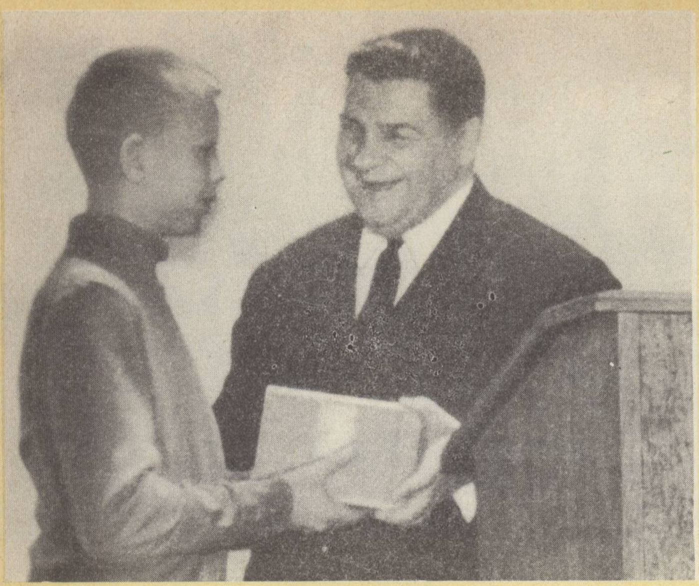

Помочь малькам, любыми средствами спасти их от гибели — вот чем заняты ребята на фотографиях, которые ты видишь.

Совещание по охране и воспроизводству рыбных запасов проходило в октябре прошлого года. В октябре встретились министр и работники рыбного хозяйства страны с украинскими голубыми патрулями.

ТЕПЕРЬ ЯНВАРЬ, И МЫ МОЖЕМ

Министр рыбного хозяйства А. А. Ишков вручает награду — фотоаппарат — Саше Стокозу.

СООБЩИТЬ О РЕЗУЛЬТАТАХ РАЗГОВОРА РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ.

Положение о голубых патрулях рассматривается в Министерстве рыбного хозяйства СССР, Министерстве просвещения СССР и в Центральном совете Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Создаются специальные руководства и инструкции, которые помогут голубым патрулям вести работу широко и научно.

На Украине, под Киевом, организуется опытное прудовое хозяйство, которое станет научной лабораторией для ребят.

Сформирован главный штаб операции «Живое серебро». В него вошли ученые, специалисты рыбного хозяйства, сотрудники редакции журнала «Пионер».

П. Симонова

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВСЕМ! ВСЕМ! ГОЛУБЫМ ПАТРУЛЯМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Операция «Живое серебро» продолжается и в 1971 году.

ГЛАВНЫЙ ШТАБ ОПЕРАЦИИ ПОРУЧАЕТ ГОЛУБЫМ ПАТРУЛЯМ:

1. Хорошо изучить рыбоохранное законодательство. Разъяснять государственные законы рыбной ловли жителям своего города, поселка, села, особенно школьникам.
2. Распространять листовки и плакаты, устанавливать щиты с правилами рыбной ловли.
3. Охранять реки и озера, прибрежную полосу моря. Во время нереста и промыслового лова рыбы вместе с инспектором рыбоохраны патрулировать берега всех подшефных водоемов.
4. Наблюдать за санитарным состоянием рек и озер, прибрежной полосы моря. Об изменении цвета воды, о появлении маслянистых пятен и пленок, о загрязнении и засорении воды, о гибели рыбы и вырубке леса на берегах немедленно сообщать ближайшим органам рыбоохраны. О работе санпостов широко рассказывать в стенгазетах и фотовитринах.
5. С прежним усердием, энтузиазмом и успехом спасать от гибели мальков, вести рыбоводно-мелиоративные работы, обсаживать берега рек и озер деревьями и кустарниками, бороться с заморами.
6. Установить контроль за нерестом рыбы. С помощью взрослых специалистов устраивать искусственные нерестилища. Особая нужда в искусственных нерестилищах на водохранилищах Украины, на Горьковском, Куйбышевском, Волгоградском, Цимлянском водохранилищах.
7. Следить за действием водозаборных сооружений. Вместе со взрослыми добиваться, чтобы они не засасывали рыбу, чтобы хорошо работали рыбозащитные устройства.
8. Помогать работе рыбоводных заводов и хозяйств.

На Сахалине спасать икру тихоокеанских лососей. Отбирать миллионы погибших икринок пинцетом — трудная, кропотливая, ручная работа, но очень важная, необходимая!

В Ростовской и Астраханской областях, в Краснодарском крае и Азербайджанской республике помогать осетровым рыбоводным заводам и нерестово-выростным хозяйствам бороться с хищниками: лягушками, ужами, черепахами.

В Мурманской области и всюду, где водятся лососевые, следить, чтобы рыбью молодь семги и лососей не ловили удочками.

9. Изучать биологию рыб, наблюдать за их ростом и развитием.
10. Участвовать в акклиматизации ценных видов рыбы в новых водоемах.
11. Изучать флору и фауну подшефных водоемов, физический и химический состав воды.
12. Заниматься всеми видами практической и научно-исследовательской работы, которую поручат местные органы рыбоохраны, рыбоводные заводы и хозяйства.

ГЛАВНЫЙ ШТАБ ОПЕРАЦИИ «ЖИВОЕ СЕРЕБРО» СООБЩАЕТ:

Для того, чтобы лучше наладить работу всех отрядов голубых патрулей, во всех областях и районах создаются областные и районные штабы операции. В эти штабы войдут представители областных и районных органов рыбоохраны, комитетов комсомола, советов пионерской организации, местной печати, ученые и специалисты рыбного хозяйства.

ОПЕРАЦИЯ «ЖИВОЕ СЕРЕБРО» БУДЕТ ПРОВОДИТЬСЯ В ДВА ТУРА.

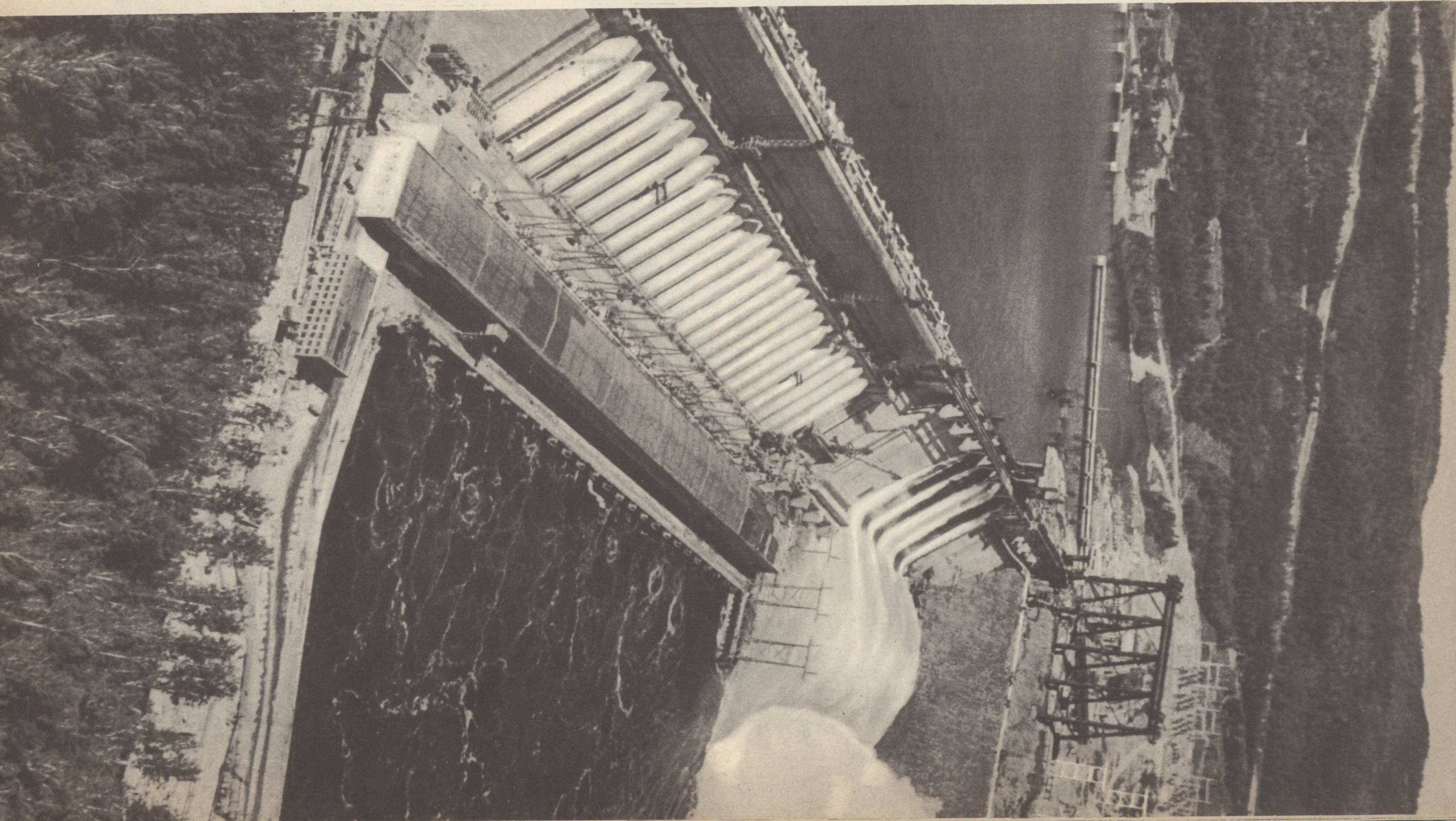
Итоги первого тура главный штаб подведет в июле, ко Дню рыбака, итоги второго тура — после завершения всех основных видов работ, как и в прошлом году.

ГЛАВНЫЙ ШТАБ ОПЕРАЦИИ ЖЕЛАЕТ УСПЕХА ТЕБЕ И ТВОИМ ТОВАРИЩАМ!

Самая КРУПНАЯ в мире

Какая в мире самая крупная ГЭС? До сих пор, отвечая на этот вопрос, мы говорили: Братская. Но вот в гранитном каньоне Енисея встал новый энергогигант — Красноярская ГЭС. Ее построили комсомольцы, молодежь, жители молодого города Дивногорска. Они дали слово, что к открытию XXIV съезда партии их могучая гидроэлектростанция (вы видите ее на снимке) будет полностью подготовлена к сдаче. Пять миллионов киловатт — вот какая мощность у Красноярской ГЭС. Это почти на миллион больше, чем у Братской! И в три с лишним раза больше мощности всех станций, построенных по плану ГОЭЛРО!

Фото М. СКУРИХИНОЙ.

А. КУШНЕР

БЕЛАЯ НОЧЬ

Белою ночью
Деревья в саду,
Как на ладони,
У нас на виду.

Вот я без лампы
Сижу у окна —
В книге любая
Картинка видна.

Тихо скользят
По Неве корабли.
Шпиль Петропавловки
Блещет вдали.

Всю бы я ночь
Не ложился в кровать.
Был бы я взрослым —
Пошел бы гулять.

ТАНК

Танк стоит
на постаменте.
Тридцать лет
тому назад
здесь, где с моря
дует ветер,
защищал он
Ленинград.

Здесь тогда
кончался город.
Средь оврагов
и кустов
в дождь и снег,
жару и холод
он к отпору
был готов.

На его граненой
башне
блещет красная
звезда.
Экипаж его
бесстрашный
села брал
и города.

Людно здесь теперь
и чисто,
и дома стоят
кругом.
Где сейчас
те три танкиста,
что тогда
сидели в нем?

ДУДКИН ОСТРИТ

РАССКАЗ

Юрий СОТНИК

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Аглая, Дудкин, Брыкины и я были крупными знатоками по части меблировки. Наши семьи одними из первых вселились в новый дом, а после этого мы успели, наверное, раз семьдесят посмотреть, как вселяются другие. Мне кажется, нам были знакомы все фасоны диванов-кроватей, шкафов и сервантов, которые выпускает наша промышленность.

Но к осени в нашем доме достроили последнюю секцию, стали въезжать новые жильцы, и однажды во двор приехала машина с такой мебелью, какой мы раньше не видели.

Почти вся она была сделана из какого-то особого, очень красивого дерева, ножки столов, мягких стульев с овальными спинками были изогнуты и все в резьбе, а на овальной раме большого зеркала лежали два «пацаненка с крылышками» — так Васька Брыкин назвал амуров. Только пианино да шкафы были обыкновенные.

Не одних нас заинтересовала эта мебель. Взглянуть на нее подошли несколько взрослых.

Не одних нас заинтересовала эта мебель. Взглянуть на нее подошли несколько взрослых, даже профессор Грабов подошел.

— Старина, — вздохнула какая-то женщина.

— Старина... а вот не старье, — заметил Дудкин.

Действительно, шелковая малиновая обивка на стульях и на диване была новая, а все деревянные завитушки блестели приятным матовым блеском.

Профессор Грабов взъерошил Антошкины волосы и сказал:

— Молодец! Продолжай в том же духе!

Никто из нас не понял, чем понравились профессору Антошкины слова, но мы обратили на это внимание.

Нам показалось странным, что хозяева старинных вещей очень уж обыкновенные: бледная востроносенькая женщина в джинсах и здоровенный дяденька в старой майке.

Но вот последние вещи втащили на третий этаж, и грузовик с рабочими уехал. Буквально через минуту во двор вкатило такси, и тут нам стало ясно, кому принадлежит старинная мебель. Из машины вышла дородная прямая женщина с очень пышными седыми волосами и розовым лицом почти без морщин. Платье на ней было длинное.

— Во! Екатерина Вторая! — шепнул Дудкин.

Аглая и Зина хихикнули. Женщина и в самом деле походила на Екатерину Вторую, которую мы недавно видели в кино. Вслед за женщиной появилась девочка нашего возраста.

— Мама! Мы едем! — крикнул сверху мужчина.

— Сами управимся! — ответила «Екатерина Вторая».

Она расплатилась с шофером, нагрузила девочку какими-то свертками, сама взяла два

больших чемодана и легко пошла с ними к подъезду.

— Спасибо, дорогой! — сказала она, когда Дудкин открыл перед нею дверь.

Девчонки пошли к управдому раздобывать сведения о новых жильцах и примчались обратно с вытаращенными глазами. Оказалось, что «Екатерина Вторая» не кто иная, как заслуженная артистка республики Вера Федоровна Двинская.

Аглая с Зиной даже не спросили управдома, как зовут остальных, они сразу побежали сообщать эту новость нам.

На следующее утро Дудкин уехал с отцом по грибы. Аглая, Зина, Васька и я весь день слонялись по двору, ожидая, что внучка знаменитой артистки выйдет погулять и нам удастся познакомиться с ней. Но она все не выходила.

Под вечер начались обычные мучения Сени Ласточкина и его старшего брата Бориса. Дело в том, что они построили кордовую авиамодель и вот уже неделю маялись, стараясь заставить ее взлететь.

Сегодня у них тоже что-то не ладилось. Модель трещала бензиновым моторчиком, носилась большими кругами по асфальту, но отрываться от земли не хотела.

Вот тут-то и появились не только внучка Двинской, но и сама Двинская. «Екатерина Вторая» сразу очень заинтересовалась моделью. Она остановилась рядом с нами, сцепила руки перед грудью и стала смотреть во все глаза.

— Ты посмотри, как интересно! Ну, просто копия самолета! Оля! Да ты только взгляни!

А Оля, довольно хорошенькая девочка, смотрела на модель внимательно, однако без всякого выражения на продолговатом бледном лице.

— Занятный самолетик, — согласилась она.

— Бегает, бегает, а не взлетает! — переживала Двинская. — А почему он не взлетает? Или он не должен взлетать? Вот! Теперь совсем остановился!

Моторчик у модели заглох, и конструкторы принялись колдовать над ним. Тут появился Дудкин с кошелкой, полной грибов.

— Рожденный ползать летать не может, — сказал он громко и пошел дальше в свой подъезд. Двинской он, кажется, не заметил, а та уставилась ему вслед.

— Ишь ты, какой остряк! Оля, слышала? Как зло сказано!

— Остроумно сказано, — медленно и серьезно проговорила Оля.

Двинская посмотрела на нас.

— Молодец какой! Он здесь живет? В этом доме?

— Здесь, — ответила Зинаида. — Он еще про вашу мебель сказал... Аглая, помнишь? Тогда еще Антона профессор похвалил!..

Аглая кивнула.

— Ага. Он про вашу мебель сказал, что это «старина, а не старье».

Это Вере Федоровне тоже очень понравилось.

— Смотри, Оля, это уже не цитата, это он уже собственную мысль выразил... И как точно!

Тут уже Аглая сообщила Двинской, что Дудкин назвал ее «Екатериной Второй». И это ей понравилось.

— Слушай, Оля! Да ведь это просто интересный человек!

— Остроумный человек, — согласилась Оля.

— Обязательно познакомьте нас с ним, — сказала Вера Федоровна. — Оля! Да ведь с такими острословами ты просто можешь светский салон открыть!

— Интересно будет познакомиться, — без всякого выражения проговорила Оля.

На следующее утро, сидя за завтраком, я услышал, как Аглая и Зинаида надрываются во дворе:

— Антошка! Дудкин! Антошка, выйди скорей!

Я появился во дворе в ту минуту, когда туда вышел Антон. Девчонки так и налетели на него. Приплясывая от возбуждения, они рассказывали, какой вчера получился разговор и как понравились Вере Федоровне и ее внучке все Антошкины изречения.

— Она, знаешь, что про тебя сказала? Что ты очень интересный человек! — сообщила Зинаида. — Во как!

— Кто сказала?.. — вертел головой Антон.

— Да ну Двинская! — кипятилась Аглая. — Так прямо и говорит: «Это, говорит, наверное, исключительно интересный человек! Мне прямо, говорит, оч-чень, оч-чень хочется с ним познакомиться!»

— С кем познакомиться?..

— Тьфу! Да у тебя в голове мозги или что? С тобой ей хочется познакомиться! С тобой!

— Кому?..

— Господи!.. Ну, Двинской! Артистке! Заслуженной!

— Глашк! Погоди! — перебила Зинаида. — И Оля эта... она тоже хочет с ним познакомиться. Она так и сказала: «Это очень интересный человек!»

— Нет, Зинка, ну что ты путаешь! Она «интересный» не говорила!

— Ага! Верно, не говорила! Она сказала, что ты очень... этот... остроумный человек, и потом говорит: «Я тоже это... Я ужасно, с большим удовольствием с ним познакомлюсь». Они из-за тебя какой-то салон даже открывать собираются!

— Выставку, что ли?..

— Не... какой-то другой... светский какой-то.

— Да ну вас! — вдруг обозлился Дудкин и ушел домой.

Как видно, он подумал, что его разыгрывают.

После этого девчонки, наверное, полчаса завывали у него под окном: «Анто-о-ошка! Ну, на мину-у-у-уточку! Ну, вы-ы-ыйди!»

Но Дудкин так и не вышел к ним.

Зато после обеда он явился ко мне. Вид у него был серьезный, озабоченный.

— Ты чего делаешь? Ты один?

— Один. А что?

— Так...

Мы прошли в комнату. Насупив брови, Антон заложил руки за спину и уставился на меня исподлобья.

— Слушай!.. Это правда, чего девчонки говорили?

— Утром?

— Ага.

— Правда,— ответил я.

Антошка еще больше насупился.

— И, значит, эта Оля так и сказала, что я... ну, это... ну... интересный?..

— Нет, это Двинская сказала, что ты интересный человек.

— Двинская?

— Ага. А Оля сказала, что ты остроумный.

— Значит, они обе так и сказали?

— Так и сказали.

Антошка присел на край дивана, подпер подбородок рукой.

— Черт! А я думал, я просто так болтаю, безо всякого остроумия...— Он помолчал, потом взглянул на меня снизу вверх.— А по-твоему, я остроумный? Только честно!

Я никогда над этим вопросом не задумывался, но из деликатности ответил:

— По-моему, остроумный.

— И, значит, они познакомиться хотят?..

— Да. Я сам слышал.

— Вот черт! — Дудкин вздохнул так сокрушенно, что я спросил, почему его все это огорчает. По-моему, для него только лестно, что с ним хотят познакомиться Двинская и ее внучка.

Он поднялся и заходил взад-вперед.

— Тебе хорошо говорить — «лестно»! А мне... Они же познакомятся и все время будут думать: «Вот, мол, интересный пришел, остроумный. Вот, мол, сейчас чего-нибудь такое сострит!» А чего я им буду острить, если я сам не знаю, что остроумно, а что нет?!

Я понял, что положение у Антошки действительно трудноватое, но ничего дельного посоветовать не мог. Антон побыл у меня еще немного, повздыхал и ушел в подавленном настроении. Однако минуты через две снова раздался звонок. Это вернулся Дудкин.

— Лешк...— спросил он, стоя в дверях.— А если я им так скажу: «Вы живете на третьем, а я как раз под этим»? Это остроумно будет?..

Я слегка оторопел.

— А что это такое: «Я как раз под этим»?..

— Ну, в том смысле, что я на втором этаже живу... Правда, в другом подъезде... Но ведь все равно же можно сказать, что «как раз под этим»?..

— По-моему, это все-таки не очень остроумно,— деликатно ответил я.

Дудкин помолчал, вздохнул.

— Вот я тоже думаю, что не очень... Ладно! Пока!

Прошло дня три. Аглая и Зинаида познакомились с Олей, и она прыгала вместе с ними через скакалку и играла с ними в мяч. Антошкой

— Она, знаешь, что про тебя сказала? Что ты очень интересный человек!— сообщила Зинаида.

Оля, как видно, не очень интересовалась, зато Аглае с Зинкой ужасно хотелось их познакомить.

А Дудкин как раз этого и боялся. Он даже не выходил во двор, когда видел там наших девчонок в обществе Оли. Если же родители посылали его в магазин, сначала затаивался в подъезде, выбирая подходящий момент, затем выскакивал и летел к воротам с такой скоростью, что не видно было ни пяток его, ни локтей.

Глашка с Зинкой все-таки засекали Дудкина и бросались ему наперерез. Погоня каждый раз была упорной, большой двор оглашался воплями:

— Антошка, погоди-и-и!

— Антошка, чего скажу-у-у!

— Да ну ладно вам! — хрипел на бегу Дудкин. — Ну некогда мне! Да ну отстаньте вы!

Однажды, когда девчонки вернулись после очередной погони, Оля тихо заметила:

— Все-таки он какой-то странный, этот Антон.

— Чего странный? Почему? — насторожилась Зинаида.

— Дикий какой-то.

— И ничего он не дикий! Просто стеснительный немножко!

— Ой, Зинка, ну что ты врешь! — возмутилась Аглая. — Вовсе он не стеснительный, просто в нем гордости очень много!

А между собой наши девчонки решили: «Влюбился он в эту Ольку. Вот чего!»

Они были недалеки от истины. Антону очень хотелось познакомиться с Олей. Но девчонки не знали, что он дни и ночи мучается, стараясь придумать для этого что-нибудь остроумное. В эту Антошкину тайну был посвящен только я. По нескольку раз в день у нас звонил телефон, и в трубке слышался усталый голос Дудкина:

— Лешк!.. А вот так остроумно будет: «Эх, Оля, Оля, какая у тебя тяжелая доля!»?

— А почему «тяжелая доля»?..

— Ну... ну, может быть, она на что-нибудь пожалуется... Может, скажет, что, мол, в школу скоро идти... еще что-нибудь... Вот я ей и скажу.

— По-моему, неостроумно, — отвечал я и советовал: — Ты зря стихами начал острить. Ведь раньше ты прозой острил, и у тебя получалось.

— Знаю, что прозой... А вот сейчас все почему-то в рифму... Ну, ладно!.. Пока!

На четвертый день вместе с Олей во двор вышла Вера Федоровна и объявила:

— Ну-с, уважаемые!.. С устройством квартиры у нас покончено, на носу начало учебного года, посему приглашаем вас в воскресенье к Оле на новоселье. Шампанского не обещаем, но чай со сладким будет.

Я первым догадался сказать «спасибо». Девчонки тоже поблагодарили, сказали, что обязательно придут, потом Аглая спросила:

— А Дудкину можно прийти?

— Это остроумному-то вашему? Разумеется! Он будет украшением нашего раута. — Вера Федоровна вдруг подняла указательный палец. — Но одно условие, дорогие: все вы тут люди талантливые, театральной деятельностью занимаетесь... Олины друзья тоже не без дарований. Так что давайте устроим маленький концерт. Пусть каждый выступит хотя бы с одним номером, но уж с таким, чтобы им можно было блеснуть.

Это было в четверг. С того же вечера началась подготовка к концерту. Все мы почему-то считали, что Олины друзья должны быть такие же необыкновенные, как мебель ее бабушки, что все они по-настоящему талантливы, не в пример нам, грешным. Ударить в грязь лицом никому не хотелось.

Моя мама принялась разучивать со мной стихи Барто «Лешенька, Лешенька...», Аглаина мама призвала на помощь соседку, и та стала обучать Глашку с Зинкой танцу «летка-енка». Проходя мимо раскрытого окна Аглаи на первом этаже, я слышал звуки довольно хриплого магнитофона и видел две подпрыгивающие головы: одну рыжую, другую темную.

Всех удивил Васька. Он вдруг написал стихи. Никогда в жизни стихов не писал, а тут вдруг взял и выдал. О чем были стихи, Зина обещала Ваське никому не говорить, но она сказала, что стихи «мировецкие».

А вот Антошка ходил как потерянный. И остроты у него все еще не получались, и с каким номером выступать в концерте, он не знал. Девчонки ему, конечно, сказали, что он будет «украшением раута». Он так маялся, словно ему не в гости надо было идти, а к зубному врачу. Я однажды ему посоветовал:

— Ну что тебе мучиться! Выучи какое-нибудь стихотворение — и все!

Он набросился на меня:

— «Выучи! Выучи»! Васька Брыкин — такой лопух, и то собственные стихи прочтет... А я... Они, знаешь, что скажут? «Тоже мне «украшение»! Только чужие стихи учить умеет. Это каждый дурак сможет!»

На следующее утро, когда я еще лежал в постели, раздался звонок. Через минуту мама заглянула в мою комнату.

— Леша! Антон к тебе.

Мама скрылась, и вошел Дудкин. Давно я не видел его таким веселым. В руке он почему-то держал пустую бутылку.

— Лист бумаги есть? — спросил он. — Давай скорей!

— Какой бумаги?..

— Какой хочешь. Хоть газетной!

Я вырвал лист из какого-то старого журнала. Антошка положил лист на стол, поставил на него бутылку и обратился ко мне:

— Если я дерну за эту бумажку, что будет?

— Разобьется бутылка, — сказал я.

— Ладно! Теперь гляди! Только внимательно гляди!

Заложив руки за спину, Антон стал прохаживаться перед столом, делая вид, что разглядывает потолок моей комнаты и стены. Внезапно

он схватил край бумаги, на которой стояла бутылка, и резко дернул за него. Бумага выскочила из-под бутылки, а сама бутылка осталась на столе, даже не шелохнулась.

— Видал? Это папин знакомый вчера к нам пришел, меня научил. Тут главное — быстро дернуть. Если забоишься и тихо потянешь — хана! А если пошире какую-нибудь посудину и потяжелей, так можно не то что бумагу, а салфетку выдернуть!

С некоторой тревогой в душе я принес небольшой горшок с алоэ, стоящий на тарелочке, подстелил под него носовой платок, и Дудкин этот платок великолепно выдернул.

Мы показали фокус Зинаиде и Аглае, и они пришли от него в восторг. Зинаида напомнила, что мы приглашены на новоселье, а новоселам полагается делать подарки. Она предложила купить в складчину керамическую вазу для цветов, которая продавалась неподалеку в художественном салоне и стоила два рубля. Вазу тут же купили. Аглая принесла салфетку, белую, хлопчатобумажную, на которой красными нитками был вышит страховидный котенок.

Дудкин несколько раз подряд выдернул эту салфетку из-под вазы, и все обошлось великолепно.

У Антошки словно гора с плеч свалилась.

— Мне теперь и острить ничего не нужно! — радовался он, когда мы остались одни. — Я буду молчать, вроде бы совсем дурачок, а потом как пойду и как спрошу: «Что это за салфеточка?» Потом как дерну, и сразу все поймут: «Это он только прикидывался дурачком! А на самом деле он во какой!».

И весь остаток дня он тренировался. Тренировался и у меня дома и у себя. Когда ему надоело выдергивать салфетку из-под вазы, он стал выдергивать ее из-под стакана с водой... Он даже выдернул ее из-под круглого пенала, поставленного «на попа».

•

И вот настало воскресенье. В половине пятого мы уже стояли на площадке лестницы перед квартирой Двинских. Васька держал в руках вазу, Аглая — свою салфетку, завернутую в бумагу.

Некоторое время мы подталкивали друг друга и шепотом спорили, кому первому входить. Наконец на это решилась Аглая. Она позвонила. Ей открыла нарядная и очень хорошенькая Оля, и мы все вслед за Аглаей втянулись в переднюю. Из комнаты вышла Вера Федоровна, а из кухни, которая виднелась в конце узкого коридорчика, появились Олины мама и папа и еще несколько взрослых.

Вера Федоровна поклонилась нам.

— Милости просим, дорогие гости! — И повернулась ко взрослым: — Разрешите вам представить: это Аглая, это Зина, это ее брат Вася, это Леша, а это, если я не ошибаюсь, сам Антон Дудкин. Некоторые его «мо» я вам цитировала.

При слове «мо» мы все переглянулись, а Дудкин почему-то скривил рот набок и часто заморгал.

Васька и Аглая вручили Оле подарки (взрослых привел в восторг вышитый Аглаей кот), потом Вера Федоровна объявила:

— Ну! Пусть взрослые идут к себе в кухню и нам не мешают. Взрослые — очень скучный народ.

Из комнаты уже давно выглядывали Олины друзья. Их оказалось только двое: толстый черномазый мальчишка в круглых очках с темной оправой и такая же черномазая девчонка, но тощая и востроносая. Нас познакомили. Мы вошли в комнату, куда Вера Федоровна внесла и наш кувшин.

— Куда же его поставить, ваш подарок? Пока сюда поставим.

Она поставила вазу на подоконник. Аглая подошла к ней и сказала:

— Нет, Вера Федоровна, вот так надо.

Она постелила свою салфетку на подоконник, а на нее поставила вазу.

— Понятно! — кивнула Вера Федоровна. — Салфетка, оказывается, в комплекте с вазой.

Она пригласила нас в смежную комнату и усадила на свои старинные стулья за овальный, накрытый для чая стол.

Сначала все, конечно, немного стеснялись, но Вера Федоровна сумела нас расшевелить. Она стала расспрашивать о школе, в которой нам предстояло учиться. Олины друзья стали рассказывать истории о своей школе... Словом, минут через пятнадцать все так перезнакомились, что Аглая с Лялей (с черномазой девчонкой) принялись щипать друг друга за бока и очень при этом хохотали, а очкарик, рассмеявшись, так фыркнул чаем на скатерть, что Вера Федоровна похлопала наконец в ладони и сказала:

— Леди и джентльмены! Убедительно прошу вас держаться в рамках элементарных приличий!

Молчали только двое. Молчала Оля, просто потому, что она всегда предпочитала слушать, а не говорить. Молчал Антон. Но молчал он не просто так, а, я бы сказал, со значением. Он сидел на своем стуле, прямой, как жердь, чай отхлебывал из ложечки и поглядывал на разговаривающих так высокомерно, словно за столом сидели не его сверстники, а воспитанники детского сада.

Вера Федоровна даже обратила внимание на него.

— Слушай! Что это ты такой молчаливый? Быть может, у тебя какая-нибудь печаль на душе?

Антошка и тут ничего не сказал. Он только прикрыл глаза и молча пожал плечами.

Вера Федоровна посмотрела на него.

— Ну, я вижу, ты у нас загадочная натура, — сказала она.

Мне показалось, что она шутит, но Дудкин принял это всерьез. Физиономия у него сделалась довольной, щеки порозовели, а уши стали совсем красными.

Чай кончился. Вера Федоровна велела снова

перенести стулья в первую комнату. Затем она вышла в коридор и позвала:

— Товарищи взрослые, просим на концерт!

Взрослые пришли и уселись на диване и на трех стульях, поставленных в ряд перед ним. Мы разместились на стульях, расставленных вдоль стен.

— Ну! — обратилась к нам Вера Федоровна. — Кто самый храбрый? Кто начнет концерт?

Вышел очкарик, расставил пошире ноги, заложил руки за спину и объявил:

— Маяковский, от-р-р-рывок. — И, сердито уставившись на взрослых, начал: — Я шар земной чуть не весь обошел, и ж-ж-жизнь хор-р-роша, и ж-ж-жить хор-р-рошо.

Взрослые сидели ко мне боком, я видел, как они сдерживаются, чтобы не расхохотаться, но, когда очкарик кончил, они хлопали и кричали «браво».

Затем набрался храбрости Васька. Перед этим Зинаида сообщила, что он будет читать собственное стихотворение. Он вышел, покраснел как рак и выпалил:

— С новосельем поздравляю
я вас всех
И желаю всем здоровья
и успех.

Ему хлопали не меньше, чем очкарику.

Вера Федоровна спросила:

— Ну, кто следующий хочет выступить? Антоша, может быть, ты?

Антон и на этот раз ничего не сказал: только плечи приподнял и опустил. Аглая хихикнула, покосилась на вазу и потерла ладошки.

Вера Федоровна не упрашивала Антона. Под ее аккомпанемент Аглая с Зиной благополучно отпрыгали свою «летку-енку». Наступила моя очередь. Пока я читал «Лешенька, Лешенька...», Ляля поднялась и куда-то вышла. Когда я кончил, Вера Федоровна снова села к пианино.

— А теперь кабардинская лезгинка!

Она заиграла, и в комнату влетела переодетая Ляля. На ней был красный бешмет, красные сапожки и что-то похожее на белую папаху. На поясе у нее болтался маленький кинжал.

Это уж был по-настоящему хороший номер. Ляля плясала так, что редкий мальчишка с ней сравнится. То она шла по кругу, вытянувшись в струнку на одних только носках, то вдруг неслась широким шагом, зыркая черными глазищами и оскалив белые зубы. Видно, Вере Федоровне очень нравился танец. Она играла, глядя на Лялю через плечо, и все время улыбалась. Взрослые хлопали в такт и кричали «асса!».

И вдруг случилось такое: Ляля снова прошлась по кругу, приблизилась к окну, на котором стояла Антошкина ваза, раскинула руки, вскрикнула «асса!», поскользнулась и смахнула вазу с подоконника... Ваза разбилась, а Ляля хлопнулась затылком об пол.

Взрослые повскакали, стали спрашивать, как она себя чувствует, но танцовщица сказала, что с ней все в порядке, что ее голову защитила папаха.

Вера Федоровна принесла щетку и стала заметать осколки.

— Ну, Ольга... тебе повезло! Битая посуда — это к счастью.

Аглая, Брыкины и я сидели в одном углу комнаты, а Дудкин — в противоположном по диагонали от нас. Мы не издали ни звука. Мы только переглянулись между собой да смотрели на Дудкина.

А он сидел весь какой-то серый, сидел, согнувшись, вцепившись пальцами в коленки и глядя в пол.

— Домолчался! — прошептала наконец Зинаида, и все поняли, что она хотела этим сказать: ведь Антошка не только никак не сострил, он весь вечер молчал дурак-дураком, чтобы потом ошеломить всех фокусом с вазой.

— Ну, в заключение небольшой вокальный номер, — сказала Вера Федоровна, садясь за пианино. — Гурилев: «Однозвучно звенит колокольчик»! Оля, прошу!

Оля стала к пианино, и тут мы впервые узнали, что она хорошо поет, что у нее очень приятный голос. При первых же словах песни взрослые притихли. Даже я заслушался, на несколько секунд забыв про Антошку.

— Однозвучно звенит колокольчик, и дорога пылится слегка. И далеко по ровному полю разливается песнь ямщика...

В этот момент Аглая стукнула меня кулаком в бок.

— Лешк! Гляди! — шепнула она и кивнула в сторону Дудкина.

Я взглянул. Недалеко от стула, на котором сидел Антон, стояла тумбочка. Единственная ножка ее была вырезана в виде трех змей, которые переплелись между собой. Три хвоста этих змей служили тумбочке опорой, а на трех змеиных головах с раздвоенными языками покоился круглый верх тумбочки. На нем лежала шелковая желтая салфетка, на салфетке стоял тяжелый стеклянный поднос, а на подносе — графин резного хрусталя и три таких же резных стакана.

Пока Оля пропела первые строчки песни, Антошка успел подняться и теперь стоял рядом с тумбочкой, разглядывая графин, поднос и особенно салфетку.

Васька и Зина тоже заметили это и заерзали.

— Столько чувства в той песне унылой, столько грусти в напеве родном... — пела Оля, а в нашем уголке тревожно шушукались:

— Дудкин! — громко зашептала Зина. — Дудкин, слышишь? Ты не вздумай!..

— Глядите! Приглядывается! Приглядывается! — зашептала Зинаида.

— Дернет! Вот гад буду, дернет! — шепотом заволновался Васька. — Как только она кончит петь, так он... это самое!..

— И припомнил я ночи другие и родные поля и леса...

Дудкин неслышно подошел к тумбочке с другой стороны и потрогал уголок салфетки на ощупь.

— ...и на очи, давно уж сухие, набежала, как искра, слеза.

— Дудкин! — громко зашептала Зина. — Дудкин, слышишь? Ты не вздумай!..

Но Антон был далеко. Он не слышал. Он вернулся на свой стул и сидел теперь прямо, скрестив руки на груди. Лицо у него было решительное. Даже, я бы сказал, вдохновенное.

Аглая приподнялась и забубнила вполголоса:

— Антон! Дудкин! Ты давай не дури! Антон, слышишь?

Дудкин взглянул на нее и ничего не ответил. Вера Федоровна обернулась через плечо.

— Дорогая! Надо все-таки уважать исполнительницу!

После этого мы перестали шептаться. Мы сидели, съежившись, и ждали, что будет.

— И замолк мой ямщик, а дорога предо мной далека, далека.

Замолк ямщик, замолкла и Оля. Ей долго хлопали, потом Вера Федоровна объявила, что взрослые могут снова удалиться в кухню, что сейчас начнутся танцы. И тут Дудкин вскочил.

— Одну минуточку, — воскликнул он каким-то особенно резким голосом и подошел к тумбочке. — Какая интересная салфеточка!..

— Антошка! Не смей! — взвизгнула Аглая.

Но было поздно: Антон рванул салфетку. Может, он и выдернул бы ее, но тумбочка оказа-

лась слишком шаткой. Она грохнулась на пол. Разбился поднос, графин и два стакана. Только третий почему-то уцелел.

Мертвая тишина стояла в комнате секунд десять. Побледневшая «Екатерина Вторая» во все глаза смотрела на неподвижного Дудкина.

— Ну, знаешь, уважаемый, — выдавила она наконец дрожащими губами. — После такого... после таких штучек... Ты, надеюсь, сам догадываешься, что надо сделать.

Она протянула указательный палец в сторону двери.

Приподняв плечи, держа руки по швам, Антон молча прошагал в переднюю. Мы услышали, как хлопнула выходная дверь.

Вера Федоровна снова сходила за щеткой, снова принялась подметать. Взрослые о чем-то негромко говорили, но я не слушал их. Я думал о том, сколько теперь придется заплатить Антошкиным родителям за этот графин и каково теперь придется Антошке дома.

— Он что у вас — всегда такой? — сердито спросила Вера Федоровна Аглаю.

— Он не хотел разбить. Он хотел только фокус показать...

Вера Федоровна перестала подметать.

— Фокус! Ничего себе фокус!

— Он хотел вот эту салфетку из-под нашей вазы выдернуть... — пояснила Зинаида. — А Ляля ее разбила. Вот он, значит, и... ну... вашу...

Словом, мы рассказали, как готовил Антон свой номер, как мы покупали вазу... А Васька закончил наш рассказ:

— Он хотел неожиданно фокус показать. Чтобы остроумно получилось.

Вера Федоровна посмотрела на взрослых.

— Слыхали?

Те негромко засмеялись. Вера Федоровна повернулась к Аглае.

— А куда он убежал? Небось, плачет где-нибудь...

Аглая только плечами пожала: мол, само собой разумеется.

— Подите приведите его!

Мы не двинулись с места, только переглядывались.

— Идите, идите! Скажите, что я не сержусь. Мне никогда не нравился этот графин: безвкусица!

Мы побежали искать Антона, но нигде его не нашли. Потом выяснилось, что он до позднего вечера прошатался по улицам, боясь явиться домой. Но родители его так ничего и не узнали о разбитом графине.

Несколько дней подряд Антошка бегал от Двинских, а Вера Федоровна, встречая его, всякий раз звала:

— Эй, фокусник! Ну иди же сюда! Давай мириться!

Наконец Антон подошел однажды к ней, и они подружились. Дудкин скоро забыл, что он остроумный, и его временное поглупение прошло.

Джанни РОДАРИ

Где живут сказки

В любой привычный нам предмет
Запрятан
Сказочный секрет.
Стакан, и роза, и метла,
И тюбик из-под краски,
И ножка старого стола
Хранят кусочек сказки.
Те сказки спят,
Как спит принцесса
Средь заколдованного леса,
И ждут они за годом год,
Когда их сказочник найдет,
Когда расселит их по книжкам,
Когда
Подарит ребятишкам!

Луна развалилась

Мне сон ... ывалый
Увидеть ... лось —
Как будт...
На части ... а развалилась!
Висел на ... млею
Серебрян... руг
И вот
На кусо... ассыпался вдруг.
Весь гор... ыпан
Блестящ... рошками,
И жител...
Их соби... укошками.
Из школ... кались мальчишки,
Забросил... ки и книжки,
Из лунн... омков,
Смотри,
Себе ма... фонари!
Девчонки ... ли осколки
На брош...
Сережки...
Заколки.
А вот это ... киры и скряги.
Устали, ... и бедняги!
Они не ... ску хлопочут —
В огром... шелке
Уносят с...
И жадно ... о бормочут:

Рисунки А. БОРИСОВА.

ужно припрятать
больше луны,
через месяц
будет цены!
нем торговать
тихоньку лучами
станем тогда
труда
качами!»
тут я проснулся,
глянул из окна —
небе спокойно сияет
ла.
буйся ты ею
ночь напролет,
нег за это
кто не берет.
люди
деют луной наравне...
странные вещи
видел во сне!

Перевел с итальянского
Ю. ИЛЬИН

Сослагательное наклонение

Я решил бы...
Я сказал бы...
Поспешил бы...
Написал бы...
До чего же замечательное
Наклоненье сослагательное!
Никогда не чертыхнется,
Не скандалит, не кричит,
В кресло мягкое забьется
И мечтательно журчит:
«Летом было бы чудесно
Взять билет до Лиссабона...
Впрочем, очень интересно
В жарком штате Аризона...»
Я пошел бы...
Я хотел бы...
Чтоб найти немного счастья,
На луну я полетел бы...
Жаль, что лень вставать
с постели...
Ну, а вы бы полетели?
Лунный серп, я слышал,
скоро
Переделают в качели!
Мы бы с вами покачались,
сидя рядом,
Запивая бутерброды
лимонадом...
Я б турецкий изучил...
Я бы радио включил...
Нет, постойте-ка,
Вначале
Я сыграл бы на рояле,
Да рояль сейчас не в моде,
Или что-то в этом роде...
Что ж, забудем про рояль.
Очень жаль!
(Да, я вспомнил очень кстати —
Не умею ведь играть я...)
Я сыграл бы,
Коль умел бы,
Если мог бы,
Полетел бы,
Я бы съел вагон пирожных,
Если только их имел бы!
Я бы сделал обязательно
Сотню самых важных дел,
Если б справиться сумел
С наклоненьем
сослагательным!

НОВЫЙ МИНЕРАЛ — ЯКУТИТ

Алмаз — самый твердый камень. Поэтому из него делают наконечники для буров, резцы для особо прочных сплавов, самые лучшие шлифовальные круги. Но камень, который найден недавно в Якутии, оказался тверже алмаза. Правда, когда его исследовали, выяснилось, что состоит он тоже из алмазов, только из очень маленьких кристалликов, прочно сросшихся друг с другом. Этот камень с виду невзрачен, из него не сделать нарядного украшения. Зато в технике он не имеет себе равных.

Геологи назвали новый минерал якутитом.

КАК РАЗОБРАЛИ И СОБРАЛИ АМЕБУ

Каждый знает, что разобрать легче, чем собрать. Скажем, развинтишь часы, а потом не знаешь, какую деталь куда поставить. Да только есть вещи посложнее часов...

Самый простой живой организм устроен хитрее наисложнейшей машины. И все же биологам удалось недавно поставить тончайший эксперимент: сначала «разобрать», а потом «собрать» живое существо — амебу. Это простейшее одноклеточное животное разделили на три части: ядро, клеточную оболочку и плазму. Поскольку амебу невооруженным глазом не видно, ученые воспользовались микроскопом и специальным, очень точным «хирургическим» инструментом. Но разобрать — это полдела, да к тому же более легкая половина.

Самое интересное было потом, когда биологи вновь упрятали в клеточную оболочку и плазму и ядро. Амеба вновь ожила!

КОЛЕСАМИ ПО ВОДЕ

В то время, когда не изобрели еще гребной винт, по морям и рекам ходили пароходы, шлепая по воде колесами. Сейчас и пароходов-то осталось не так уж много, а колесные суда кажутся нам и вовсе допотопными, как старинные кареты, запряженные четверкой лошадей.

Но вот что удивительно: конструкторы кораблей неожиданно вновь начали проектировать колесные суда. Конечно, не пароходы, а вполне современные теплоходы с дизельными двигателями, с автоматическим управлением. Такие суда очень удобны для перевозки грузов по мелким рекам, где корабль с винтом из-за своей глубокой осадки рискует сесть на мель.

Сейчас советские инженеры работают над чертежами колесных теплоходов, которые поведут баржи с грузом по сибирским рекам.

НАЛЕЙТЕ МНЕ РУБАШКУ!

В фантастических рассказах одежда наших потомков описывается порою так: некто встает утром с постели, берет тюбик или пульверизатор, поливает себя приятно пахнущей жидкостью, которая тут же на глазах застывает, превращаясь в теплую, красивую, удобную одежду. Уже сейчас в наши дни химики научились отливать неплохие синтетические ткани.

Делается это так. Мономер — вещество, из которого потом получится ткань,— растворяют в воде и выливают на холодный лист. Вода замерзает, но в ней остаются мельчайшие поры, заполненные веществом будущей ткани. А потом с помощью ультрафиолетовых лучей мономер превращают в твердые волоконца, а лед плавится, и вода стекает с листа. На листе остается ткань, сплетенная из тонких перепутанных волокон, наподобие фетра или замши. Ученые уже думают о том, как отливать не куски материала, а сразу готовые рубашки, брюки и платья.

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Среди самых интересных памятников древней письменности — берестяные грамоты, которые археологи находят в раскопах новгородской земли. В отличие от летописей и книг эти грамоты написаны живым, разговорным языком: на бересте писали не литературные или исторические произведения, а письма, деловые записки. Среди множества найденных берестяных грамот до сих пор была известна лишь одна, написанная не по-русски: ее обнаружили в Поволжье, текст ее оказался монгольским.

Но береза растет не только в России. И было удивительно, почему не найдены до сих пор берестяные письма на разных языках. И вот долгожданная находка: в том же Новгороде, у бывшего шведского торгового двора, нашли грамоту, написанную латинскими буквами. Теперь шведские археологи пытаются откопать у себя на родине древние документы, написанные на бересте. Правда, пока безуспешно.

Древние документы свидетельствуют: берестой пользовались для письма и в других странах, даже в Индии, где на склонах Гималаев тоже растет береза. Наверное, будут новые находки...

Рисунки И. Урманче.

Путь к лунному камню

В. ТРИФОНОВ

НОВАЯ НАУКА

В 1955 году одному моему знакомому, студенту-геологу, предложили написать первую самостоятельную работу. Студенту — он был первокурсником — очень хотелось поразить всех, и он решил писать про геологию... Луны.

«Чудак! — говорили многие. — Что он может сказать о Луне?! Геолог, как говорится, глазам не верит, ему нужно камень в руках подержать, а не на небо заглядываться!»

Это было за два года до запуска первого искусственного спутника Земли...

С тех пор прошло пятнадцать лет. Геология Луны уже не фантастика. Сотни ученых в разных странах спорят о лунных камнях, пишут книги и статьи, составляют геологические карты Луны. Уже проложены первые геологические маршруты — американские космонавты взяли пробы лунного грунта, советская станция «Луна-16» впервые без помощи человека доставила на Землю образцы лунных пород, а «Луноход-1» начал изучение поверхности Моря Дождей.

Многое сделано за эти годы, но начало было положено очень давно, еще в древности.

ЗНАНИЯ НАКАПЛИВАЛИСЬ ВЕКАМИ

У древних греков не было даже простой подзорной трубы, и все же они многое знали о нашем спутнике. «Луна — шар, — объясняли философы своим ученикам. — Она светит отраженным светом Солнца и всегда повернута к Земле одной стороной». Мало того. Древнегреческие ученые высчитали (поразительно точно для своего времени) расстояние от Земли до Луны. А первым, кто увидел в пятнах на Луне гигантские горы и долины, был замечательный ученый древности Демокрит. Шло время, и длинный ряд столетий не прибавлял почти ничего нового к знаниям древних о Луне.

Но вот наступил XVII век. Галилей изобретает первый телескоп, а Кеплер и Ньютон открывают законы движения планет. В изучении Луны, да и всех небесных тел, начинается новая эпоха — эпоха точных исследований.

Телескопы становились все совершеннее, все зорче. Они открыли перед людьми поразительные ландшафты Луны. Бесчисленные кольцевые горы — кратеры покрывали всю ее поверхность, горные хребты пересекали долины и обрывались у гигантских темных впадин.

Появились первые карты Луны. Одну из них, созданную современником Галилея, польским ученым Гевелием, ты видишь на нашем рисунке. Карты постепенно покрывались названиями. Кратерам присваивались имена ученых и философов, хребтам — имена земных гор, а гигантские темные впадины получили названия морей, заливов, озер и болот. Так появились Море Дождей и Море Ясности, Море Изобилия и Море Холода, Море Влажности и Море Облаков, Залив Радуги и Залив Росы, Болото Эпидемий и Озеро Смерти. Но не вздумайте поверить этим названиям, как верили им первые исследователи Луны. Теперь-то мы знаем, что на Луне нет ни воды, ни воздуха, и поэтому лунные моря, заливы и озера сухие, среди лунных гор

Этому портрету Луны—триста лет.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

не текут реки, облака не скрывают Солнце и не проливаются дождями, а радуга и утренняя роса могут только присниться прилетевшему с Земли космонавту...

АСТРОНОМЫ — ГЕОЛОГАМ

Шли годы, и астрономы узнавали о Луне все новые подробности.

К середине XIX века измерили диаметры многих кратеров и по длине тени подсчитали высоты тысячи лунных гор. Со временем появились новые, более точные способы подсчета высот и глубин на Луне. Они позволили обмерить буквально все холмики и впадины. И через сто лет, в середине XX века, на столы ученых легли такие же карты лунной поверхности, какие составляются топографами для Земли.

Но ученым было интересно не только сосчитать и измерить все на Луне, важно было понять, из чего она состоит, какая она. Если бы, например, Луна была гладкой, как стеклянный шар, ее края казались бы нам темнее, чем середина. Но это не так. Дело в том, что падающий на нее свет Луна отражает не как стальной шарик или гладкий камень. Поверхность Луны сильно рассеивает свет, как пористая губка или пыль.

Тогда на Луну были посланы радиосигналы. Отразившись от загадочной поверхности, они вернулись на Землю и сообщили ученым, что всю планету действительно покрывает пылевидный пористый слой. Толщина его — несколько метров.

Очень редко на неподвижном лике Луны астрономам все же удавалось уловить изменения. На несколько минут или часов менялась яркость или цвет отдельных участков, пятна появлялись там, где их прежде не было, возникала и исчезала дымка. Долгие годы все это оставалось загадкой для ученых, а некоторые вообще считали, что это просто ошибка в наблюдениях. Лишь в последние годы советский астроном Н. А. Козырев доказал, что такие изменения действительно происходят на Луне, что это результат извержения вулканов.

Как видишь, геологические сведения о Луне, о ее поверхности и недрах накапливались медленно, были разрозненны, собирались главным образом у астрономов. И только в 1948 году советский геолог А. В. Хабаков впервые собрал воедино все, что было известно о геологии Луны. Он и сам сделал много. Долгие ночи у телескопа, тщательное изучение фотографий лунной поверхности помогли ему написать большую книгу, а потом составить первую в мире геологическую карту Луны.

И хотя книга была написана за двадцать лет до первых космических полетов, многие предположения Хабакова подтвердились в наши дни.

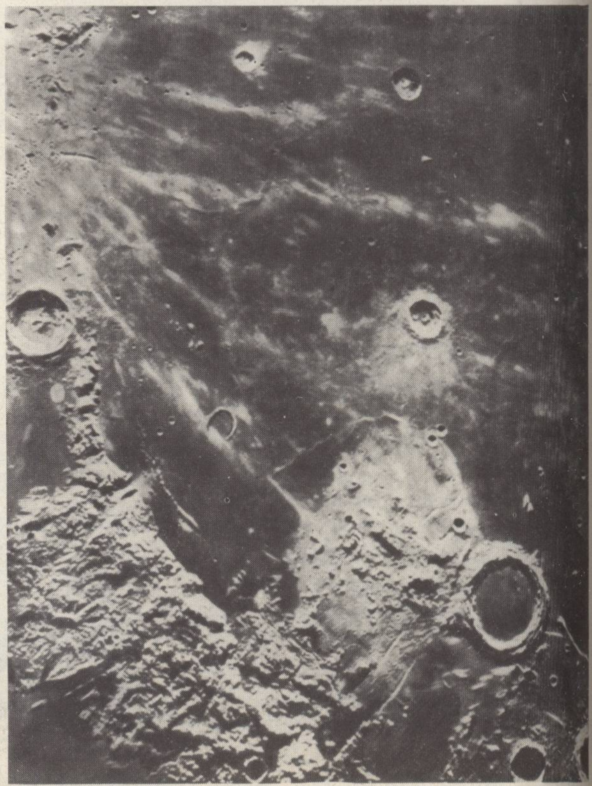
ПОРА КОСМИЧЕСКИХ ПОЛЕТОВ

Пришло время, и приборы для изучения Луны были установлены на космических кораблях. Одним из первых к Луне отправился фотографический аппарат. Советские автоматические станции «Луна-3» и «Зонд-3» получили и передали на Землю уникальные снимки: впервые люди увидели обратную, невидимую с Земли сторону Луны! На других снимках хорошо знакомые лунные горы, кратеры, моря и долины были видны почти так же отчетливо, как поверхность Земли на снимках с самолета. А геологи давно уже научились расшифровывать аэрофотоснимки, прослеживать на них, как залегают земные породы, где одни слои перекрываются другими или нарушаются разломами.

Такую же работу начали и те, кто изучал поверхность Луны. Они внимательно рассматривали огромные фотографии разных ее участков. Большое увеличение позволяло увидеть многое. Одни кратеры выступали отчетливее, ярче, другие были как бы погружены в лаву и еле угадывались, видимо, они возникли в глубокой древности и их залила лава более молодых вулканов. На краю некоторых полуразрушенных кратеров ясно виднелись другие — поменьше и поотчетливее, а значит, родившиеся позже. Одни кратеры скрывали под собой лаву морей, другие возникли на лунных материках...

Вот так, сравнивая между собой разные кратеры, изучая положение лавы в морях и долинах, ученые смогли сказать, какие геологические события произошли раньше, а какие позже. По сохранившимся следам лунной истории они стали восстанавливать прошлое нашего спутника.

Все это ученые показали на геологической карте поверхности Луны. Перед тобой фрагмент этой карты и фотография того участка Луны, которому она соответствует. На карте разным цветом (в зависимости от возраста горных

пород) показаны кратеры, разломы, горы и разные участки морей.

А возникло все это на Луне в далекой древности.

Свидетели этой древности — породы, доставленные на Землю. Эти камни оказались старше всего, что известно геологам на Земле: «старшему» камню три с половиной миллиарда лет!

Образцы — кусочки лавы — были взяты на дне лунного моря. Предполагают, что на берегах его сохранились породы еще более древние — на миллиард лет старше «морских». В то время Луна жила особенно бурной геологической жизнью.

Из горячих недр Луны извергались гигантские потоки лавы, похожей на базальтовую лаву земных вулканов. Заливая низменности, лава растекалась далеко от тех трещин и горловин, по которым она вырвалась на поверхность. Извергнув лаву, глубинные хранилища ее опустошались, и покрывавшая их лунная кора опускалась. Так образовались впадины — моря. Лунные моря окрашены в темный зеленоватый цвет — в морской лаве много железа.

Иначе возникали вулканические кратеры — кольцевые горы с углублениями посередине. Лава здесь не растекалась так далеко, как в морях. Она была другой по составу и содержала меньше железа. Поэтому лунные кратеры светлее морей. Посмотри на фотографию — там это хорошо видно.

В те далекие времена поток метеоритов, падавших на Луну из космоса, был гораздо больше, чем сейчас. Особенно крупные метеориты, ударяясь, тоже создавали воронки кратеров, вроде тех, что обнаружены на Земле.

Проходили миллионы лет. Луна удалялась от Земли, вращение ее замедлялось. Наступил момент, когда она оказалась обращенной к Земле одной стороной. Может быть, эта эпоха в истории Луны совпала с последними крупными извержениями лавы в лунных морях. Их следы мы находим только на видимой стороне Луны, и это не случайно. Видимая сторона ближе к Земле и притягивается к ней сильнее. Возможно, это помогало лаве выливаться на поверхность.

Так завершились все главные геологические события на нашем спутнике. Все меньше метеоритов падало на его поверхность, и новые ударные кратеры возникали все реже. Кое-где продолжались слабые извержения вулканов — о них рассказывают молодые вулканические кратеры, трещины, поля темных лав и покровы вулканического пепла. Именно в этих местах ученые и наблюдали извержения вулканов уже в наши дни. Жизнь планеты продолжается...

Эта пестрая карта, составленная геологами, рассказывает историю лунного Моря Дождей — того самого, где работал наш «Луноход-1». В глубокой древности возник огромный кратер Архимед (коричневый цвет), и его валы перекрыли собой еще более древние участки (серый, синий и фиолетовый цвета). Позже возникло само Море (желтый), и морские лавы затопили внутренность кратера и окружили его валом. Совсем молодые кратеры показаны красным цветом. Рядом на фотографии — тот же участок Луны.

В последние сотни миллионов лет на Луну падали главным образом мелкие метеориты. На Земле они раскаляются и сгорают в воздухе, а Луна не защищена атмосферой от космических пришельцев. Они раздробили верхние слои горных пород и превратили их в слой камней, песка и пыли...

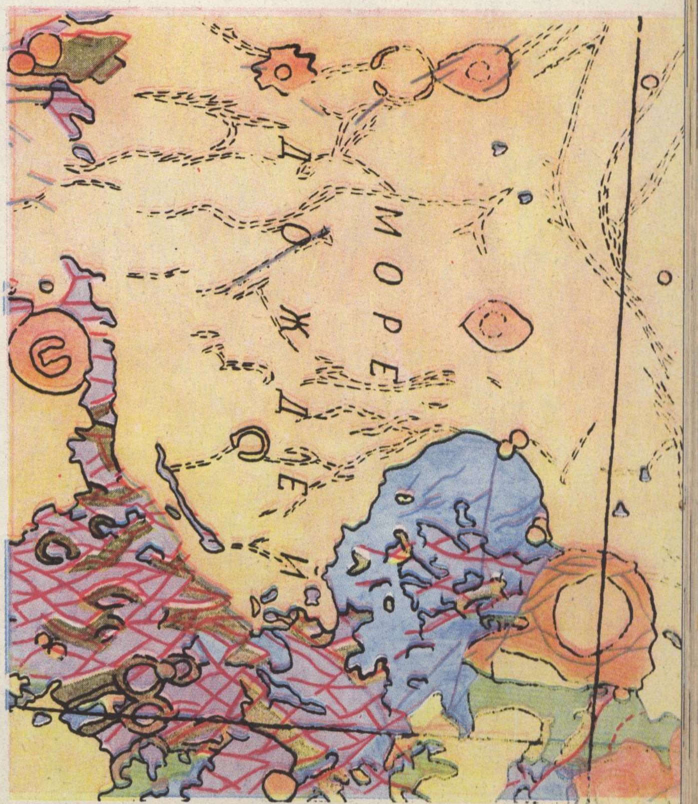
Такова геологическая история Луны. Отчасти она похожа на земную — обе планеты возникли из примерно одинакового первичного вещества, и там и там шли вулканические извержения базальтов, образовались разломы и трещины, которые нарушили поверхность и кору планет. Но как они непохожи одна на другую!

Луна — сравнительно маленькое небесное тело, ее «скромные» размеры не позволили ей даже удержать около себя атмосферу... Ничем не защищенная ее поверхность покрыта округлыми кратерами и морями.

А взгляни на карту земных полушарий: горы и долины Земли обычно вытянуты в каком-нибудь одном направлении. Почти все породы Земли смяты, раздроблены силами ее недр. Ветер, лед и вода — вот оно, влияние земной атмосферы! — разрушают горные породы, переносят обломки в другие места. Проходят десятки и сотни миллионов лет, и моря меняют свои очертания, от гор и рек не остается и следа.

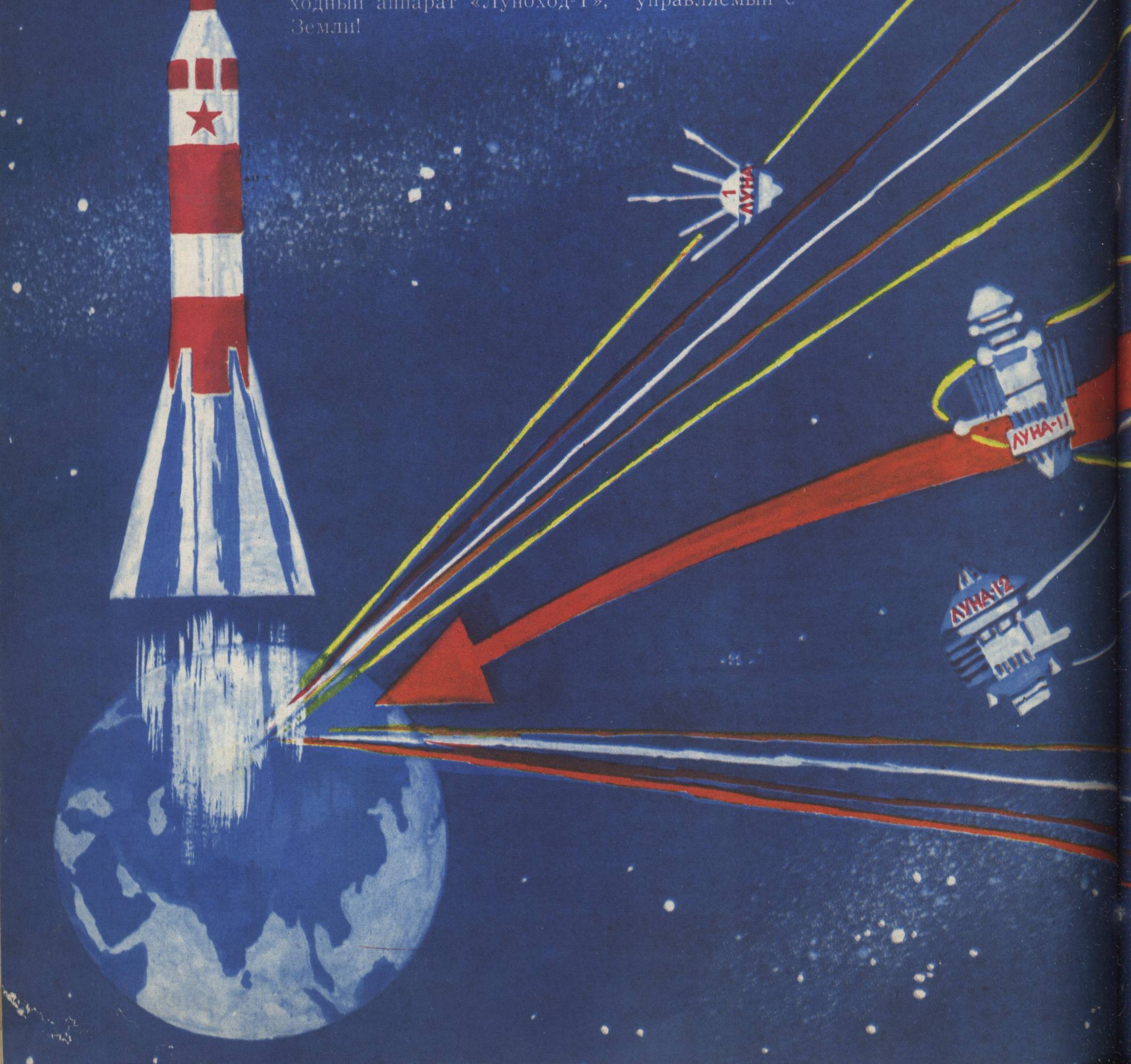
Зато поверхность Луны хранит следы событий в течение сотен миллионов и миллиардов лет...

Вот почему, несмотря на гигантские различия наших планет, для нас драгоценно все, что мы узнаем о Луне. Сравнивая Землю с другими мирами, мы лучше узнаем ее тайны.

На трассе «Земля—Луна»

Посмотри, сколько блистательных маршрутов проложили здесь советские автоматические станции! Открыла эту космическую трассу «Луна-1». В январе 1959 года она прошла вблизи Луны и стала первой искусственной планетой Солнечной системы. В правой части рисунка — на Луну нацелились космические фотоаппараты. Они были установлены на автоматических станциях «Луна-3», «Зонд-3», «Зонд-6» и «Зонд-7». В 1966 году у Луны появился первый искусственный спутник — «Луна-10». Сейчас их уже пять. «Луна-2» первой прилунилась, а «Луна-9» и «Луна-13» после мягкой посадки начали изучение лунной поверхности. «Луна-16» с образцами лунного грунта впервые совершила обратный рейс по космической трассе. А когда этот рисунок был уже напечатан, мы узнали, что на Луну доставлен и работает первый в истории автоматический лунный самоходный аппарат «Луноход-1», управляемый с Земли!

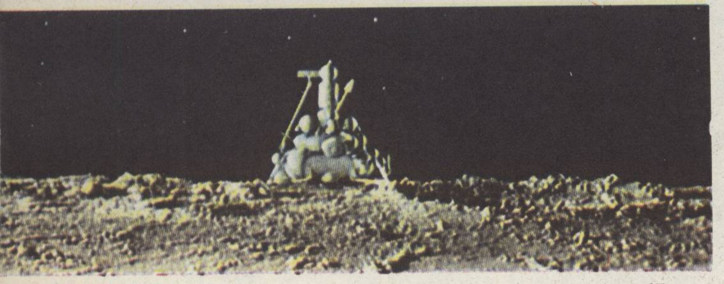

сунок И. УРМАНЧЕ.

Г. ОСТРОУМОВ

АВТОМАТЫ исследуют Луну

17 ноября 1970 года в 6 часов 47 минут по московскому времени автоматическая станция «Луна-17» совершила мягкую посадку на поверхность Луны в районе Моря Дождей.

На посадочной ступени станции установлен самоходный аппарат «Луноход-1».

Впервые в истории космонавтики на Луну доставлен и приступил к научным исследованиям автоматический лунный самоходный аппарат, управляемый с Земли.

О геологах иногда говорят: они читают книгу Земли. В этом сравнении большая доля правды. Земные слои действительно лежат друг на друге, как страницы гигантской книги. Но не все страницы прочтены учеными — многие, особенно самые древние, до сих пор не расшифрованы...

Не так давно геологи стали смотреть на Луну как на ключ ко многим неразгаданным секретам истории Земли.

Не правда ли, странно? Два небесных тела. Расстояние между ними — почти четыреста тысяч километров, а ученые видят в них что-то общее, будто в семье планет это две сестры или мать с дочерью.

И эти сравнения не для красного словца. Если и в самом деле Земля и Луна — «сестры», значит, у них один, общий путь развития. Если же Луна — это «дочь», если это кусок, оторвавшийся когда-то от нашей планеты, то ее история будет совсем непохожа на историю Земли.

Чтобы окончательно решить эти и многие другие вопросы, геологам нужны образцы лунных минералов. Не один, конечно, а побольше, да из разных мест Луны. Представьте, что в лабораторию, где изучают состав Земли, привозили бы образцы только из одного места, допустим, из Каракумов. Ученые были бы уверены, что Земля — песчаная планета...

Первые прилунившиеся автоматические станции произвели там химический анализ и сообщили по радио, что обнаружены минералы, похожие на земные базальты.

Американские астронавты привезли много лунных камней. Это большой успех науки. Но вся первая партия камней собрана на небольшом участке около корабля «Аполлон-11», а вторая — в окрестностях «Аполлона-12». Конечно, этого недостаточно, надо собрать минералы в десятках, если не в сотнях разных мест нашей спутницы. И не только на поверхности, но и на глубине.

Советские исследователи пошли по пути широкого использования автоматических станций. Все, что нужно, сделать машинами-автоматами.

Если немного вдуматься, то перед конструкторами встало два ряда задач. Прежде всего — создание машин-автоматов для исследования Луны. Первой такой машиной стал автоматический геолог, который должен был взять пробы лунного грунта. Вторым исследователем стал луноход — подвижная лаборатория, вооруженная многими научными приборами.

Другой ряд задач — это конструирование машин, которые могли бы доставлять на Луну, подобно космическим каретам, автоматических исследователей. Так же, как иногда буровой станок или трактор перевозят к месту работы на грузовике.

Понятно, что разогнать в сторону Луны все эти автоматы должна будет ракета. Весь путь до Луны они пролетят по инерции и под действием притяжения Земли и Луны. Но вот самый трудный участок пути: посадка, прилунение. Чтобы автомат не повредить, надо опустить его на Луну бережно, как говорят, мягко. Это и была главная задача космической кареты, или, как ее назвали конструкторы, посадочной платформы.

Очень полезной оказалась такая мысль: стоит ли для каждого случая проектировать свою посадочную платформу? Для лунного геолога — одну, для лунохода — другую? Расчеты убедили, что можно воспользоваться одним видом посадочной платформы для доставки на Луну разных автоматических исследователей. Мы теперь знаем, что так и сделано. Станции «Луна-16» и «Луна-17» имеют одинаковые посадочные платформы.

Вернемся теперь к самой первой задаче. К созданию машины, которая возьмет пробы лунного грунта. Сперва она кажется не такой сложной. На Земле для этого давно существуют разные инструменты. Прочный грунт или скалу возьмут буровые станки. Грунт полегче или просто песок можно черпать экскаватором. И разных буровых станков множество, и разных экскаваторов — тоже. Наверное, и для Луны тоже можно подобрать? Но оказалось, что из всего этого многообразия для Луны ничего не годится. Ничего!

Почему? Да потому, что неизвестно, с чем придется иметь дело лунному геологу, куда опустится станция: на прочный грунт или на слабый, на скалу или на песок.

И было решено, что лунный геолог должен одинаково успешно справиться и с крепчайшим минералом и с каменной пудрой. Но тут земная техника поднимает руки вверх: нет машины, способной на это.

Перед конструкторами лунных автоматов встали такие проблемы, которые на Земле никогда бы не встретились. В их появлении повинна природа Луны.

Там, как известно, день растянут на две недели и такая же длинная ночь. Там нет воздуха и за лунный день солнечные лучи разогревают ее поверхность до температуры более 100 градусов. А ночью все быстро остывает, и вскоре после заката наступает сильнейший мороз — ниже минус 100 градусов. На Земле не бывает таких жестоких морозов, а ведь как нелегко зимой завести даже простой автомобиль. Пришлось конструкторам делать детали и узлы машины такими, чтобы они не боялись сильного лунного нагрева и охлаждения.

Еще труднее победить вакуум — отсутствие в космосе и на Луне воздуха.

У нас на Земле воздух, словно пленкой, покрывает металл, не давая ему касаться другого металла. А в вакууме этой пленки не будет, и молекулы двух примкнутых друг к другу металлических частей будут проникать из одной детали в другую, намертво склеивая их.

Но ведь, если в космосе начнут сращиваться детали автоматов, они не смогут работать!

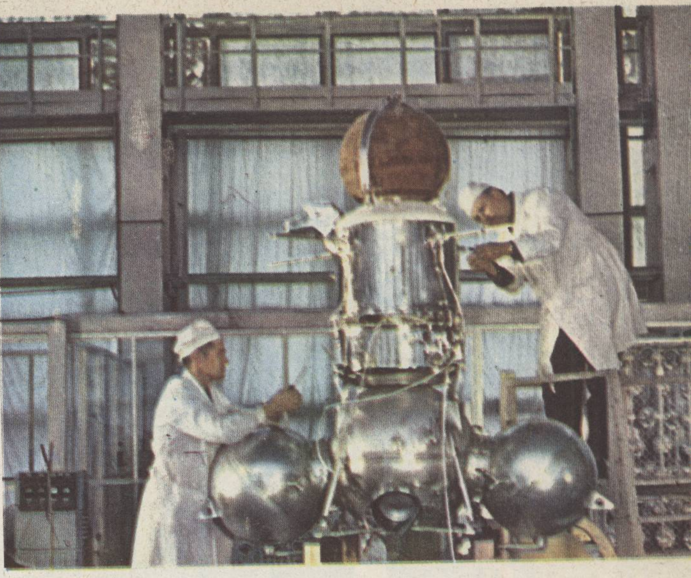
Вот почему все соседние детали на «Луне-16» и «Луне-17» сделаны либо из неметаллических сплавов, либо покрыты особыми пленками.

И еще одну беду несет с собой вакуум. В пустоте все смазочные масла очень быстро испаряются с подвижных соединений. Так что, даже если эти соединения не срастутся от вакуумной сварки, они все равно не смогут шевельнуться из-за сухого трения, как это бывает со ржавыми деталями. Надо изобретать «лунную смазку».

Мы уже говорили, что автоматы-исследователи надо опускать на Луну мягко, так, чтобы не поломать ничего от удара. Как это сделать? На Луне нет воздуха, и парашют там бесполезен. А тормозящие ракеты без парашюта не смогут погасить всю скорость, и станция почти обязательно ударится о поверхность. Вспомните, как бывает на улице, когда внезапно загорается красный свет. Автомобили, у которых скорость небольшая, точно останавливаются перед линией «стоп», а те, что быстро мчались, хоть и визжат тормозами, но чаще всего эту линию проскакивают.

Если наша посадочная платформа при посадке неизбежно ударится, надо ей сделать упругие ноги, чтобы удар не был жестким, опасным для ее механизмов. Но конструкторам лунных станций снова не пришлось воспользоваться ничем готовым. Приподнимите детскую коляску хотя бы чуть-чуть и бросьте ее. Она обязательно подскочит — таков закон упругости. А что же произойдет на Луне, если наша станция упруго ударится?

Она тоже подскочит. И может подскочить очень высоко — ведь там она будет весить в шесть раз меньше, а сила удара может быть очень большой. И еще: предположим, площадка, о которую она ударится, будет наклонной. Тогда станция взлетит не по вертикали, а под углом. Тут нас ждет катастрофа: если она упадет на бок, то автоматический геолог не сумеет добыть грунт, а луноход не сдвинется с места.

Идет последняя проверка лунного автомата.

Конструкторам пришлось изобретать такие ноги для станции, которые бы сначала, при ударе, были упругими, а потом становились как бы жестче, не толкали бы ее вверх, не давали ей подскочить...

Но, допустим, платформа опустилась вполне хорошо. Тут слабое тяготение больше уже не сможет мешать лунному геологу, зато для лунохода борьба с ним только начинается.

Вспомним обычный земной случай: резко затормозил автобус. Всех пассажиров сильно качнуло вперед. Мы говорим — «по инерции». Если наш автобус наедет на камень или бугор, нас вместе с ним подбросит кверху. Тут будет тоже повинен запас инерции автобуса. Подбросит его, конечно, чуть-чуть — ведь автобус-то тяжелый!

На Луне все будет происходить точно так же — там инерция действует так же, как и на Земле. Но вес там другой! В шесть раз меньше! И если наш автобус там налетит на камень или бугорок, он сможет подскочить, словно воздушный шарик от щелчка. Вот где таятся большие опасности для лунохода. Ему надо быть очень осторожным, вернее, не ему, а тем людям, которые управляют этой машиной с Земли по радио. Никаких сильных ударов! Особенно пока не набрались люди опыта вождения машины по изрытой и каменистой лунной поверхности.

Вот несколько примеров конструкторских задач, с которыми встретились инженеры и ученые, строившие станции «Луна-16» и «Луна-17». Обратите внимание, им пришлось многое заново изобретать: ведь машина должна была работать в неземных условиях. И они рассчитали все правильно. Ничто не помешало автоматическому геологу достать лунный грунт и отправить его на Землю ...Ничто не помешало луноходу совершить свое путешествие по небесному телу, от которого нас отделяют 400 тысяч километров!

Нина **ВОРОНЕЛЬ**

НАДО ОЧЕНЬ ЗАХОТЕТЬ!

театр фонарик

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА ДЛЯ КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА ПО МОТИВАМ ДОНАЛЬДА БИССЕТА

Рисунки **Н. ДОБРОХОТОВОЙ.**

Сцена закрыта занавесом-ширмой, над которым с обеих сторон возвышаются башни вокзалов — СЕВЕРНОГО и ЮЖНОГО. На них так и написано: «Северный вокзал» и «Южный вокзал». СЕВЕРНЫЙ вокзал — изящное здание с лепными украшениями и балконами. ЮЖНЫЙ — приземистый, кирпичный.

ЮЖНЫЙ (*продолжая разговор*). Ерунда! Все знают, что я самый большой вокзал в городе!

СЕВЕРНЫЙ. Вы ошибаетесь, любезный, это я самый большой.

ЮЖНЫЙ. Чушь! Мои поезда ходят по всей стране, из конца в конец.

СЕВЕРНЫЙ. А мои даже дальше!

ЮЖНЫЙ. Ха-ха-ха! Что может быть дальше конца?

СЕВЕРНЫЙ. О-о! Вы даже не знаете, что там, где кончается наша страна, начинаются другие страны!

ЮЖНЫЙ. Может, я кой-чего и не знаю про другие страны, зато я знаю, что я самый важный вокзал и что мой начальник носит самую красивую фуражку!

СЕВЕРНЫЙ. Мой начальник тоже носит красивую фуражку, но мне всегда казалось, что главное — голова.

Окно с надписью «Мэр города» распахивается, из него выглядывает МЭР в цилиндре.

МЭР. Что за шум? Ах, опять эти вокзалы! Все спорят, никак не договорятся, кто из них лучше. С раннего утра начинают, спать не дают. Что с ними делать, ума не приложу. (*Скрывается.*)

СЕВЕРНЫЙ. А у меня есть часы!

ЮЖНЫЙ. Подумаешь! И у меня есть часы!

СЕВЕРНЫЙ. Но мои часы самые точные в городе!

ЮЖНЫЙ. Подумаешь! А мои — самые точные в мире.

В этот момент часы СЕВЕРНОГО вокзала начинают бить шесть раз. Звон у них нежный и мелодичный.

СЕВЕРНЫЙ (*саркастически*). Вот она, ваша хваленая точность! На моих часах уже шесть, а ваши, как всегда, отстают!

Часы ЮЖНОГО тоже начинают бить, грубовато и мужественно, и под этот бой из одного вокзала выезжает паровозик, который, проезжая ко второму вокзалу, сдвигает по дороге занавес-ширму. За ширмой открывается улица перед домом МАШИНИСТА. На улице в ряд растут крупные анютины глазки, они раскрываются под бой часов. Перед домом МАШИНИСТА бегает ПУДЕЛЬ.

ПУДЕЛЬ (*бежит влево, останавливается, смотрит на часы ЮЖНОГО вокзала*). Сорок одна и три десятых секунды... (*Бежит вправо, смотрит на часы СЕВЕРНОГО.*) Сорок две и четыре десятых секунды (*бежит влево*)... сорок одна и две десятых (*бежит вправо*)...

В это время на улицу въезжает молочная тележка, везет ее ПОНИ. На тележке написано: «Тот, кто пьет молоко, будет бегать далеко!»

ПОНИ. Ты куда, Пудель?
ПУДЕЛЬ (*на ходу*). Я никуда. Я тренируюсь на время.
ПОНИ. Разве собаки участвуют в скачках?
ПУДЕЛЬ. При чем тут скачки? Просто я хотел бы стать настоящей собакой, охотничьей, гончей... Понимаешь?
ПОНИ (*смеется*). Ты? Охотничьей? Нет, ты шутишь. Ну, какая из тебя гончая? У тебя ножки короткие.
ПУДЕЛЬ. А я тренируюсь по утрам. Каждое утро бегаю на время: тридцать шагов вправо, тридцать шагов влево. И уже добился кое-каких успехов, особенно влево.
ПОНИ. Почему влево?
ПУДЕЛЬ. Сам не понимаю. Влево бегу на целую секунду быстрей, чем вправо. Может, земля крутится мне навстречу?

Часы СЕВЕРНОГО нежно бьют один раз, через секунду громко бьют часы ЮЖНОГО.

ПОНИ (*смеется*). Кажется, я понимаю, в чем дело! Просто левые часы отстают — вот ты и бежишь влево быстрей.
ПУДЕЛЬ (*печально*). Правда. Смотри, Пони, а ты умный, почти такой же умный, как я.

При ударе часов из вокзала пыхтя выезжает паровозик и закрывает улицу ширмой.

СЕВЕРНЫЙ (*ехидно*). Вы слышали, любезный? Даже Пони заметил, что ваши часы отстают.
ЮЖНЫЙ (*презрительно*). Да что он понимает — Пони! Ведь это даже не лошадь! Это не мои часы отстают, а твои спешат. Ха-ха-ха!
СЕВЕРНЫЙ. Неслыханно! Мои часы, самые точные в мире, спешат? Вы грубиян! Да как вы смеете равнять себя, СЕБЯ! Со МНОЙ! Ну скажите, сколько у вас перронов?
ЮЖНЫЙ (*гордо*). У меня? Семь!
СЕВЕРНЫЙ. То-то же! А у меня десять!
ЮЖНЫЙ. Подумаешь! Зато мои перроны длинней твоих! Что, съел?
СЕВЕРНЫЙ. Во-первых, это еще надо проверить! Во-вторых, попрошу не обращаться ко мне на «ты». Мы с вами не в таких отношениях.
ЮЖНЫЙ (*ворчит*). Подумаешь, церемонии какие... Могу и вообще не обращаться, очень надо!

С шипением выезжает паровозик, увозит ширму, открывая улицу МАШИНИСТА, где ПОНИ и ПУДЕЛЬ играют в крестики-нолики.

ПУДЕЛЬ. А я крестик сюда!
ПОНИ. А я нолик сюда... нет, лучше сюда...
ПУДЕЛЬ. Все равно, как ни крути, я крестик сюда — и тебе конец! И опять ты проиграл, проиграл, проиграл!
ПОНИ. Как ты думаешь, почему я всегда проигрываю?
ПУДЕЛЬ. Потому что я всегда выигрываю! (*Радостно приплясывая, ПУДЕЛЬ бежит за паровозиком, который в это время деловито проезжает мимо.*) И опять я выиграл, выиграл! (*Отстает от паровозика.*)
ПОНИ. Как быстро бегает этот паровозик! Я бы тоже так хотел!
ПУДЕЛЬ. А тебе-то зачем? Чтоб молочные бутылки побились?
ПОНИ. Знаешь... у меня тоже есть мечта. Я никому никогда об этом не говорил. (*Умолкает, ковыряя ножкой землю.*)
ПУДЕЛЬ (*нетерпеливо*). Ну? Ну?
ПОНИ. Ладно, тебе скажу. (*Свистящим шепотом.*) Я бы хотел бегать, как скаковая лошадь!
ПУДЕЛЬ. Ты? Ой, не могу (*хохочет*). Ну какая из тебя скаковая лошадь? Ты же Пони!
ПОНИ (*обижаясь*). А я думал, ты поймешь, ты ведь тоже...
ПУДЕЛЬ (*горячо*). Нет, нет, не обижайся. Это я так! Я понимаю!
ПОНИ (*мечтает*). Представляешь, скачки — а я впереди всех! Я лечу быстрее ветра, и народ на трибунах кричит: «Пони! Давай, Пони! Вперед, Пони!» Но это все мечты. Этого не будет никогда!
ПУДЕЛЬ. Почему не будет? Надо просто очень, очень захотеть!
ПОНИ. Я очень, очень хочу. Что же мне делать?
ПУДЕЛЬ (*радостно*). Тренироваться.
ПОНИ. Ты думаешь, я сумею?

ПУДЕЛЬ Конечно, сумеешь — я тебя научу! Ну, начали. Раз-два-три! По-моему, есть успехи, особенно если бежать влево.
ПОНИ (*запыхавшись*). Посмотри, не стал ли я выше ростом?
ПУДЕЛЬ. Что ты! Так быстро? Ведь мы бегаем всего полчаса! Надо придумать что-нибудь такое, чтоб сразу...

Появляется паровозик.

ПУДЕЛЬ. Беги за паровозиком и смотри, что он делает, чтоб так быстро бегать! (*Бегут за паровозиком, но отстают.*)
ПОНИ (*неуверенно*). Он делает: «Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!»

Паровозик проезжает, и через секунду на сцену выкатывается «Ш-ш-ш» — это нечто вроде гармошки, которая, сжимаясь и разжимаясь, издает звук: «Ш-ш-ш...»

ПОНИ. Ой, что это? Кто-то потерял свой Ш-ш-ш? Это не ты?
ПУДЕЛЬ. Сейчас проверю. Ш-ш-ш! Нет, не я. Может, это моя хозяйка, миссис Машинист? (*Кричит.*) Миссис Машинист, это не вы потеряли свой Ш-ш-ш?
МИССИС МАШИНИСТ (*выглядывает в окно, заспанная, в волосах у нее бигуди*). Ш-ш-ш! (*Она прикладывает палец к губам.*)
ПОНИ. Не она...
МИССИС МАШИНИСТ. Не кричи так, Пудель. Мистера Машиниста разбудишь. Ему надо хорошо выспаться. Ведь до вечера придется водить паровозик от Северного вокзала к Южному и обратно. (*Скрывается за окном.*)
ПУДЕЛЬ. Значит, Ш-ш-ш потерял не мистер Машинист — ведь он еще не проснулся. Придется отнести его в полицейский участок.

Бесшумно выезжает паровозик и тащит за собой ширму, на которой нарисован фасад полицейского участка.
Возле дверей большая доска объявлений. ПОНИ и ПУДЕЛЬ останавливаются перед ней.

ПОНИ. Видишь, надо написать объявление. Сейчас прочтем, как это делается.
ПУДЕЛЬ (*читает*). «Пропал пойнтер, по кличке «Пойнтер». (*Смеется.*) Пойнтера назвали Пойнтер! Ничего лучше придумать не могли!
ПОНИ (*читает*). «Пропал сеттер по кличке «Сеттер».
ПУДЕЛЬ (хохочет). А тебя, к примеру, зовут Пони по кличке «Пони»!
ПОНИ (*обиженно*). Но ведь и ты пудель по кличке «Пудель»!
ПУДЕЛЬ (*озадачен*). Разве меня зовут Пудель? Да, действительно.

От огорчения роняет Ш-ш-ш. Тот недовольно шипит.

Ш-ш-ш! Тише! Не шипи! Так и про тебя напишем: «Найден Ш-ш-ш! По кличке «Ш-ш-ш» (*пишет, озирается*). Никто что-то не спешит за своим Ш-ш-ш. Может, крикнем?
ПУДЕЛЬ И ПОНИ (*вместе*). Кто потерял Ш-ш-ш по кличке «Ш-ш-ш»?
МЭР (*открывает окно*). Что это вы тут раскричались у меня под окном?
ПУДЕЛЬ. Мы ищем того, кто потерял Ш-ш-ш.
МЭР (*в рупор*). Немедленно проверить все чайники, кастрюли и кофейники. (*В ответ раздается многоголосое шипение.*) У всех Ш-ш-ш на месте. Проверить все паровозы. (*Опять многоголосое шипение.*) По-моему, одного голоса не хватает.

На сцену бесшумно выезжает паровозик, останавливается перед объявлением и печально гудит: «У-у-у!».

МЭР. Уж не он ли потерял Ш-ш-ш?
ПАРОВОЗИК *(кивая)*. У-у-у!
ПУДЕЛЬ *(отдает паровозику Ш-ш-ш)*. Шипите на здоровье!

Паровозик с громким шипением уезжает.

ПУДЕЛЬ (*на ходу, ПОНИ*). Я все понял! Я научу тебя бегать быстрей скаковой лошади. Надо бежать и шипеть, как паровозик. Вот так: «Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!» У тебя ведь есть Ш-ш-ш!
ПОНИ. Не знаю. Мне некогда шипеть: ведь я утром и вечером должен развозить молоко.
ПУДЕЛЬ. А ты попробуй!
ПОНИ *(робко и тихо)*. Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...
ПУДЕЛЬ. Так не поможет. Надо громче.
ПОНИ. Я как-то стесняюсь. *(Шипит громче.)* Ш-ш-ш! Теперь лучше?
ПУДЕЛЬ. Не блеск, но сойдет. А у меня как? Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!
ПОНИ (*в восторге*). У тебя замечательно! Просто замечательно!
ПУДЕЛЬ. Ну, начали! Раз-два-три! *(С громким шипением бегут.)*
ПОНИ (*задыхаясь*). Что-то стало еще медленней...
ПУДЕЛЬ *(задыхаясь)*. Просто эти часы отстают, ты сам говорил...
СЕВЕРНЫЙ. Вы слышите, даже Пудель заметил, что ваши часы отстают?
ЮЖНЫЙ. Подумаешь, Пудель! На каждого пуделя не угодишь.
ПУДЕЛЬ. Теперь попробуем в другую сторону — туда всегда было быстрей. Раз-два-три! *(Бегут с трудом, но честно шипят.)*
ПОНИ (*падая от изнеможения*). Теперь еще медленней. Значит, дело не в Ш-ш-ш! Ш-ш-ш!
ПУДЕЛЬ. А в чем же?
ПОНИ. Слушай, а что он ест?
ПУДЕЛЬ. Кто он?
ПОНИ. Ну, паровозик. Ведь он шипит и все-таки бегает быстрей, чем скаковая лошадь...
ПУДЕЛЬ. ... чем охотничья собака!
ПОНИ. Значит, надо узнать, что он ест на завтрак, на обед и на ужин...
ПУДЕЛЬ. Я сейчас спрошу у своей хозяйки — ведь она жена Машиниста. Она должна знать, что ест паровоз ее мужа. *(Кричит.)* Миссис Машинист!
МИССИС МАШИНИСТ (*появляется в окне*). В чем дело, Пудель?
ПУДЕЛЬ. Скажите, пожалуйста, что ест на завтрак паровозик мистера Машиниста?
МИССИС МАШИНИСТ. На завтрак он ест уголь.
ПУДЕЛЬ. Спасибо. А на обед?
МИССИС МАШИНИСТ. И на обед тоже уголь.
ПУДЕЛЬ. Большое спасибо. А на ужин?
МИССИС МАШИНИСТ. И на ужин уголь.
ПУДЕЛЬ. И все? Огромное, преогромное преспасибо.

Из окна тянется дымок.

МИССИС МАШИНИСТ. Ах, горит! Вечно ты беспокоишь людей своими глупостями, Пудель! Теперь из-за тебя обед мистера Машиниста превратится в уголь, но ведь он не паровоз и угля не любит!
ПОНИ. Все ясно! Надо есть уголь. Только где его взять?
ПУДЕЛЬ. Придумал! Придумал! Надо пойти в депо к паровозику и съесть там весь уголь! Но сейчас нельзя. Сейчас там мистер Машинист. Надо дождаться вечера, когда мистер Машинист приедет домой обедать.
ПОНИ. Я не могу ждать до вечера: вечером я должен опять развозить молоко. Я бы хотел стать скаковой лошадью поскорей.
ПУДЕЛЬ. Значит, надо сделать так, чтобы вечер наступил поскорей и чтобы мистер Машинист поскорей приехал домой обедать.
ПОНИ. Разве это можно сделать?
ПУДЕЛЬ. Можно — надо только очень захотеть. *(Поворачивается к Анютиным Глазкам.)* Милые Анютины Глазки! Вы не могли бы сегодня закрыться пораньше? Нам очень нужно, чтобы вечер сегодня наступил раньше, чем наступит вечер. Пожалуйста!

Анютины Глазки начинают закрываться. Смеркается. В сумерках проезжает паровозик, закрывая ширму.

СЕВЕРНЫЙ. Что-то сегодня слишком быстро стемнело. По-моему, вы загораживаете от меня солнце. Вы ведь южней меня.
ЮЖНЫЙ. Ты это брось! Хоть я и южней, но солнце все равно загораживаешь ты.
СЕВЕРНЫЙ. Вы просто невежа!

ЮЖНЫЙ. А может, и правда скоро вечер. *(Быстро передвигает стрелку часов на час вперед.)* Глянь-ка на мои часы. Твои, видать, отстают.

СЕВЕРНЫЙ. Как вы смели подумать, что мои часы отстают? *(Передвигает стрелку на два часа вперед.)* Вероятно, вы с возрастом стали плохо видеть — это ваши часы отстают.

ЮЖНЫЙ. Ах, ты так? Хорошо, мы сейчас посмотрим, чьи часы отстают больше!

ЮЖНЫЙ передвигает стрелку на три часа, тогда СЕВЕРНЫЙ передвигает на четыре и т. д. Из окна выглядывает МЭР.

МЭР. Что случилось? Почему так темно? Солнце уже зашло или еще не всходило? Мистер Машинист, куда вы едете?

Доносится голос МАШИНИСТА.

МАШИНИСТ. Часы на вокзалах показывают вечер. Значит, жена ждет меня к обеду.

Проезжает паровозик, открывая угольный склад.

МЭР. Все это очень странно. Похоже, опять вокзалы соревнуются, кто лучше. Надо немедленно придумать что-то, чтобы помирить их. *(Закрывает окно.)*

На склад врываются ПОНИ и ПУДЕЛЬ.

ПОНИ. Ой, сколько угля! Неужели все это надо съесть?

ПУДЕЛЬ. Зато потом мы побежим быстрей, чем паровоз.

ПОНИ (*поднимает кусок угля*). Как ты думаешь, он вкусный?

ПУДЕЛЬ (*неуверенно*). Не знаю, попробуй.

ПОНИ. А может, лучше ты? Ведь это уголь твоего хозяина.

ПУДЕЛЬ. Знаешь, давай посчитаемся. *(Поет считалку.)*

Инни-минни-дикси-динни,
Я один сидел на льдине,
Остальные все висели
На веселой карусели!
Инни-минни-дили-дон,
Выходи скорее вон!

(Считалка кончается на ПОНИ.) Ну все, пробуй ты.

ПОНИ. И почему всегда выходит мне? *(Берет маленький кусочек.)*

ПУДЕЛЬ (*откусывая кусок угля*). Тьфу! Невкусно. Совсем не похоже на сахар.

ПОНИ (*грызет уголь*). А почему должно быть похоже? Сахар ведь белый...

ПУДЕЛЬ. Ой, как много здесь угля! У меня уже зубы болят.

В склад въезжает паровозик.

ГОЛОС МАШИНИСТА. Вы что здесь делаете? Негодники! Вы зачем едите уголь?

ПУДЕЛЬ. Бежим, Пони! Живей!

ПОНИ и ПУДЕЛЬ убегают от паровозика, который и не собирается их догонять. Он только задергивает ширму. На сцене снова вокзальная площадь. По площади стремительно делают несколько кругов испуганные ПОНИ и ПУДЕЛЬ.

МЭР (*выглядывает из окна*). Вот это скорость! Держу пари, что этот Пони получил бы на скачках первый приз. А Пудель-то, Пудель! Несется быстрей гончей! Честное слово, они заслужили по медали. И я выдам им медали, не будь я мэром! *(Хитро смеется.)* Вручу им медали прямо здесь, на вокзальной площади. Что тут запоют мои вокзалы, когда я на их глазах выдам медали не им!

ПОНИ и ПУДЕЛЬ появляются украшенные бантами и цветами. МЭР торжественно вручает им медаль с надписью: «За скорость». Звучит марш.

ПОНИ. Даже не верится, что Я, Я, Я получил медаль за скорость.

ПУДЕЛЬ. Я всегда говорил: надо только очень-очень-очень захотеть.

Награжденных приветствуют гудением паровозы. Они уходят со сцены. МЭР скрывается в окне. Остаются только вокзалы.

СЕВЕРНЫЙ. Вы видели, Южный? Вручить медаль за скорость какому-то мохнатому пуделю!

ЮЖНЫЙ. И коротконогому пони! Какая несправедливость!

СЕВЕРНЫЙ. Да, именно несправедливость! Не мне и даже не вам! Ведь ваши паровозы бегают наверняка быстрее этих малышей!

ЮЖНЫЙ. Что там мои. Твои, и те быстрей!

СЕВЕРНЫЙ. А про нас забыли! Ведь всем известно, что мы самые большие вокзалы в Лондоне!

ЮЖНЫЙ. Ведь всем известно, что наши паровозы самые быстроходные в Англии!

СЕВЕРНЫЙ. Я вижу, только вы можете по-настоящему понять меня. Как удачно, что вас расположили именно на моей вокзальной площади.

ЮЖНЫЙ. Да, мне, пожалуй, повезло, что на моей вокзальной площади оказался именно ты. Мог ведь быть кто-нибудь другой, похуже, поглупей.

СЕВЕРНЫЙ. А у тебя приятный голос. Ах, как это прекрасно, в нашем суетливом, в нашем торопливом мире найти друга!..

ЮЖНЫЙ (*как эхо*). Найти друга!

Картинки зимы и весны

Лучезар СТАНЧЕВ

Рисунки В. ЛОПТЕВА.

1

Гляньте — скачет серна по холмам!
Замерла на несколько минуток,
Будто бы сказать хотела нам:
Я вам проложила первопуток!

2

Под снегом, подо льдом,
Невидима, дерзка,
Стучится в берега река.
Серебряный звоночек слышен мне,
И знаю я: река бежит к весне.

3

Ревет рожденный ливнями поток,
Все рушит на пути,
Но — если одинок —
Заглохнет он, погибнет он до срока,
А встретятся два мутные потока,
И воды бурные сольют,
Друг дружке руки подадут,
И вот широко и далеко
В полях течет уже река,
И с ней приходят жизнь и свет...
Мощнее дружбы силы нет!

Перевел с болгарского В. ВИКТОРОВ.

ЧИСТЫЙ ДОР

Юрий КОВАЛЬ

РАССКАЗЫ

Рисунки П. БАГИНА.

Как-то пришлось мне чуть не месяц бродить по лесам Вологодской области. Я нарочно забирался в самую глухомань, отыскивая потайные озера, заглохшие дороги, забытые охотничьи избушки. Тогда-то и набрел я на деревеньку, которая называлась Чистый Дор.

Я увидел ее внезапно. Вышел из лесу и остановился ошеломленный. Передо мной было большое поле, подобное круглому озеру. В самом центре его, как остров, стояла деревня. Голубые масляные волны гуляли по полю. Это цвел колхозный лен.

Я глядел тогда на деревню и никак не думал, что долго буду жить в ней, подружусь и с дядей Зуем, и с внучкой его Нюркой, и с колхозным бригадиром Фроловым, да и с разными другими людьми.

ЛЕСОВИК

В августе пошли рыжики.

С дядей Зуем отправились мы за рыжиками. Босиком.

Чистодорские жители все ходят за рыжиками босиком — ногами ищут! Вот ведь история! А делается это для того, чтоб найти в траве самый маленький рыжик. Руками шарить — коленки протрешь. Главная задача — найти такой рыжик, чтоб он в бутылочное горлышко пролезал. Подберезовики и маслята солят в бочках, а рыжики — только в бутылках. Насолишь на зиму бутылочек двадцать, потом только вытряхай.

Я-то вначале ходил собирать в сапогах, на месте разувался. А потом плюнул — ходишь как неумный с сапогами в руках. Стал было ходить в одном сапоге — как-никак одна нога рабочая, но и это бросил: задразнили.

С дядей Зуем пришли мы в сосняки. Рыжиков много.

Зуюшко ногой строчит, как швейная машинка «Зингер». А я осторожно собираю. Еле-еле ногой шарю: боюсь змею собрать.

За спиной у меня что-то зашелестело в кустах. Оглянулся я — и замер. Медленно-медленно высовывается из куста длинная палка, А на конце ее приделан острый кривой нож. И вот этот нож тянется ко мне! Тянется и тянется!

Тут и сердце мое зашлось. Стою столбом, а нога сама по себе рыжики ищет.

Кусты раздвинулись, и из листьев показался человечек, маленький, ростом с пень. Лесовик! В руках держит палку с ножом на

конце, сам весь корявый, борода серо-синяя, а руки черные, как головешки. Смотрит на меня, ножовой палкой покачивает и говорит хрипло, как из дупла:

— Рыжики берешь?

— Ага,— говорю я и тоже хрипло.— Рыжичков бы нам.

— Нам бы рыжичков, —сбоку говорит дядя Зуй.— В бутылочку.

— В какую бутылочку?

— А в полулитровочку... для прелести посола.

— Ага,— говорит Лесовик и башкой кивает.— Сей год рыжичков много, прошлый меньше было. А махорки у вас нету ли?

— Есть,— говорит дядя Зуй.— Есть махорки.

Лесовик взял махорки, сел на пень и стал самокурку крутить.

Дед Зуй подошел к пню и говорит:

— А вы каким промыслом занимаетесь?

— Живицу я собираю,— говорит Лесовик.— Смолку сосновую. Я насквозь просмоленный, как птица клест. Руки мои ни за что не отмоешь, вон и в бороду смола накапала — не выдерешь.

Тут мне все стало ясно. Часто в лесу я видел сосны с насечками на стволах. Эти насечки делаются уголками, одна над другой. Смола перетекает из насечки в насечку, а потом капает в баночку. Смола эта и называется «живица», потому что она рану на стволе дерева заживляет.

Я даже огорчился, что Лесовик Смоловиком оказался, спрашиваю дальше:

— А это что за палка у вас страшная?

— Эта палка — «хак». Этой палкой-«хаком» я делаю насечки на сосне, чтоб живица выступила.

— А сосна не мрет ли от вашей работы? — спрашивает дядя Зуй.

— Не,— говорит Смоловик.— Пока не мрет.

Дали мы Смоловику еще махорки и пошли дальше.

ВЫСТРЕЛ

Школа у нас маленькая.

В ней всего-то одна комната. Зато в этой комнате — четыре класса.

В первом — одна ученица — Нюра Зуева.

Во втором — опять один ученик — Федюша Миронов.

В третьем — два брата Моховы.

А в четвертом никого нет. На будущий год братья Моховы будут.

Всего, значит, в школе сколько? Четыре человека.

Кусты раздвинулись, и из листьев показался человечек, маленький, ростом с пень. Лесовик!

С учителем Алексей Степанычем — пять.

— Набралось-таки народу,— сказала Нюрка, когда научилась считать.

— Да, народу немало,— ответил Алексей Степанович.— И завтра после уроков весь этот народ пойдет на картошку. Того гляди, ударят холода, а картошка у колхоза невыкопанная.

— А как же кролики? — спросил Федюша Миронов.

— Дежурной за кроликами оставим Нюру.

Кроликов в школе было немало. Их было больше ста, а именно сто четыре.

— Ну, наплодились,— сказала Нюрка на следующий день, когда все ушли на картошку.

Кролики сидели в деревянных ящиках, а ящики стояли вокруг школы, между яблонями. Даже казалось, что это стоят ульи. Но это были не пчелы.

Но почему-то казалось, что они жужжат!

Но это, конечно, жужжали не кролики. Это за забором мальчик Витя жужжал на специальной палочке.

Дежурить за кроликами было нетрудно.

Вначале Нюрка дала им всякой ботвы и веток. Они жевали, шевелили ушами, подмигивали Нюрке: мол, давай-давай, наваливай ботвы.

Потом Нюрка вымела клетки. Кролики пугались веника, порхали от него. Крольчат Нюрка выпустила на траву, в загон, огороженный сеткой.

Дело было сделано. Теперь надо было только следить, чтобы все было в порядке.

Нюрка прошлась по школьному двору — все было в порядке. Она зашла в чулан, отомкнула замок и достала ружье.

«На всякий случай,— подумала она.— Может быть, ястреб налетит».

Но ястреб не налетал. Он кружил вдалеке, высматривая цыплят.

Нюрке стало скучно. Она залезла на забор и поглядела в поле. Далеко, на картофельном поле, видны были люди. Они ползали по полю, как маленькие ситцевые жуки. Изредка приезжал грузовик, нагружался картошкой и снова уезжал.

Нюрка сидела на заборе, когда подошел Витя, тот самый, что жужжал на специальной палочке.

— Перестань жужжать,— сказала Нюрка.

Витя перестал.

— Видишь это ружье?

Витя приложил к глазам кулаки, пригляделся как бы в бинокль и сказал:

— Вижу, матушка.

— Знаешь, как тут на чего нажимать?

Витя кивнул.

— То-то же,— сказала Нюрка строго,— изучай военное дело.

Она еще посидела на заборе. Витя стоял неподалеку, желая пожужжать.

— Вот что,— сказала Нюрка,— бери ружье и садись на крыльцо. Налетит ястреб — стреляй беспощадно. А я сбегаю за ботвой для кроликов.

Витя сел на крыльцо, положил ружье на ступеньку, а Нюрка достала из чулана ведро, порожний мешок и побежала в поле.

На краю поля лежала картошка — в мешках и отдельными кучками. Особый, сильно розовый сорт. В стороне была сложена гора из картофельной ботвы.

Набив мешок и набрав картошки, Нюрка пригляделась, далеко ли ребята. Они были далеко, даже было не разобрать, где Федюша Миронов, а где братья Моховы.

«Добежать, что ль, до них?» — подумала Нюрка.

В этот момент ударил выстрел.

Нюрка мчалась обратно. Страшная картина представлялась ей: Витя лежит на крыльце весь убитый.

Мешок с ботвой подпрыгивал у Нюрки на спине, картофелина вылетела из ведра — хлопнулась в пыль, завертелась, как маленькая бомба.

Нюрка вбежала на школьный двор и услышала жужжание. Ружье лежало на ступеньках, а Витя сидел и жужжал на своей палочке. Интересная все-таки это была палочка. На конце — сургучная блямба, на ней петля из конского волоса, а к нему привязана глиняная чашечка. Витя помахивал палочкой — конский волос терся о сургуч — ж-ж-жу.

— Кто стрелял? — крикнула Нюрка.

Но даже и нечего было кричать. Ясно было, кто стрелял,— пороховое облако еще висело в бузине.

— Ну погоди! Вернутся братья Моховы! Будешь знать, как с ружьем баловать. Перестань жужжать!

Витя перестал.

— Куда пальнул-то? По Мишукиной козе?

— По ястребу.

— Ври-ври! Ястреб над птичником кружит.

Нюрка поглядела в небо, но ястреба не увидела.

— Он в крапиве лежит.

Ястреб лежал в крапиве. Крылья его были изломаны и раскинуты в стороны. В пепельных перьях видны были дырки от дробин.

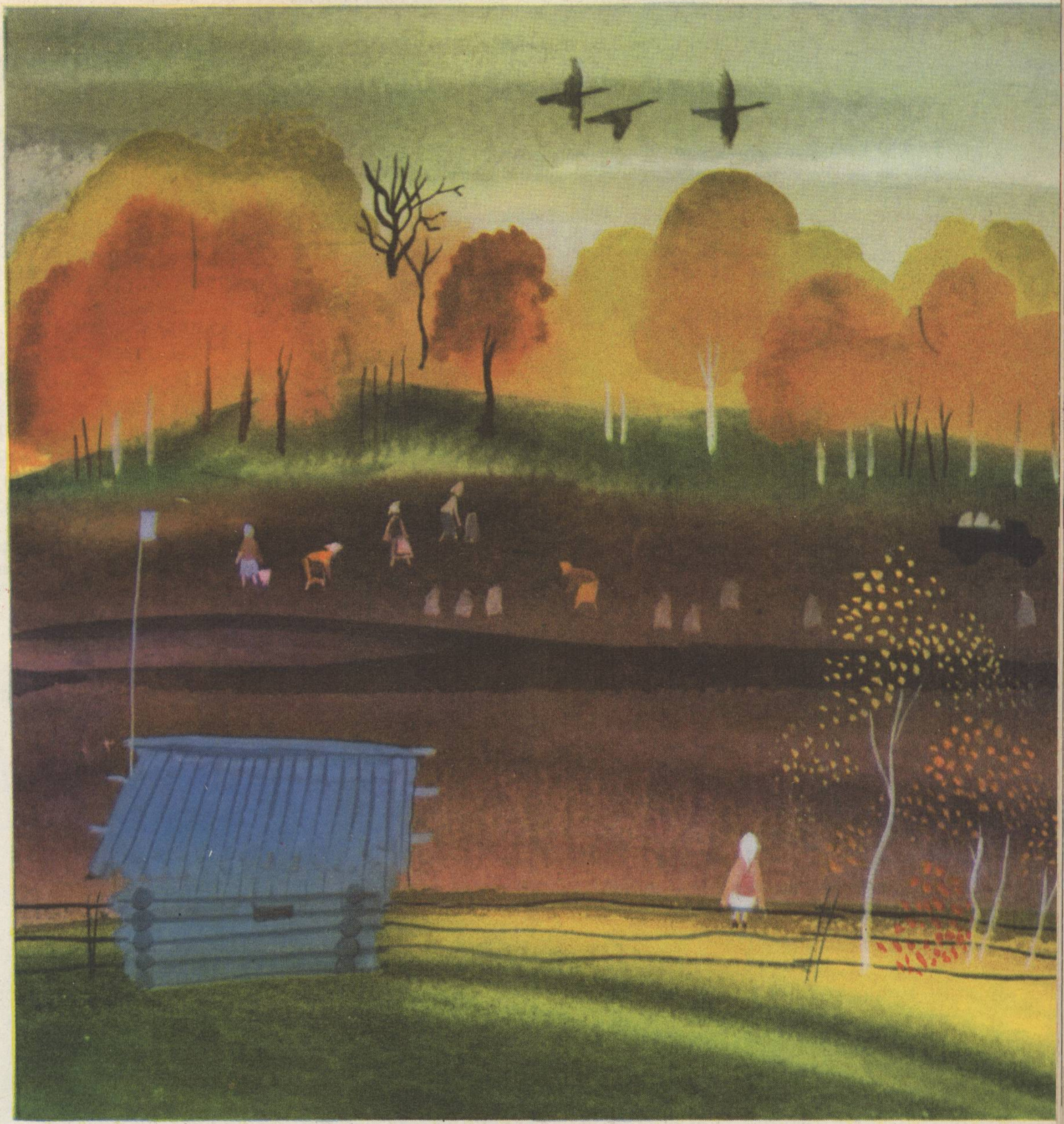
Это было так чудно, что, и глядя на ястреба, Нюрка не верила, что это Витя его. Она подумала, может быть, кто-нибудь из взрослых зашел на школьный двор. Да нет, все взрослые были на картошке.

Да, видно, ястреб просчитался. Как ушла Нюрка, он сразу полетел за крольчатами, а про Витю подумал: мал, дескать,— и вот теперь — бряк — валялся в крапиве.

С поля прибежали ребята. Они завопили от восторга, что такой маленький Витя убил ястреба.

— Он будет космонавтом! — кричали братья Моховы и хлопали Витю по спине, а Федюша Миронов изо всей силы гладил его по голове и просто кричал: — Молодец! Молодец!

— А мне ястреба жалко,— сказала Нюрка.

Нюрке стало скучно. Она залезла на забор и поглядела в поле. Далеко, на картофельном поле, видны были люди.

— Да что ты! Сколько он у нас кроликов потаскал.

— Все равно жалко. Такой красивый был.

Тут все на Нюрку накинулись.

— А кого тебе больше жалко? — спросил Федюша Миронов.— Ястреба жалко или кроликов?

— И тех и других.

— Вот дуреха-то! Кроликов-то жальче! Они ведь махонькие. Скажи ей, Витька, чего ж ты молчишь?!

Витя сидел на крыльце и молчал.

И вдруг все увидели, что он плачет. Слезы у него текут, и он совсем еще маленький. От силы ему шесть лет.

— Не реви, Витька! — закричали братья Моховы.— Ну, Нюрка!

— Пускай ревет,— сказала Нюрка.— Убил птицу — пускай ревет.

— Нюрка! Нюрка! Имей совесть! Тебя же поставили сторожить. Зачем отдала ружье? Сама должна была убить ястреба.

— Я бы и не стала убивать. Я бы просто шуганула его. Он бы улетел.

Нюрка стала растапливать печку, которая стояла в саду. Поставила на нее чугун с картошкой. Пока варилась картошка, ребята все ругались с ней, а Витя плакал.

— Вот что, Нюрка,— под конец сказал Федюша Миронов,— Витька к ястребу не лез. Ястреб нападал — Витька защищался. А в сторону такой парень стрелять не станет!

Это были справедливые слова. Но Нюрка не ответила. Она надулась и молча вывалила картошку из чугуна прямо на траву. ★

Кораблик
только тебе

ДЕТСКИЕ СНЫ

Зимнею морозной ночью
Снег тихонечко скрипит,
Это бродит сон ребячий,
Сон, который сам не спит.

Он в мешок большой,
бездонный,
Грезы детские кладет,
А потом глубокой ночью
Их ребятам раздает.

В тех прекрасных
сновиденьях
Все сбываются мечты,
В них мальчишки —
капитаны,
Им послушны корабли.

А ночное солнце-месяц
В окна к нам глядит
И ребятам непослушным
Засыпать велит.

Наташа ШЛЫКОВА
Ей 12 лет,
живет она в Удмуртии,
в городе Воткинске.

Посылаю вам одно из самых лучших стихотворений. Я пишу уже год. Учусь в пятом классе. Эти стихи я написал к повести «Черная стрела» Стивенсона.

Черная стрела

Вперед лети, моя стрела,
Ты злых людей нагонишь,
Ты отличишь добро от зла,
Плохое в землю вгонишь.
Лети и бей шерифов всех,
Монахов бей в соборах,
И пусть сопутствует успех
Тебе в полях и горах.

Володя ГЛАДЫШЕВ,
из Малаховки.

До чего же чистая вода...

До чего же чистая вода!
До чего я люблю тебя,
Не могу тебе сказать,
Не могу и описать:
До чего же чистая вода!

И как будто, мне кажется,
Не иду по воде, а плыву.
И все мне кажется, кажется,
До чего же чистая вода!

В ней, может быть, золото,
А может, серебро.
Ничего не могу описать,
Но только могу сказать:
До чего же чистая вода!

В ней есть сила,
Которая вырабатывает ток.
В ней есть горе,
Которое случается весной...

Витя ФЕДОРОВ,
Башкирская АССР,
село Темасово,
Баймакского р-на.

ПРУД

Старый пруд, покрытый тиной,
Мостик шаткий над водой,
С покосившейся рябиной,
С тонкой ивой молодой.

Дремлет царство водяное.
Внемля шороху листов.
Что-то есть свое, родное
В тихой прелести прудов.

Валерий НЕСМЕЛОВ,
14 лет,
г. Новороссийск.

*

МОКРЫЙ ВОРОБЕЙ

В автобусе лучше всего стоять возле заднего стекла и смотреть на улицу. Длинный дом нырнул в мокрую мостовую и поплыл. А в переулке еще снег, девчонки подбрасывают мяч, а он совсем не подпрыгивает на снегу. Глупые, шли бы на тротуар. Возле «Детского мира» я вспоминаю: опять не купил общие тетради. Автобус переходил лужу, и осколки солнца покатились из-под колес в разные стороны.

Почему мне стало неспокойно? Мне показалось, что на меня смотрит девочка. На ней серая шуба, в автобусе много свободных мест, а она не садится, стоит и ест яблоко. Я стараюсь не смотреть на яблоко, чтобы она не подумала, что мне тоже хочется. У девочки немного загорелые щеки, когда только успела. У меня шапка надвинута на самый нос и закрывает пол-лица, мода такая. Попробуй пойми по пол-лицу, хороший я человек или не очень.

Девочка медленно ест яблоко.

— Хочешь откусить?

Я вижу, как она улыбается и протягивает мне яблоко.

— Не надо, спасибо. Весна, и снег дырявый.

— Весна, и снег дырявый, — смеется девочка.

— А вон мокрый воробей, — показываю я, — жалко его, еще простудится.

— Он, наверно, купался. Воробьи любят купаться в лужах.

Я и сам давно знаю про воробьев, но мне нравится, что она объяснила.

«Облако похоже на Африку», — думал я.

— Смотри, вон Африка плывет, — говорит она.

Автобус останавливается, девочка выходит и медленно идет по мокрой улице.

Жалко, что она так и не сказала ни слова, даже не посмотрела на меня.

Наташа ХМЕЛИК,
14 лет, Москва.

ЖЕРЕБЕНОК

Бродят по лугу кони —
Рыжие, черные, белые...
Я протяну им ладони
С теплым, душистым хлебом.
Один подойдет игриво,
Мотая своею гривой
И глазом косясь шаловливо,
Отпрыгнет с горбушкой
ржаною.
Уткнется потом благодарно
В плечо и захватит тихонько
Ухо большими губами,
Потреплет его легонько.
Вздохнет и задышит шумно,
Шею щекоча приятно.
И снова вернется в табун он
К таким же, как он,
жеребятам.

Лена ПОРЫВАЙ.
Ей 14 лет, живет она в Москве на Лодочной улице.

Детлеф Цюльсдорф «ВЬЕТНАМ».

**Эти стихи написала
Наташа Старикова из Брянска.
Ей 14 лет, она уже комсомолка,
но «Пионер» остается ее старым другом.**

Коля Петров «ДЕКАБРИСТЫ».

Обыкновенное чудо

Прекрасная принцесса
Спит волшебным сном.
Не щебечут птицы
За ее окном.
Тихо дремлют слуги,
Гости и друзья,
Все ее подруги,
Вся ее семья.
Долго спит принцесса,
Тихо во дворце.
Принц придет, и сразу
Вдруг проснутся все.
Оживут и будут
Веселиться вновь.
Снова победила
Горячая любовь.
И свершится чудо:
Победит добро —
Прекрасное и вечное
Простое волшебство.

Сиймо Рээт «ОРКЕСТР».

Грустная осень

Ранняя осень.
Во дворе листопад,
Грустные очень
Листья летят.
Голые деревья,
Мокрые кусты,
Грязь, и дождь, и ветер,
Не цветут цветы.
Тихи звуки вальса
Где-то за стеной.
Тикает будильник
За моей спиной.

Есть в «Кораблике» еще один рассказ. Его вы найдете на странице 62.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Н. ЕЛИСТРАТОВА

Фото Д. ДМИТРИЕВА.

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Заиграл оркестр, и на манеж выбежали львы со светло-коричневыми гривами и львицы, блестящие, гладкошерстные, будто затянутые в золотистое трико.

— Самый юный в Советском Союзе укротитель львов Борис Денисов! — торжественно провозглашает шпрехшталмейстер — так в цирке называется ведущий.

В клетку входит юноша. Он в белой рубашке, за поясом хлыст и пистолет. У него серьезные, взрослые глаза, а улыбка мальчишеская. Боре Денисову девятнадцать лет.

Борис щелкает бичом, и львы усаживаются на разноцветные тумбы. Только Нева что-то медлит. Недовольно рычит, огрызается. Борис несколько раз повторяет команду — ей хоть бы что. Потом и она нехотя забирается на свое место. А Питер отвлекается то и дело.

Его заинтересовала девочка с красными бантиками, он без конца на нее оглядывается, совсем как рассеянный ученик в классе.

— Эй, Питер, нельзя отвлекаться. Сейчас твой выход. Ну-ка, алле-оп!

Питер прыгает на тумбу в центре арены и, к восторгу зрителей, делает стойку на задних лапах.

Теперь очередь Самсона. Он выходит, как первый ученик в классе, твердо зная, что пятерка ему обеспечена, и прыгает через кольцо.

— Молодец, Самсон! А сейчас — бег с препятствиями...— Борис вместе со львами бежит по кругу, перепрыгивает через барьер вслед за Самсоном.

Заключительный номер — пирамида, а Питер, как всегда, отвлекается.

РАССКАЗЫВАЕТ МАМА БОРИСА ТАМАРА ТИМОФЕЕВНА

— У цирковых артистов вся жизнь на колесах. И у детей цирка жизнь нелегкая: все время в разъездах. Боря с братом Игорем выступали с двенадцати лет как жонглеры-эксцентрики. Боря еще помогал отцу. Отец его работал со львами тридцать пять лет, я ему ассистировала. Львы были частью нашей семьи.

Борю часто спрашивают, что он испытывал, когда впервые вошел в клетку, а он всегда отвечает, что не помнит даже, когда это было. Ведь он с детства со львами. Он привык к ним, как привыкаешь к животным, которые живут дома. В четырнадцать лет он сказал нам, что станет дрессировщиком. Мы поначалу и слышать об этом не хотели. Но Боря буквально не отходил от животных, и отец не выдержал, начал учить его искусству дрессировки. В первый раз Боря вышел на манеж со львами два года назад в Батуми. Этот город для нас памятный: здесь Боря в первый класс пошел и здесь окончил школу.

ГОВОРИТ БОРИН ПАПА ВСЕВОЛОД БОРИСОВИЧ

— Дрессировщик — это педагог, психолог и врач. Учишься этому делу всю жизнь: надо знать, как и чем кормить львов, как за ними ухаживать и как лечить. У львов могут зубы заболеть, простуживаются они часто — и кашляют и чихают, даже радикулит у них бывает. А одного льва из Бориной группы пришлось отправить обратно в зоопарк: он заболел неврастенией.

Специалистов по львам не так уж много, да и не каждый ветеринар согласится лечить льва. Поэтому дрессировщик должен уметь делать львам уколы и лечить их от простуды.

Ребята нас часто спрашивают: может быть, дрессировщик — гипнотизер? А если нет, почему же его слушаются львы? Почему они его боятся?

Должен вам сказать: тут дело не в страхе, а во взаимопонимании. Львы охотно отзываются на ласку и всегда чувствуют, в каком настроении дрессировщик. Если он чем-то расстроен, им передается его беспокойство.

Дрессировщик обязательно должен обладать такими качествами, как терпение, спокойствие, умение понятно показать львам задание и научить их делать цирковые трюки.

Вы уже заметили, что у львов разные характеры: самая «трудная» в нашей группе Нева. Питер очень нервный, его все приводит в беспокойство: и свет, и зрители, и музыка. Самсон понимает все с полу-

слова. Он талантлив, работает с увлечением. Но с него нельзя спускать глаз ни на минуту, Борис ему слишком доверял, и он бросился на Бориса прямо на представлении. Вот почему пожарники с брандспойтами (вы заметили, наверное) все время стоят у клетки и на репетиции и во время представления, готовые каждую минуту прийти на помощь дрессировщику.

Львы—очень хитрые звери: на репетиции они работают гораздо лучше, а на представлении они чувствуют свою власть над дрессировщиком, словно понимают, что от них зависит успех.

У Бориса группа львов необычная. Сейчас в Советском Союзе ни у кого нет группы, в которой бы работали и львы и львицы вместе. Работать с такой группой особенно опасно. Но и интересно: львицы злобнее львов, у них реакция быстрее, они подвижнее. А львы понятливее, сильнее, могут выполнять более сложные трюки.

ЗА КУЛИСАМИ ЦИРКА

Вот где интересно! Идешь по коридору — и вдруг откуда ни возьмись человек на руках. Пробегает озабоченный Айболит со своими питомцами — маленькими пушистыми собачками. Мальчишки в узбекских расписных халатах и тюбетейках играют перед выходом на арену в футбол. И, ни на кого не обращая внимания, медленно прогуливается по коридору клоун в громадных ботинках с загнутыми носами.

Кажется, царапина пустяковая, а маме все равно страшно...

Во всю стену — веселая цирковая газета. В ней дружеские шаржи на артистов цирка, а под портретом Денисова стихи:

Борис увлекся дрессировкой,
Пусть даже очень молод он,
Но зверь его улыбкой легкой
Бесповоротно побежден.

Борис Денисов действительно работает легко. Он молниеносно сам (ведь никто не может войти к нему в клетку и помочь) отбрасывает тяжелые тумбы, заменяет их лестницами, барьерами. Вот когда пригодились ему занятия акробатикой и гимнастикой. Смотришь на него, и кажется, что в клетке идет не поединок человека с хищником, в котором побеждает мужество, воля и выдержка человека, а просто веселая игра.

В ГОСТЯХ У ЛЬВОВ

Вхожу в «львиную квартиру». Она в глубине цирка, за кулисами. На манеже звери казались не очень большими, послушными. В клетках они мечутся, кидаются на прутья, рычат. Львиное рычание глухое, протяжное...

Сейчас у львов ужин. Кормят их ночью, один раз в сутки. Львам на ужин дают семь с половиной килограммов сырого мяса с бульоном. А малышке Апрельке (ей в апреле исполнился год) полагаются еще молоко, яйца, поливитамины.

На время ужина рабочие перегораживают клетки железными щитами, чтобы звери не дрались и не отнимали друг у друга мясо. У каждого льва получается отдельная комнатка. Ужин им подают на больших, глубоких противнях с ручками, похожих на громадные совки. Они обнимают «тарелки» лапами, чмокают, урчат. Борис внимательно следит за кормежкой. Если лев отказывается от еды,— это плохой признак, значит, он болен.

После ужина настроение благодушное. Можно и поиграть. Цезарь с Султаном обнялись и начали бороться, а Апрелька так и норовит задеть меня лапой. Я отхожу подальше от клетки. Апрелька удивленно на меня смотрит и, наверно, думает: с ней познакомиться хотели, а она почему-то испугалась.

У Бориса был длинный, трудный день. Он еще не кончился. В одиннадцать вечера —

РЕПЕТИЦИЯ

Непривычно пусто в цирке. Ночью в цирк никого из посторонних не пускают, есть такое строгое правило. Электрик на маленькой, подвешенной на тросах тележке объезжает свои владения под куполом цирка и гасит

Вот он какой красавец, Самсон!

прожекторы. Снизу он кажется маленьким, толстеньким, как Карлсон, который живет на крыше. И тележка его жужжит совсем как моторчик за спиной Карлсона.

Но в громадном зале он не один. Давно могли бы уйти домой униформисты, а они сидят, смотрят, как Борис работает. Всем на репетиции распоряжается плотный, усатый человек: решетку устанавливает, барьеры приносит, ставит поднос с мясом. Мы думали, это ассистент дрессировщика. Оказалось, артист цирка, велофигурист. Борису он помогает просто потому, что интересно. В цирке все помогают друг другу.

Сейчас начнется обучение цирковому искусству молодых, еще ни разу не выступавших львов — Цезаря и Султана. Они близнецы. Им по два года. В этом возрасте уже пора приучать к манежу.

...РЕПЕТИЦИЯ ИДЕТ, А ВСЕВОЛОД БОРИСОВИЧ КОММЕНТИРУЕТ

Султан ни за что не хочет делать пируэт. Борис заставляет его прыгнуть на высокую тумбу, а он дрожит, боится упасть и трусливо убегает на свое место.

— Первое дело дрессировщика — приучить львов к месту,— говорит Всеволод Борисович.— Видите, Цезарь с Султаном уже твердо знают свои тумбы.

Снова пируэт. Борис сам показывает, как надо повернуться при пируэте, потом берет кусок мяса (у него через плечо холщовая сумка с мясом) и обходит вокруг тумбы. Султан чувствует вкусный запах и медленно поворачивается.

— Браво, Султан! Еще раз! Молодец!

Теперь очередь Цезаря. Он меньше, слабее брата. Работать ему совсем не хочется. То и дело он протягивает дрессировщику лапу, словно приглашает к игре. Сделает номер — и снова протягивает лапу, требует, чтобы Борис пожал ее.

Всеволод Борисович внимательно следит за каждым движением Бориса.

— Не поворачивайся к львам спиной! Не заставляй их по нескольку раз повторять номер, им это скоро надоест. Дай им немного отдохнуть.

— Ну, Цезарь, ну, Цезаренок, ну! — зовет Борис.

Цезарь должен встать между двумя тумбами, а Султан перепрыгнуть через него. Султан всегда готов, тем более что на тумбе его ждет кусок мяса, а Цезаря даже мясо не прельщает: только Султан приготовится к прыжку — он удирает.

Снова и снова дрессировщик ставит львов на тумбы, показывает, что они должны делать. Номер не клеится...

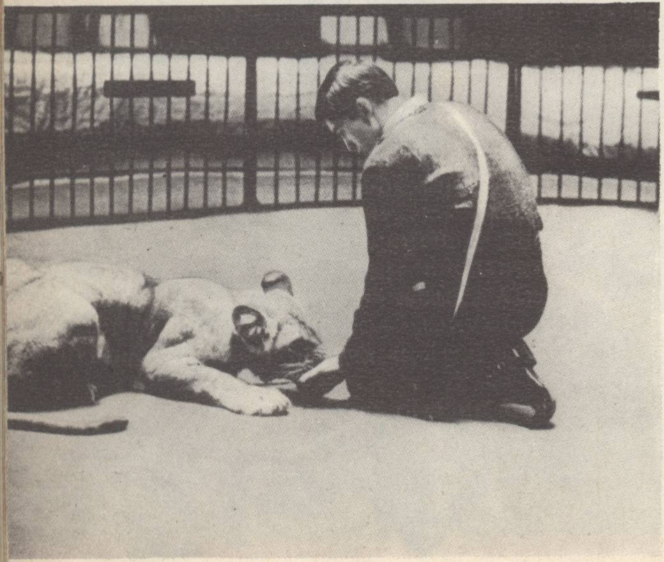
— Знаете, как долго приходится приучать львов прыгать через огненное кольцо,— говорит Всеволод Борисович.— Сначала мы учим их прыгать через низенькую палочку, потом через палочку повыше, потом через полукруг. Наконец, делаем большой круг, и зажигаем маленький, едва тлеющий фитилек наверху. Потом такие фитильки зажигаем по всему кругу. А когда лев привыкнет, зажигаем большой огонь.

Придет время, получится этот номер и много других, Султан с Цезарем выйдут на манеж. А пока им предстоит проходить обучение в школе цирковых львов. В этой школе учатся львы, учится и дрессировщик. Они — умению делать сложные трюки. Он — искусству быть дрессировщиком.

Половина второго ночи. Репетиция кончилась. Но у Бори Денисова еще дела в цирке. Он осматривает решетку у клетки. Одно звено распаялось. Завтра утром его обязательно нужно сварить. Нужно посмотреть, как чувствуют себя львы, все ли готово к завтрашнему представлению.

...Светлеет небо. На шумных обычно московских улицах тихо и пусто. Борис заводит мотоцикл и мчится по спящей уже Москве.

Первый раз в своей жизни Апрелька вышла на манеж.

ОЛИМПИАДА — В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ!

Подготовительный комитет заседает последний раз.

Сегодня ЗЕТ задает вопросы

ЗЕТ. В декабре я дал вам задачу про номер квартиры, где живет Саша М. Напомню условия: в Сашином доме 2 подъезда, 8 этажей, 64 квартиры (на каждую лестничную клетку выходят 4 двери). При помощи наименьшего числа вопросов надо узнать номер Сашиной квартиры, причем он соглашался отвечать лишь на вопросы, начинающиеся со слов: «Верно ли, что...»

Почти как Шерлок Холмс

Я сказал, что знаю способ угадать номер квартиры ровно за шесть вопросов. Я действовал почти как знаменитый сыщик, который, как известно, мог с помощью одних только строгих логических рассуждений раскрыть любую тайну, найти любое неизвестное. Как и Шерлок Холмс, я задавал вопросы. Сначала спросил:

— Верно ли, что ты живешь в первом подъезде?

Саша ответил: «Нет»,— и я понял, что его квартира находится во втором подъезде (подъездов-то всего два!). Второй вопрос был еще хитрее:

— Верно ли, что ты живешь ниже пятого этажа?

— Да.

— А верно ли, что ниже третьего?

— Нет.

— ...на четвертом?

— Да.

Значит, Саша живет во втором подъезде на четвертом этаже. У меня осталось два вопроса на четыре «подозрительные» квартиры — 45-ю, 46-ю, 47-ю, 48-ю (если ты посчитаешь, как расположены квартиры в двух подъездах снизу вверх, то увидишь, что на площадку четвертого этажа во втором подъезде выходят двери этих четырех квартир).

— Верно ли, что номер твоей квартиры больше 46?

— Нет.

— ...ты живешь в 45-й?

— Нет.

— Значит, ты живешь в 46-й! — сказал я с торжеством.

ИКС. Я понял, уважаемый Зет, почему вам понадобилось так мало вопросов. Каждый ваш вопрос делит номера «подозрительных» квартир (тех, среди которых находится Сашина) на две

равные части: те номера, для которых верно то, о чем говорится в вопросе (для них ответом будет «да»), и те, для которых это неверно. Узнав ответ, ты в любом случае уменьшаешь число «подозрительных» квартир ровно вдвое. Если вопрос делит «подозрительные» квартиры на две неравные части, то в лучшем случае число «подозрительных» квартир уменьшится более чем вдвое, а в худшем—менее чем вдвое. Но ведь надо угадать номер за наименьшее число вопросов в любом случае — как в лучшем, так и в худшем!

ИГРЕК. А я могу доказать (совершенно строго!), что в пять вопросов уложиться наверняка нельзя. Здесь нам поможет вот эта таблица. Сашины ответы мы запишем с помощью пятизначных чисел. Если он ответил «да», будем писать 2, а если «нет», то 1. Первый ответ запишем в разряде единиц, второй — в разряде десятков и так далее. Тогда мы можем двойками и единицами записать любое сочетание из пяти ответов. Оно будет пятизначным числом, каждая цифра которого — единица или двойка. Выписываю все эти числа в порядке возрастания — вот и получилась таблица. Если ты сам допишешь эту таблицу до конца, увидишь, что всего этих чисел 32.

11 111
11 112
11 121
11 122
11 211
11 212
11 221
11 222
12 111
. . . . .

Допустим, что нам всегда удается угадать квартиру на 5 вопросов. Это значит, что, зная, какое получилось пятизначное число, мы можем точно назвать номер квартиры. Но так как пятизначных чисел у нас 32, то и квартир мы можем назвать лишь 32, а не 64, как в условии.

ИКС (к Зету): Хорошо, что квартир было ровно $64 = 2\times2\times2\times2\times2\times2$ и вы могли каждый раз уменьшать число подозрительных квартир ровно вдвое. Ну, а как решить задачу, если бы квартир в этом доме было не 64, а, скажем, 63?

ЗЕТ. Я старался бы делить их на такие части, которые по числу квартир как можно меньше отличаются одна от другой. Пусть читатели скажут, какие это должны быть вопросы.

ИЩЕМ фальшивую МОНЕТУ

К этому же типу относятся и задачи, где надо найти фальшивую монету с помощью весов. Шерлок Холмс щелкал бы их, наверное, как орешки. Давайте и мы разберем одну из них.

Имеются 26 одинаковых по виду монет. Среди них одна фальшивая, она легче остальных, и есть чашечные весы (без стрелки и гирь). Надо за наименьшее число взвешиваний найти фальшивую монету.

ИКС. Я думаю, достаточно трех взвешиваний. Эту задачу я решал бы точно так же, как и предыдущую. Только число «подозрительных» монет надо при каждом взвешивании пытаться уменьшать не в два раза, как там, а в три: ведь у каждого взвешивания три возможных результата — левая чашка перевесила, правая чашка перевесила, чашки уравновесились. Поэтому сначала я положу на каждую чашку по 9 монет. После взвешивания у меня останется всего 9 или даже 8 «подозрительных» монет (читатель, подумай, почему это так?). Потом я положу на чашки по три из них. После этого взвешивания окажутся 3 или 2 «подозрительные» монеты. Положив по одной из них на чашки, выясним, какая монета фальшивая.

Теперь наступил момент задать

Каверзный контрольный вопрос

Почему не может существовать способ, при котором фальшивая монета обнаружилась бы за два взвешивания?

ИГРЕК. Интересно, понимают ли наши читатели, что общего в двух рассмотренных задачах? Ведь там квартира, а здесь монеты, там вопросы, а здесь взвешивания.

ЗЕТ. И все же в них много общего. Мы задаем вопросы — в одном случае Саше, в другом — весам и получаем ответы — в одном случае от Саши, в другом — от весов. Ответ двух типов: либо «да», либо «нет». А ведь когда ученые ставят опыты, они делают то же самое — задают вопросы. Известно выражение, что физический эксперимент — это вопрос, который мы задаем природе. Конечно, так могут сказать о своих опытах и химики и биологи — все, кто изучает природу. Если хочешь быть настоящим математиком, и тебе надо уметь задавать вопросы. Решая любую задачу, ты сначала продумываешь вопросы, а потом ищешь на них ответы. Верно?

До встречи на олимпиаде!

КОНКУРС ИКСА

ИКС. Я думаю, на сегодня довольно. Мне осталось только дать задачи очередного конкурса

ПЯТЬ ЧИСЕЛ

Сумма пяти натуральных чисел равна 25. Докажите, что их произведение меньше 3 200.

6 МОНЕТ

Имеются 6 одинаковых по виду монет. Четыре из них настоящие, по 4 г каждая, и две фальшивые общим весом 8 г, одна чуть более тяжелая, другая чуть более легкая. За наименьшее число взвешиваний (весы без стрелки и гирь) найдите обе фальшивые монеты.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

ВОСЬМИКЛАССНИКИ! ПРОВОДИТСЯ НАБОР В ЗАОЧНУЮ МАТЕМАТИЧЕСКУЮ ШКОЛУ. ЗАДАЧИ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ РАБОТЫ НАПЕЧАТАНЫ В ПЕРВЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛОВ «КВАНТ» И «МАТЕМАТИКА В ШКОЛЕ».

КОГДА БЫЛ УЧРЕЖДЕН ОРДЕН ПОБЕДЫ И КОГО ИМ НАГРАЖДАЛИ?

Валя Соколов, г. Минск

«День рождения» ордена — 8 ноября 1943 года. Им награждаются только военные, это высшая воинская награда нашей страны. В Великую Отечественную войну в знак особого отличия им награждались лучшие военачальники и полководцы Советской Армии. Кавалеров этого ордена девятнадцать человек. Среди них: Г. К. Жуков (дважды), А. М. Василевский (дважды), И. С. Конев, К. К. Рокоссовский, Р. Я. Малиновский, Ф. И. Толбухин, Л. А. Говоров, А. И. Антонов, С. К. Тимошенко, К. А. Мерецков.

Кавалерами ордена Победы стали и зарубежные военачальники: Монтгомери, Эйзенхауэр, Броз Тито.

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ! ОБЪЯСНИ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНА ЗВЕЗДА НА СПАССКОЙ БАШНЕ, КАКОЙ ОНА ВЫСОТЫ, ШИРИНЫ, ТОЛЩИНЫ, КТО ЕЕ СДЕЛАЛ, КОГДА И КОГДА ЕЕ УСТАНОВИЛИ НА БАШНЕ. А ВСЕ ЛИ ЗВЕЗДЫ СДЕЛАНЫ ИЗ ТОГО, ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНА ЗВЕЗДА НА СПАССКОЙ БАШНЕ? Я СЛЫХАЛ, ЧТО ОНА СДЕЛАНА ИЗ РУБИНА. ТАК ЛИ ЭТО? ЕСЛИ ИЗ РУБИНА, ТО ОДИН ЭТО КУСОК ИЛИ НЕСКОЛЬКО, ГДЕ ВЗЯЛИ СТОЛЬКО РУБИНА?

Михаил Жуков, г. Ковров

На кремлевских башнях пять звезд. Звезда на Спасской башне действительно самая большая. Сделана она не из рубина, а из специального рубинового стекла и позолоченной нержавеющей стали. Размах ее лучей — почти четыре метра (3,75 м), вес — больше тонны. А самая маленькая из кремлевских звезд—на Водовзводной башне (диаметр — 3 м).

Изнутри звезды днем и ночью освещаются сильными электрическими лампами мощностью до 5000 ватт. Для охлаждения ламп из башни непрерывно подаются потоки воздуха. В башнях есть и специальные приспособления для очистки звезд от пыли и копоти.

Рубиновые звезды, которые мы видим сегодня над Москвой, установлены в 1937 году и сделаны по эскизам народного художника СССР Ф. Ф. Федоровского, главный конструктор — Г. Л. Мазур, главный стекольщик — Н. И. Курочкин.

ПОЧЕМУ МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ НАЗЫВАЮТ ЗАЛИВОМ, КОГДА ЭТО НАСТОЯЩЕЕ МОРЕ?

Женя Горский, г. Москва

Ты прав, Женя, названия «залив» и «море» на наших картах не всегда употребляются точно. Например, такие заливы, как Мексиканский, Калифорнийский, Персидский, на самом деле вовсе не заливы, а настоящие моря. А вот Каспийское, Аральское и Мертвое моря не моря, а бессточные озера. Эти названия родились давно, когда Мировой океан не был еще хорошо изучен. Подробнее об этом почитай в «Детской энциклопедии».

ПОЧЕМУ У ИНДОНЕЗИИ И МОНАКО ОДИНАКОВЫЕ ФЛАГИ?

Сергей Хойленко, Новосибирская обл. Черепановский район, пос. Листвянские шахты

И в самом деле, красно-белый флаг восточного государства Индонезии похож на флаг крохотного европейского княжества Монако. Но это всего лишь совпадение.

Полотнища обоих флагов горизонтально делятся на две равные части: верхняя — красная, нижняя — белая.

Флаг Монако сохраняет родовые цвета монакских князей Гримальди.

А в Индонезии красный и белый цвета почитаются с глубокой древности. Об этом пишет историк Мохамед Ямин в книге «Шесть тысяч лет красно-белого флага». Красный цвет — символ отваги, белый — благородства. Выбор цветов в большой степени определялся доступностью получения красок. Белый цвет — натуральный цвет хлопка, а пурпурная краска — самая древняя из известных человеку. Ее получали тогда из морских моллюсков. Вот как объясняет индонезийский ученый происхождение флага своей страны.

ОЧЕНЬ ПРОШУ НАПЕЧАТАТЬ, ГДЕ У НАС МОЖНО ВЫУЧИТЬСЯ НА ГРАЖДАНСКОГО АВИАТОРА. СКОЛЬКО ИМЕННО УЧИТЬСЯ. СО СКОЛЬКИХ КЛАССОВ. И КУДА ОБРАЩАТЬСЯ. ДАЙТЕ АДРЕСА САМЫХ КРУПНЫХ УЧИЛИЩ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ. МЫ ЖИВЕМ В МАРИЙСКИХ ЛЕСАХ. НАШ Л/У ЗАНИМАЕТСЯ ЗАГОТОВКОЙ ЛЕСА. САМОЛЕТ У НАС — ДИКОВИНА. ПРАВДА, ЛЕТАЮТ КАЖДЫЙ ДЕНЬ САМОЛЕТЫ «АН-2». Я ПЕРВЫЙ РАЗ ВИДЕЛ САМОЛЕТ «ТУ-154» И «ТУ-134» В «ПИОНЕРЕ» ЗА ИЮНЬ МЕСЯЦ. ОСТАЛЬНЫЕ САМОЛЕТЫ Я ВИДЕЛ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ. Я ЧИТАЮ ВСЕ КНИГИ ПРО АВИАЦИЮ. В ШКОЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ НЕТ КНИГИ ПРО АВИАЦИЮ, КОТОРУЮ Я ПРОПУСТИЛ БЫ.

Володя, Марийская АССР

Ты можешь поступить в летное училище или школу, если тебе исполнилось 17 лет, ты уже закончил среднюю школу и врачи считают тебя годным.

Срок обучения (по специальностям): пилот—2 года 1 месяц; штурман — 2 года 6 месяцев. А вот адреса летных училищ и школ: **Сасовское** — г. Сасово, Рязанской области; **Бугурусланское** — г. Бугуруслан, Оренбургской области; **Краснокутское** — г. Красный Кут, Саратовской области; **Кременчугское** — г. Кременчуг, Полтавской области; **Кировоградская** школа высшей летной подготовки гражданской авиации—г. Кировоград областной; **Ульяновская** школа высшей летной подготовки гражданской авиации — г. Ульяновск областной.

Заявления надо подавать с 1 июня по 31 июля в приемные комиссии (они находятся в управлениях гражданской авиации в городах Алма-Ате, Ашхабаде, Баку, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Иркутске, Киеве, Кишиневе, Куйбышеве, Красноярске, Ленинграде, Минске, Магадане, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Свердловске, Сыктывкаре, Ташкенте, Тюмени, Тбилиси, Таллине, Фрунзе, Хабаровске, Якутске, Москве).

КАКОЕ ВЕЩЕСТВО СЧИТАЕТСЯ САМЫМ ПРОЧНЫМ?

Виктор Почивалов Хабаровский край

Самые прочные вещества на земле — кристаллы или, точнее, вещества кристаллического строения. А из них чемпионами считаются нитевидные кристаллы, или «усы». Советские ученые создали в лабораториях самое прочное вещество на Земле — нитевидные кристаллы вольфрама. Они в десять раз прочнее любого металла, известного людям. Диаметр такой вольфрамовой нити — около двух миллионных долей сантиметра. Каждый квадратный сантиметр этого вещества выдерживает колоссальную нагрузку — 230 тонн!

МЕНЯ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСУЕТ ОДИН ВОПРОС: КАК И ГДЕ СПЯТ ЖИРАФЫ СО СВОЕЙ ДЛИННОЙ ШЕЕЙ?

Гребенцов Геннадий, Мордовская АССР, с. Будзаево

Жирафы спят на животе (не на боку!), прямо-таки плашмя ложатся на землю. Тело при этом изгибается полудугой вбок. А шею жирафы приспособились «складывать». Изогнув ее дугой, жирафы укладывают голову позади себя.

В КАКОМ ГОДУ НАЧАЛИ НОСИТЬ СОЛДАТСКИЕ ПИЛОТКИ?

Кузнецова Ира, Чайкина Таня, Москва

Всем известна буденовка. С 1919 года все красноармейцы носили ее зимой, а летним головным убором с 1935 года стала пилотка. В этом году в Красной Армии было введено новое обмундирование и новые знаки различия. Тогда и появилась впервые суконная пилотка с красной звездочкой. Цвет пилотки и окантовка зависели от рода войск (для командиров авиации — синий, для командиров бронетанковых войск — стальной, для остальных—хаки).

ДВОЕ в море

РАССКАЗ

Владимир **ВИШНЯКОВ**

Рисунки М. **БИШОФСА.**

Был тот час дня, когда солнце, пройдя половину неба, еще не собирается на покой, но, остановившись в зените, как бы засыпает, набираясь сил для трудного спуска. Внизу, на нагретой земле, тихо в этот час, ни звука, ни ветерка, все живое, движущееся замирает на миг и, кажется, не дышит даже, не смея спугнуть тишину. И только море, огромное, как небо, не может остановить своего сердца, скрытого где-то в глубинах, и оно мерно бьется там, колебля плоть воды.

Иногда пробежит по степи торопливый автомобиль, и шлейф пыли долго стоит в неподвижном воздухе, отмечая изгибы дороги, вьющейся среди скудных трав и низкорослых кустарников. Впрочем, сейчас машины здесь редки, до осенней путины еще далеко, и в небольшом рыбацком поселке, расползшемся по высокому берегу моря, жизнь идет размеренная, неторопливая.

— Пап,— Сенька, беловолосый и лохматый, с выбившейся из штанов рубахой, подошел к отцу, появившемуся на пороге дома.— Пап, можно мы с Димой на море пойдем, бычков половим?

— А где мать? — спросил Петр Степанович.

— На ферме,— сказал Сенька.— Да тут тетя Нина останется, она присмотрит за домом. Ну, можно? Димке лодку отец прислал, резиновую, воздухом надувается. Мы с нее ловить будем.

— Пусть идут, Петр Степанович,— крикнула из сада дачница Нина Ивановна, приехавшая недавно с сыном Димой отдохнуть у моря.— У них ведь горит сейчас обнову испробовать. А я тут побуду.

— Что ж, идите, только осторожнее.— Петр Степанович потрепал густые волосы сына и пошел, позвякивая инструментами в сумке,— спешил на работу.

Сенька любил море жадно и нежно, как любят его почти все мальчишки, которым посчастливилось у моря родиться и расти. Правда, некоторые из них не догадываются, до чего сильно любят они свое море, и только потом, когда расстанутся с ним, вспоминают про эту свою любовь, с которой началась жизнь. А Сенька сознавал. Еще совсем малышом был, а уж часто бегал на берег, собирал раковины, удивлялся живности, копошившейся в траве и в мокром песке, а то и так сидел перед зыбящейся равниной воды, сверкавшей под солнцем, как чешуя голубой рыбы. Он помнил свое удивление, когда впервые, зачерпнув из моря воды кружкой, обнаружил, что она вовсе не голубая, а прозрачная, как в колодце. Он тогда пожалел воду в кружке, ему показалось, что он вырвал из моря живой кусок его тела, и поспешил плеснуть воду обратно, чтобы она скорее ожила и опять стала голубой.

Когда море бушевало, руша на берег горы воды, Сенька пугался и спрашивал, отчего оно сердится, а когда затихало и опять голубело, лаская берег тихими волнами, радовался и представлял, что море — это некое большое существо, оборотившееся почему-то водой, полной трав и рыб, но сохранившее свой особенный характер, умеющее горевать и быть счастливым.

●

Они вытряхнули лодку из мешка и развернули ее на песке, плоскую, как оладья. Димка приладил насос и стал качать. Он скоро устал, и тогда Сенька взялся, и скоро оладья вспухла и стала лодкой, толстые борта которой звенели от щелчка.

Они подняли ее, легкую, как перышко, положили на воду, мирный прибой покачивал ее сытое воздухом туловище, потом перенесли в нее снасти с берега, отвели лодку поглубже и разом ввалились в нее с разных бортов, чтобы не опрокинуть.

Сенька сел за весла. Собственно, весел на лодке не было, две небольшие деревянные лопатки с петельками из тесьмы на гладких ручках заменяли их. Сенька продел руки в петельки, гребнул лопатками, и резиновая скорлупка послушно и легко пошла.

Метрах в двухстах от берега Сенька перестал грести. Отсюда широко виден был берег. Слева на отшибе крошечный сарайчик, где поставили недавно лебедку, чтобы не руками вытягивать на крутой берег тяжелые баркасы. И сами баркасы видны рядом — лежат неуклюжие, как тюлени, какой на брюхе, какой перевернут вверх дном, черным от смолы. Правее — дома поселка. Всех домов не видно, только самые любопытные взбежали посмотреть на море, а остальные, благоразумные, прячутся в ложбине от пронзительных зимних ветров. А крайний дом, дом не дом, длинный, как конюшня, только без окон — склад сетей.

Первого бычка поймал Сенька. Дима еще возился, налаживая снасть, а Сенька уже снимал добычу с крючка. Бычок попался на редкость крупный, он сильно тряхнул лесу при поклевке, отчаянно упирался, когда Сенька выводил его к поверхности, а в лодке вертелся ужом, никак не соглашался разжать зубастый рот и отдать крючок с насаженным на него кусочком мяса.

— Дурачок,— сказал Сенька, стараясь разжать зубы бычку.— От глупый. Не понимает, что конец пришел.

Ловля шла веселая. Бычки брали жадно, то и дело взлетали вверх концы удилищ, а на дно лодки падали, топорща крылышки плавников, лобастые радужные рыбки. Все быстрее катилось к горизонту солнце, оно багровело, обнаруживая свою округлость, теперь можно было смотреть на него — алый шарик в голубом, освеженном прохладой небе. Вот он коснулся воды, и вода окрасилась нежным румянцем, будто враз потеплела, а шар стал тонуть, и вот он уже не шар, а стеклянный шатер над морем, полный огня.

— Еще заброс, и домой,— решил Сенька. В этот миг подул ветер.

●

Когда в затуманенное небо вползла, ухмыляясь, круглая физиономия Луны, Сенька бросил весла. Руки его бессильно повисли, он не мог больше шевелить ими. Уже давно он понял, что грести бесполезно, все равно как пытаться всплыть на водопад по падающей струе, но греб, греб из последних сил, греб, видя бесполезность своих усилий. Лодка только вертелась растерянно среди волн, а ветер, горячий и плотный, быстро гнал ее прочь от берега. Но все же Сенька греб, стиснув зубы, неслышно шепча проклятия себе, ветру, бычкам, греб, пока не почувствовал, что у него нету рук. Берег давно уж ушел за горизонт, однообразие волн сталось вокруг.

Сенька поднял голову и взглянул на Диму. Тот, упершись руками в тугие борта, удивленно поглядывал по сторонам, как бежали вокруг могучие валы, поднимая и опуская резиновую скорлупку. Волны катились бесшумно и радостно, будто догоняли друг друга. Диме странно было наблюдать их игру и страшно, и он посмотрел на Сеньку с жалкой вопросительной улыбкой.

«Лыбится дурак,— подумал про него Сенька.— Забава ему. А может, рехнулся от страха?»

— Греби,— приказал он и бросил Диме лопатки весел.— Теперь ты греби.

— Куда? — взмахнул ресницами Дима.

— Куда, куда! — заорал Сенька, обозлившись на его непонятливость.— К берегу, конечно. Дурак!

— А где берег? — робко спросил тот.— Чего ты ругаешься? Я-то что?

Сенька хотел прокричать тысячу яростных, на слезах замешанных слов, но гнев его вдруг исчез так же быстро, как вспыхнул.

— Пропали мы, Димочка,— прошептал он.— Совсем пропали с твоей лодкой. Потонем теперь.

— Ты что? — вздрогнул Дима.

Было уже совсем темно, ночь. Луна скрылась за набежавшими облаками, только иногда проявлялась на мгновение мутным пятном. То там, то здесь вспыхивали пенные гребни волн и гасли, шипя. Разыгрывался шторм. Бугрилась дикая вода, а над нею неслась куда-то первобытная тьма — хаос, в котором не проступали никакие очертания жизни.

— Что ты? — сжался Дима.— Что ты? Нас спасут.

— Спасут! — горько усмехнулся Сенька. И

Димка еще возился, налаживая снасть, а Сенька уже снимал добычу с крючка.

заорал.— К крабам пойдешь, кисель молочный! Греби, или я тебя сбро...

Договорить он не успел. Большая волна под ними вспенилась, и шипящий гребень обрушился на лодку, и она сразу стала тяжелой и неповоротливой, как сырой плот. Сенька успел подхватить весла, валявшиеся на дне, иначе их смыло бы и унесло вместе с мертвыми бычками.

— Вы... черпывай... воду,— прерывисто выдохнул захлебнувшийся Сенька. А сам отчаянно заработал веслами, стараясь развернуть непослушную лодку навстречу новой волне, катившейся на них из мрака.

Но их все-равно захлестнуло. Теперь лодка уже полна была до краев:

— Черпай же! — крикнул Сенька, и Дима, опомнившийся от сковавшего его ужаса, быстро заработал ладонями, выплескивая обратно в море черную воду.

Третью волну перевалили удачнее. Сеньке удалось развернуть лодку так, что она стала носом к волне. Их подняло, а на вершине Сенька привстал и всем телом налег на корму. Нос лодки приподнялся немного, и пена гребня ударила в днище и возмущенно прокотала под ним.

— Живем, Димка,— засмеялся Сенька.— Так держать. Работай, работай, моряк!

И Дима, ободренный, рассмеялся в ответ, ладони его замелькали быстрее, казалось, предложи ему сейчас вычерпать все море этими ладонями, он взялся бы за это весело, как за игру.

Волны шли и шли из тьмы нескончаемыми рядами. Сначала Дима считал их, но скоро сбился.

●

Катер подрулил к лодке с подветренной стороны, чтобы не его нанесло на лодку волной, а, напротив, ее прибивало к катеру. Моторист снизил обороты, и двигатель чуть слышно пофыркивал теперь, точно там спрятался мохнатый зверек, сильный и добродушный.

Волны все еще пучились, но уже засыпали, гладкие и неопасные, потому что ветер, дувший всю ночь, прекратился на рассвете так же внезапно, как начался. Солнце уже вылезло высоко и остановилось там, в поднебесье, глуповатое в своей царственности.

Ребята дремали в лодке полулежа, откинувшись к мягким съежившимся бортам.

— Сморились,— сказал моторист.

А Петру Степановичу стало вдруг страшно. Ему не было страшно вчера вечером, когда он узнал, что мальчики не пришли с моря, он не слышал рыданий Нины Ивановны и не заметил окаменевшего лица жены. Им овладела одна забота, подчинившая все мысли, чувства, движения. Он теперь смутно помнил, как они с мотористом спускали катер на воду, как всю ночь бродили среди волн, обшаривая прожектором и оглашая сиреной пустынное море. Тогда он ни о чем не думал, ничего не чувствовал, только делал, что нужно было. Теперь же, когда все осталось позади и лодчонка со спящими мальчиками качалась тут, рядом, все чувства, приглушенные на время главной заботой, прихлынули к его сердцу, и оно застонало от тяжести.

У него померкло в глазах, и, покачнувшись, он схватился за поручень, чтоб не упасть. А когда отошло, увидел, что Дима смотрит на него.

Он смотрел на катер, на Петра Степановича, и в лице его не было удивления, а только радость и облегчение. Он толкнул Сеньку, и тот медленно поднял веки, с трудом выкарабкиваясь из окутавшей его тяжкой дремы, точно из глубокой пещеры с узким входом.

Волны шли и шли из тьмы нескончаемыми рядами.

●

Катер ходко бежал по морю, вскидываясь на волны носом, разрушая своей тяжестью их гладкие, налитые спины.

— Я Москву во сне видел, дядь Петь,— лопотал Дима.— Как будто мы в Кремле гуляем, а потом с папкой растерялись, а найтись не можем, народу ведь много и башни высокие. Я подумал, вот бы полететь, ногами оттолкнулся и полетел, полетел...

— Это ты рос, Димка,— погладил его Петр Степанович.

Сенька стоял в стороне от всех, у борта катера, и смотрел, как бегут под него волны. Теперь они казались нестрашными, даже добрыми, но Сенька знал, что это только кажет-

ся. Теперь он знал тайну моря, простую и страшную. Вчера, сжимая в онемевших руках палочки весел, он понял, что море — это только пустыня воды, грубая сила, перед которой ничего не значит слабая жизнь с ее красивыми сказками и сладкими мечтами. Ослабеют руки, уронишь весла — и конец всем мечтам, всем сказкам.

Вскоре показался берег. Он возник из дымки и постепенно проявлялся, точно кто прорисовывал его контуры уверенной, точной рукой. Вот уж видны знакомые дома, и сарайчик с лебедкой, и склад... Все как вчера, только неужели это вчера было, кажется, многие годы прошли со вчерашнего вечера, и Сенька давно уж не мальчик. Словно кусочек льда положили в его грудь.

На берегу люди. Машут руками катеру. Наверно, и мама там. Да вон она. Сенька уже узнает ее по фигуре. Она не машет, а неподвижно стоит, склонив голову, боится смотреть. Наверное, тоже знает про море...

— Сенька, ты что грустный? Думал, что мы умрем там? Так ведь не бывает.— Дима положил руку на плечо друга и улыбался, как в праздник.

Сенька удивленно взглянул на него, не понимая, чему он так радуется, потом перевел взгляд на берег, увидел шлюпку, отвалившую от причала навстречу катеру, услышал знакомый шум прибоя и радостные голоса людей, почуял запах нагретой земли, оглянулся и увидел усталые лица отца и моториста, медленно поворачивавшего штурвал.

Лед в груди вдруг растаял, и жгучие слезы подкатились к глазам.

— Да, Димка, так не бывает. Все правильно, Димка.

Виктор ТУЗОВ

Три встречи в Артеке

Трое ребят. Живут они в разных концах земли. Им пока немного лет, но они уже понимают, почему им живется плохо. И они борются.

Без отца

Самые лучшие быки в Саморе. Черные. У них тяжелые шеи и рога выгнуты. А у терратеньенте Ибаньеса они лучшие во всей Саморе. Терратеньенте — это тот, у кого есть земля, помещик. Мы с отцом пасли быков Ибаньеса, самых лучших в Саморе, злых, с красными глазами. А потом быков увозили.

Я знаю, куда увозили. В Мадрид, в Барселону. Там быков убивают. На арене, где много народу, где светло и красиво, а у матадора расшитый золотом костюм и красный широкий плащ.

— Тебе надо учиться,— сказал отец.

— Я уже умею,— сказал я. Снял рубашку, взмахнул, как плащом, крикнул:

— Торо, торо.

— Тебе надо учиться в школе,— снова сказал отец, покачав головой.— Матадоров в Испании больше, чем быков.

Он прав: я хотел стать матадором. Блестит костюм матадора, расшитый золотом, через руку перекинут плащ, он идет, подтянутый, стройный по песку арены, а с трибун несутся аплодисменты.

— У тебя нет ботинок,— хмурится отец, и тогда я понимаю, что Мадрид далеко, а здесь прошел дождь, блестит мокрый зеленый луг, и мы пасем быков.

Отец все хмурился, сделался неразговорчивым, а потом сказал нам о том, что надумал, и видно было, что он решил это безоговорочно.

— Баста! — сказал он.— Довольно. Здесь на жизнь не заработаешь. Поеду. Попытаю счастья на чужбине. Не я первый, не я последний,— говорил отец, и видно было, что спорить с ним напрасно.

— Может быть, попробуешь еще здесь... Сеньор Ибаньес...— начала было мать и не договорила.

— Пробовал. Двадцать лет пробовал, сеньору Ибаньесу наплевать, что моим детям не на что учиться.

Отец уехал. Мы провожали его до станции. Поезд поехал в ту сторону, куда мы отправ-

ляли с ним черных, лоснящихся быков тератеньенте Ибаньеса, только дальше, совсем далеко, в Голландию.

У нас в деревне маленькая церковь. А священник, сеньор Боладо, хороший человек: он улыбается и кланяется. Он вежлив и не гнушается протягивать руки прихожанам, когда встречает их на пути в церковь. Но все равно мне не нравится, что моя мама зачастила туда.

Мать стала замкнутой, ссутулилась и походила на тень. Двигалась она мягко, незаметно, подолгу простаивала в церкви, молилась богу, просила помощи у сеньора Боладо, и тот говорил слова утешения.

Наступила зима. У нас в Испании есть обычай: всем родным собираться за рождественским столом. Где бы они ни были, они должны непременно приехать, иначе не будет счастья.

За нашим рождественским столом место отца — главное место! — было пусто. Горели свечи, тени шатались, разбегались, огромные, живые, по стенам комнаты. Мы до сих пор не понимали, что началась для нас другая жизнь, не соглашались с этой жизнью и только теперь осознали, как много заключалось в слове отца; в его улыбке, в манере неторопливо говорить. Без отца дом стал пустым.

Вот что рассказал мне испанский мальчик Педро Родригес, четырнадцати лет. Теперь Педро уже сам работает в Мадриде разносчиком газет. 1 мая 1969 года он участвовал в демонстрации, поддержавшей законное требование астурийских шахтеров об улучшении условий труда и повышении заработной платы.

Букварь

Жоао Аугусто прежде всего курчавый, черно-иссиня курчавый. Глаза трепещут смоляным огнем, и их беспрерывная изменчивость как бы дополняет его слова, придавая им значимость.

— Вот видите — букварь! — Глаза Жоао наполняются тревогой, словно он подозревает, что я не смогу по достоинству оценить букварь.

— Букварь хорош,— говорю я на всякий случай, беря книжку.

Жоао заволновался.

Типографски книжка сделана не так уж изящно, но об этом говорить не стоит.

Жоао задирает подбородок, качает головой. Я смотрю, видимо, не туда.

И вдруг мне все становится понятным. На обложке большими буквами написано по-португальски: «Победа будет за нами». И более крупными буквами: «МПЛА» — так сокращенно называется патриотическая организация, которая борется за освобождение Анголы от португальских колонизаторов и которая уже освободила две трети территории страны. Жизнь входит в свою колею: налаживается транспорт, восстанавливается сельское хозяйство, дети идут в школы — и вот букварь, вещественное и умное доказательство победного результата этой освободительной борьбы.

На обложке изображены трое ребят: два мальчика и одна девочка. Они сидят, мальчики — с винтовками за плечами.

Жоао показывает пальцем на мальчика с винтовкой:

— Соу еу. (Это я.)

Конечно, это не Жоао. Они даже не похожи. Но я знаю, что Жоао Аугусто помогал патриотам доставлять провиант, что однажды он показывал отряду дорогу через лес и очень хотел, чтобы ему разрешили остаться в отряде и дали винтовку. Я киваю головой, соглашаюсь и бережно протягиваю букварь Жоао...

Киото протестует

В полицейском отделении портового района Окинавы среди задержанных демонстрантов оказался и Киото.

Киото носил очки, был одет в аккуратный европейский костюм. Воротник рубашки сиял белизной, а галстук был почти в тон костюма — темно-синий.

Киото вежливо наклонил голову и молча наблюдал за происходящим. Задержанных демонстрантов грубо хватали за руки, вталкивали в боковые комнаты. Было душно, жарко и шумно. Вентиляторы под потолком гоняли воздух большими лопастями.

— А это кто? Как мальчик попал сюда? — спросил полицейский, ни к кому конкретно не обращаясь.

Киото вежливо поклонился.

— Это недоразумение,— сказал полицейский, видя белоснежный воротник, аккуратный европейский костюм и галстук.

— Освободить,— сказал полицейский и любезно улыбнулся Киото.

— Это не недоразумение,— почтительно сказал Киото. И он спокойно рассказал, что пошел на демонстрацию намеренно и даже помогал нести плакат, на котором было по-японски и по-английски написано: «Запретить заход американских атомных подводных лодок в Окинаву».

— Вы не понимаете, что делаете,— сказал безучастно полицейский, и глаза у него сделались острыми, как острие булавки.

Киото улыбнулся. Он понимал, что делал: он знал, что такое атомный гриб, знал, сколько японцев погибло оттого, что американцы бросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, он видел погибших на фотографиях.

С. СОЛОВЕЙЧИК

Учение с увлечением

Тем, кто впервые подписался на журнал «Пионер», объясняем: с начала учебного года мы ведем большой эксперимент, цель которого — выяснить, может ли человек сам заинтересоваться скучным предметом, скучными уроками; можно ли учиться с увлечением. Более двух тысяч писем — отчетов об опыте уже поступили, материалы обрабатываются, и мы надеемся получить важный для науки ответ. Новичков же просим поддержать наш опыт — это никогда не поздно. О подробностях справьтесь в 9, 10 и 12-м номерах за прошлый год.

А теперь расскажем о письмах в редакцию.

Прежде всего оказалось, что еще до призыва «Пионера» многие ребята сами додумались до того, что человек в силах увлечься скучной работой, победить скуку.

Вот семиклассник Юра Акутин из Куйбышева рассказывает, как он перешел в новую школу и там выяснилось, что он на целую четверть отстал по английскому языку. Он стал получать тройки и двойки, ничего не понимал и шел на урок «как на каторгу».

Дальше случилось вот что. «Я,— пишет Юра,— рассказал все это маме. Она посоветовала мне ходить на уроки английского не как на каторгу, а как на праздник и делать домашние задания по этому предмету с таким чувством, будто я собираю радиоприемник (мое любимое занятие) или тренируюсь в бассейне. Сначала мне стало смешно, но так как другого способа не было, я решил попробовать».

Дальше Юра рассказывает, как он стал больше заниматься, разбирать упражнения подробно, не спеша, письменные делать со словарем — вскоре Юра и вправду увлекся английским, так что даже разучивал на баяне английские песенки и пел их под музыку.

Эта история, разумеется, произошла не в нынешнем учебном году. За неделю-другую можно лишь получить самое первое удовольствие от скучного предмета, а настоящее увлечение придет гораздо позже. Но мне нравится Юрино соображение: что же делать? Ведь другого способа увлечься нет, значит, надо стараться хорошенько работать... Почти во всех письмах ребята пишут, что им только тогда удавалось заинтересоваться, когда они стали пытаться узнать о скучном предмете **больше того, что говорится в классе**. На первый взгляд это удивительно: и школьные-то знания кажутся скучными, а тут еще что-то дополнительное. Но здесь скрыт психологический секрет, и кто его поймет, тот победит. Школьное — обязательное, нешкольное — добровольное. Обязательное же почти всегда скучно, а добровольное интересно. Хочешь увлечься скучным для тебя предметом — найди способ сделать что-то лишнее, сверх заданного! Тогда и заданное станет интересным.

Толя из города Клинцы, Брянской области (он не указал своей фамилии), тоже учится в 7-м классе. Для него самым скучным предметом была алгебра. Но однажды Толин друг Саша позвал его на математический факультатив. «Я сначала не хотел идти, ну а потом пошел»,— пишет Толя. И вдруг на факультативе та же самая ненавистная алгебра показалась Толе очень интересной. Он понял простую истину. «Самые страшные враги учения с увлечением — зубрежка и учение от сих до сих».

Это важный вывод, советую запомнить его всем, кто пытается учиться с увлечением. «От сих до сих» — скука, «от сих до сих и дальше!» — вот тогда и появится интерес.

То же самое произошло и с Тамарой Поповой (она живет в Тульской области и учится в 8-м классе). Чтобы увлечься географией, она записалась в кружок и стала больше заниматься географией дома, играть с девочками в разные географические игры. И вот первая «пятерка» по географии. «Поймите только, какая это для меня радость! — пишет Тамара.— Теперь я этот предмет люблю, как и все остальные. Огромное спасибо тебе, «Пионер».

Что ж, пожалуйста, мы тоже рады успеху. Даже если бы хоть один человек увлекся, и то стоило бы проводить опыт. Но таких ребят, судя по письмам, много. Вот что пишет москвичка Ира Гришкова:

«Милая редакция! Сначала, как я прочитала в журнале статью «Учение с увлечением», я даже не поверила, что может что-нибудь получиться, и отложила журнал в сторону. Но вдруг я подумала: «А что, если получится, надо попробовать». Моим нелюбимым предметом была анатомия. Я не знала, с чего начать ваш опыт, и, так ничего и не придумав, отложила все до урока анатомии. И вот он наступил. Этот урок я ждала с нетерпением и ожидала чего-то необычного. Раньше я еле-еле прочитывала учебник один-два раза, но в этот раз я внимательно прочитала домашнее задание четыре раза. Параграфы оказались не такими уж скучными. С каждым уроком я стала открывать для себя все новое и удивительное, все стало казаться интересным, даже те сосуды, на которые я раньше смотрела с отвращени-

ем... Я с удивлением убеждаюсь, что анатомия стала мне нравиться все больше и больше. Большое вам спасибо за то, что вы помогли мне полюбить этот предмет».

В письме Иры отметим такую подробность: оказывается, **очень важно настроить себя на успех,** ожидать успеха, готовиться к нему. Если не веришь, что опыт получится,— он и вправду не получится. А если поверишь в свою способность заинтересоваться, все будет хорошо. Только немножко настойчивости, ну хоть чуть-чуть!

У Тани Скалдиной (она тоже из Москвы) совсем было все провалилось, полная неудача, и... Но пусть расскажет сама Таня.

«Я в первом письме написала, что мой самый скучный предмет — математика. И вот 14 дней назад я приступила к опыту с этим предметом. Села за стол и открыла учебник. Когда я потерла руки и сказала учебнику: «Я люблю тебя!» — конечно, я думала, что мне сразу будет интересно и, может быть, я даже полюблю математику. Но это случилось не так. После этого маленького упражнения мне и вправду стало веселее, и я с хорошим настроением начала решать пример. Пример попался трудный, я уже хотела зевнуть, но вспомнила об опыте и не зевнула. Но не получился у меня в этот день опыт. Только я начинала хоть немножко заинтересовываться, как вдруг вспоминала опыт и начинала думать о том, что у меня уже что-то получается, и после этого, конечно, весь интерес уходил. И это продолжалось не один день. Но вот, это было 21 сентября, я опять решала примеры. Второй пример у меня никак не получался. Я пробовала его решить и так и эдак, но ничего не выходило. Я уже потеряла почти всю надежду, но все еще писала что-то, и вдруг... получился правильный ответ. Я бросилась к учебнику, проверила: все было правильно. Остальные примеры стали как-то сами собой решаться, и спать я ложилась очень радостной. И, только лежа в постели, я подумала, что математика — все-таки интересный предмет. На следующий день в школе оказалось, что я вместо трех примеров решила пять. С того дня я математику делаю с увлечением и считаю, что опыт удался».

Исторически важный для Тани день — 21 сентября, день рождения увлечения! Таня молодец, что терпеливо дожидалась этого дня, не бросала опыт, и вот пришел первый успех, а вслед за ним и увлечение.

Запомните, пожалуйста: успех и увлечение — неразлучная пара. Кто хочет добиться успеха в каком-нибудь деле, тот должен стараться увлечься; а кто хочет увлечься, тот должен добиваться хоть маленького успеха.

Этот метод самоувлечения, открытый Таней Скалдиной, можно было бы так и назвать: «Метод первого успеха». Будь упрям, продолжай борьбу изо дня в день, пока не добьешься успеха. Ведь когда-нибудь он обязательно придет — если не в первый день, то в десятый, не в десятый, так в сотый. Торопиться некуда, но важно не прерывать усилий и быть терпеливым.

Вот какое письмо получили мы от одной девочки:

«Я учусь в 6-м «Б» классе. Самый скучный для меня предмет — литература. Я приступаю к опыту с этим самым скучным предметом с 15 сентября. Через две недели, то есть 29 сентября, я напишу вам, удался ли мой опыт. Завтра у нас литература, и учить я ее не собиралась, но, прочитав о вашем опыте, я сама решила провести его, и вот теперь передо мной лежит ненавистный учебник литературы. Ну, приступаю!!!»

Увы!!! Письмо от 29 сентября мы не получили... Может, конечно, оно и затерялось, всякое бывает, но, вероятнее всего, «ненавистная литература» вышла победительницей — опыт не удался...

Очевидно, просто сесть за книгу мало, хотя, само собой разумеется, без этого важного шага вовсе ничего не выйдет.

Многие проводили опыт в одиночку, даже втайне от всех, некоторые — с лучшими друзьями и подругами, а пионеры отряда имени Гайдара (Москва, школа № 422), шестиклассники из деревни Барановка, Кемеровской области, ребята из Шахтинского детского дома № 1, из села Утманово, Кировской области, приняли участие в нашем эксперименте целыми классами, целыми отрядами! Оказывается, так даже легче заинтересоваться скучной работой, чем одному: если все вокруг меня увлечены — то мне тоже становится интересно.

Так наши эксперименты помогают пионерскому маршруту в «Страну знаний».

Подвергнув анализу первые сообщения об успешном опыте, можем сделать вывод, что опыт получается у тех, кто:

1) приступает к опыту с верой в успех;
2) старается привести себя в хорошее настроение;
3) в случае неудачи повторяет опыт изо дня в день — до первого успеха и дальше;
4) пытается сделать или узнать больше, чем задано в классе.

Возможно, есть и другие секреты, но эти четыре правила, видимо, надо признать обязательными.

Итак, мы приглашаем всех читателей «Пионера», у кого еще остались нелюбимые предметы, сделать новую попытку — на этот раз с учетом вышеприведенных четырех правил. Научный эксперимент — долгое, трудное дело, оно требует терпения и многих усилий. Если опыт не получился, надо изменить условия и поставить его вновь. Так поступают все настоящие ученые, так же поступим и мы.

Ждем сообщений. Не забывайте ставить на конверте девиз: «Учение с увлечением».

ЛЕБЕДИ

РАССКАЗ, который вы прочтете, написала **Марина ШЕПТУНОВА.** Ей 15 лет. Рисунки к рассказу нарисовала **Олеся САХАРОВА.** Она тоже москвичка и тоже учится в 9-м классе.

В классе стало тихо: Женька Костырева читает стихи. Женька мечтает стать актрисой, и, по-моему, она станет ею. Никто в школе не умеет так хорошо читать стихи, как она. Да и не только стихи. Когда она читает, забываешь обо всем. Она читала стихотворение Винокурова «Лебеди». Женька только еще сказала его название, а что-то в моем сердце отозвалось на это короткое слово «ле-бе-ди». Лебеди. Лебеди. И вдруг я стала вспоминать, что произошло со мной в начале седьмого класса, два года назад.

...Лето только-только кончилось, но уже начались дожди. Они шли целыми днями и заполняли город запахом осени, прохладой и свежестью. Шумный, суетливый, летними вечерами город становился задумчивым. Он словно старался понять то, что уже уходило, но не мог, и ему было грустно.

Всю дорогу до дома мы шли молча. По правде говоря, я ничего не имела против молчания. Просто не привыкла видеть Нину молчаливой.

Нина — очень странный человек. Она все время комунибудь завидует. Она, кажется, жить не может без этого «святого» чувства. Между тем она считает себя верхом совершенства и, замечая в ком-нибудь соперника или соперницу, пытается отыскать в нем или в ней недостатки, а если не находит, то придумывает их сама и на том успокаивается.

Заметив, что я на нее смотрю, Нина наконец сказала:

— Елка, у твоей мамы случайно нет перламутрового лака?

Я пожала плечами:

— Не знаю... А зачем тебе?

Нина опустила глаза, явно смутившись. Это было поразительно — Нина смутилась! Я даже опешила от удивления. А она вскинула свои длиннющие ресницы и, загадочно улыбаясь, спросила:

— Дашь слово молчать?

Несколько секунд я колебалась: гордость и любопытство во мне боролись. Первая твердила, что Нина моя подруга и она должна верить мне и так, безо всяких честных слов. Но любопытство победило. Блестя глазами и хихикая, Нина сообщила мне, что идет на свидание с мальчиком. Меня это нисколько не удивило, удивило другое. Мне нравится один мальчик — Саша, но мне никогда не пришло бы в голову рассказывать об этом Нине, Вере Скворцовой или даже маме как о каком-то мероприятии.

— А что ты будешь с ним делать? — поинтересовалась я.

— Будем гулять, разговаривать. — По-моему, Нина сама хорошенько не знала, что будет делать; мой вопрос только разозлил ее. — Ну что ты, сама не знаешь, что ли?

— Не знаю, — честно призналась я.

Поняв, что в этом деле я полный профан, Нина пустилась в разглагольствования:

— Самое главное — это при первом знакомстве произвести на мальчика ошеломляющее впечатление...

Нина рассказывала мне о «правилах поведения в общении с мальчиком», а я в душе возмущалась ее пустотой.

А ведь в школе Нина была не такая — серьезная, деловитая, умная. Прямо-таки раздвоение личности!

Нина продолжала:

— Впечатление о твоем духовном мире должно быть первым и неизгладимым.

— А последнее? — пытаясь казаться серьезной и едва сдерживая злость, спросила я.

— Что последнее? — не поняла Нина.

— Ну, последнее впечатление каким должно быть?

Она вспыхнула, хотела сказать что-то, но не смогла. Я повернулась и пошла к дому.

...Земля стала совершенно твердой. Холод, больше похожий на зимний, чем на осенний, сковал ее намертво. Уже давно опали все листья, и деревья стояли молчаливые, голые, как во время засухи, покрытые дымкой серебристого инея.

Пойти в парк предложила Вера. Сначала никто не соглашался. Потом все-таки ре-

шили пойти, хотя по-прежнему никто не знал, что делать в парке в такую холодину.

Там было пусто, ни души. Иногда налетал ветер, и тогда на земле шелестели листья, а деревья били ветками о ветки и наполняли парк сухим треском.

Мы бродили по узким дорожкам и думали. Каждый о своем. Я думала об осени.

По-моему, это время года, красоту которого никто и никогда не сможет понять до конца, а тем более объяснить другим. У каждого осень своя.

«Закружилась листва золотая
В розоватой воде на пруду,

Словно бабочек легкая стая
С замираньем летит на звезду...»

Это красиво сказано, но для меня этого мало. Я хочу понять что-то такое очень большое. Настолько большое, что, возможно, я не смогу понять это за всю жизнь. Поэты восхищаются красотой осени, а я вот вижу и чувствую в ней что-то такое, о чем можно только молчать.

Олег Кошелев перебил все мои мысли. Он вдруг брякнул, глядя на прозрачную гладь озера:

— Искупнуться бы сейчас!

Все засмеялись.

— Это в ноябре-то! — заливалась Нина.

Прилетел ветер и принес с собой мелодию. Мы помчались туда, откуда она прилетела, — на танцплощадку. Это была большая бревенчатая беседка без крыши, но с эстрадой, выкрашенная в зеленый цвет.

Я никогда не приходила сюда танцевать. Сюда вообще редко кто приходил. Но оркестр играл все время. Сейчас он играл вальс.

— Почему они играют? — удивилась Нина. — Ведь нет никого.

— У них план, — сухо объяснил Олег.

Наверное, это была шутка, но никто не засмеялся.

Я смотрела на музыкантов, и мне было жаль их. Они давили побелевшими от холода пальцами на клапаны труб. Ударник уныло бил в барабан. У них были усталые, заспанные лица. А на весь парк гремел школьный вальс. У меня на глаза навернулись слезы. Мне вдруг показалось, что я должна сделать для музыкантов что-то очень хорошее.

— Ты что, плачешь? — спросил Саша, удивленно и тревожно заглядывая мне в глаза.

— Это от холода, — объяснила я и потащила его танцевать. Мне казалось, что я веду себя глупо и смешно. Но и теперь никто не смеялся.

Музыканты стали улыбаться, по-доброму, счастливо, когда мы начали кружиться. Мне подумалось, что, глядя на нас, музыканты вспоминают детство. Я радовалась этому, улыбалась, а по щекам текли горячие слезы. И я никак — ну никак — не могла остановить их. Из-за слез я не видела лица Саши. Мне хотелось, чтобы он смотрел на меня не так, как все, чтобы он понял.

В конце концов я здорово разревелась и уже не сдерживала себя. Все, даже музыканты, собрались вокруг меня и утешали как могли.

Наверное, ни за что в жизни, даже если очень захочу, я не смогу забыть этого: горячие слезы на щеках, веселые, полные непонятной для меня радости лица музыкантов и школьный вальс...

Я чуть не плакал. Не было удачи!
Задача не решалась — хоть убей.
Условье было трудным у задачи.
Дано: «Летела стая лебедей...»
Я, щеку грустно подперев рукою,
Делил, слагал — не шли дела на лад!
Но, лишь глаза усталые закрою,
Я видел ясно: вот они — летят...

Женька стала удивительно красива. И мне самой хочется быть красивой, сильной.

...А потом пошел снег. Сначала осторожный, робкий, потом отчаянно смелый, любопытный (а что там, внизу?). И наконец он уверенно и деловито стал засыпать землю большими, пушистыми хлопьями. У снега тоже своя жизнь. У него есть и детство, и отрочество, и юность, и даже смерть.

Еще один вечер я вспомнила. Как-то так получилось, что собрались у Саши дома.

Началось все с того, что Петр Викторович (или просто Петух) на классном собрании объявил «о запрещении директором денежных сборов, а также проведения «огоньков» в стенах школы». Поднялся целый бунт. Все кричали, что это — безобразие. Нина говорила, что «на школьных собраниях и вечерах сближается и сплачивает свои ряды коллектив». Но Петух молча настаивал на своем. Когда запас нашей энергии был исчерпан, Петр Викторович в полной тишине высказал свое мнение, и — увы! — оно оказалось не в нашу пользу.

И вот тут встал Олег, ходячий склад рассудительности.

— Хорошо. Вы можете не позволить нам провести «огонек» в школе, но ведь запретить провести его вне школьных стен вы не можете. Поэтому я предлагаю проводить «огоньки» в домашней обстановке. Что же касается денежных сборов, то мы просто не будем докладывать вам, кто и по скольку собирает.

Мы все воззрились на Петра Викторовича. Такого поворота дела он не ожидал. Он был крепко и слепо убежден, что все внутриклассные дела ему известны. Мы не разубеждали его в этом, а тут Олег высказал ему все прямо в глаза.

Возможно, Петух не понял.

что мы и прежде не спрашивали его разрешения во многом, но обещание Олега не советоваться в будущем взбесило его.

Правда, Петр Викторович довольно быстро взял себя в руки и, ехидно улыбаясь, спросил:

— Уж не у себя ли дома, Олег, ты собираешься устроить «огонек»?

Вдруг класс наполнила такая тишина, что у меня по спине побежали мурашки. Так затихает перед грозой небо.

Мы все знали, что у Олега разлад в семье. Мать поссорилась с отцом и, сняв где-то комнатушку, переехала туда с Олегом. Очень многие в нашем классе живут без отцов или матерей (я в том числе) и относятся к таким вопросам серьезнее, чем, пожалуй, сами взрослые. И напрасно они думают, что для детей это недоступный вопрос, что нам он непонятен.

Олег побледнел, стал каким-то жалким, забитым и бухнулся на свою парту, не глядя ни на кого. Все, как один, смотрели на Петуха такими глазами, что у него, наверное, мурашищи, а не мурашки по спине побежали. Не хотела бы я попасть под такой взгляд!

Первой встала Нина. Она встала и, не прощаясь, вышла. За ней поднялась Анечка Козлова. Проходя мимо Олега, она сказала громко:

— Не стоит так расстраиваться из-за всякой дряни!

Тут один за другим стали выходить все остальные.

Здесь, за дверью, Саша и предложил собраться у него. Решил, что соберемся в пять.

Домой я и Саша пошли вместе: нам было по дороге.

— Ты придешь? — спросил он.

Я кивнула и спросила зачем-то:

— А у тебя кто папа?

— Инженер. А у тебя?

Странно, мне словно хотелось, чтобы он спросил о моем отце. Но сейчас сразу расхотелось.

— Не знаю. Я вообще о нем ничего не знаю.

Это была правда. Уж-жасно горькая правда.

— А мать тебе о нем не рассказывает?

— Нет.

— Значит, он вас бросил, — сделал вывод Саша.

Наверное, я единственная в классе не знаю об отце совершенно ничего. Раньше, если меня спрашивали, где мой папа, я говорила, что у меня его никогда не было. Все смеялись, а я плакала. Но маму я никогда не расспрашивала об отце: боялась, что ей будет больно. Только одну попытку я сделала: пытаясь узнать хоть что-нибудь, я, находя дома фотографии, подробно выспрашивала у мамы, кто был на них изображен. Потом мне показалось, что мама догадалась, поняла, зачем мне это нужно: ведь я спрашивала только о мужчинах. Пришлось оставить фотографии в покое.

Сейчас я захотела узнать об отце все. Меня охватила удивительная решительность, и, едва войдя в дом, увидев маму сидящей у стола, я попросила:

— Мама! Расскажи мне об отце.

Мама резко обернулась. Между бровями ее появилась складка. Я знала, почему. Я даже знала, что мама подумала сейчас. Она подумала: «Когда-нибудь это должно было случиться!» Мне всегда казалось, что, спроси я маму об отце раньше, она стала бы говорить, что я еще мала. Теперь мне четырнадцать лет.

Она вдруг улыбнулась, но невесело.

— Что же тебе говорить?.. Твой отец — летчик. Водит пассажирские самолеты. Сейчас ему сорок два года. — Она опять улыбнулась, теперь немного виновато, и мне стало жаль ее. — Я не знаю, что говорить.

— Почему он ушел от нас?

Собственно говоря, меня этот вопрос интересовал в первую очередь. Я не верила, что маму можно разлюбить. Я вообще не верила, что можно разлюбить человека, если он не делал ничего плохого. Это звучит, наверное, по-детски наивно, но я в это верила искренне, всей душой.

Мама перестала улыбаться:

— Он полюбил другую женщину. Она была стюардессой на его самолете.

Моя вера рассыпалась, как домик из пепла.

— Он подлец? — вырвалось у меня.

Не надо было этого говорить. Мама вскинула голову, сердито посмотрела на меня. Глаза ее бешено блестели. Она опустила ресницы. Помолчав, ответила спокойно и серьезно:

— Ты хочешь, чтобы я тебя ударила?

Я откровенно удивилась:

— За что?

Я действительно не понимала, за что меня можно ударить.

Мама молчала: думала, наверное, что ответить.

— Отец — очень хороший человек... Или ты веришь, что я могла полюбить подлеца? — Голос ее только сначала дрожал, а потом опять стал спокойным.

Я сказала то, о чем часто думала:

— Взрослые совершают иногда бо̀льшие ошибки.

Мама чуть побледнела, потом устало улыбнулась, подошла ко мне поближе и спросила, положив руку на плечо:

— А дети?

Я покачала головой.

*

— Завтра будет скандал! — поделился с нами своими мыслями Саша.

— Это как пить дать, — согласился Мишка Кочет.

У Саши собрались почти все. Веселой встречи, конечно, не получилось. Обсуждали сегодняшнее происшествие. Олег пришел, но сидел почти все время молча, а мы старались его не дергать.

— Не думал я, что он такой!
— Кто?
— Петух, разумеется.
— А я, между прочим, всегда была о нем неважнецкого мнения.
— Враки! Ты о нем все время по-разному отзываешься.
— Ну знаешь ли! А кто первый из класса вышел?
— Надо было, чтобы Петух из класса ушел, а не мы.
— Не беспокойся, шума и так достаточно будет.
— Выходит, ты из-за шума ушла, а не из принципа?!
— Принципы! Принципы! Был бы от них толк!..
— Если так считать, то ложь важнее правды станет.
— Хватит! — прервал Саша. — Мы собрались вовсе не для того, чтобы высказать свое отношение к Петуху. — Он пожалуется директрисе...
— Ой, — ужаснулась Анечка, — я уже чувствую запах выговоров!
— Если давать выговор, то Петуху!
— Нет, ребята, формально Петух прав, — вдруг говорит Вера, самая серьезная девочка в классе. Она чем-то отличается от остальных девочек. Ее все любят и уважают, но настоящих друзей у нее нет. То, что она сказала, удивило всех.
— То есть как это?
— Здравствуйте!
— Это еще почему?
— Ему нанесено оскорбление, — спокойно и твердо отвечает Вера. — Нанесла его Анечка. И Петр Викторович вправе подать на нее докладную.

Анечка, больше всего на свете боявшаяся ответственности, медленно краснеет. Ее глаза наполняются слезами. Заметив слезы, Мишка говорит решительно:
— Тогда он получит не оскорбление, а телесное повреждение!
— Миш, — одергивает Мишку Нина, — не заходись!

Мы спорим долго. Очень долго. Я пришла домой, когда смеркалось. Мама, конечно, волновалась.
— Где ты была? Я уже милицию собиралась вызывать!

Эту фразу мама говорит очень часто. По-моему, даже слишком часто.
— Ну и вызвала бы! А то мы еще ни скорую, ни пожарную помощь, ни милицию не вызывали. Весь двор сбежался бы смотреть, как меня ищут. Представляю, смеху было бы!

Я прошла в свою комнату и, встав у окна, замерла. Там, внизу, стоял Саша. Он проводил меня до дома, но почему-то не уходил.
— Тебе все смех! — прикрикнула на меня из кухни мама и добавила: — Есть иди.

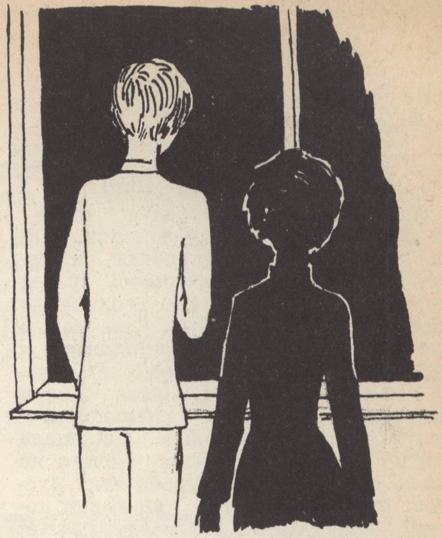
Я подошла к зеркалу и стала пристально разглядывать себя. Вздернутый нос, серые глаза — физиономия как физиономия. Единственное, что было в моей внешности примечательного, — это шапка волос, не подчинявшаяся никаким расческам.
— Ну, ты идешь есть-то? — крикнула мама.
— Если б я была мальчишкой, — сказала я своему отражению, — я бы в тебя не влюбилась.

Я посмотрела за окно — Саши там не было.

На следующий день на перемене состоялся какой-то странный и в общем-то откровенный разговор между мной и Сашей. Этот разговор совершенно ничего не распутал, и даже наоборот. Поговорить откровенно предложил Саша. Я согласилась. Откровенно — это значит говорить правду. Я правду люблю.
— Ты кого-нибудь любишь? — спросил Саша.

Вот это да! Я чуть не села от удивления. Об этом меня спрашивали уже две девчонки, но не потому, что их интересовал этот вопрос. Просто хотелось им рассказать о своей любви, а такой вопрос — неплохое вступление. Но тут меня спрашивает Саша... Что делать? Я решила: правда так правда. Я ответила честно:
— Да, люблю.

Саша опустил голову. Он стоял ко мне спиной, и я не видела его лица. Но мне показалось, что ему грустно.
— А кого... если не секрет?
— Секрет. — У меня хватило воли улыбнуться. Но ведь я сказала правду. Это секрет... даже от Саши. А он понимающе кивнул. Он по-прежнему стоял ко мне спиной. И тут я впервые в жизни пожалела, что я не гипнотизер. Я бы внушила ему, что люблю его.

Он обернулся. Взгляд у него был серьезный и печальный. Я даже растерялась. А Саша вдруг улыбнулся, сказал:
— Ты очень хороший человек. — И ушел.

Мне захотелось крикнуть вдогонку. Только я ничего не крикнула. Наверное, смелости не хватило...

Они летят под облачною
гущей
С закатом, догорающим на
них.
Закинул шею тонкую
ведущий
Назад и окликает остальных.
Они на миг спускаются
напиться
В лесок, к озерам и опять
летят,
Победно распластавшиеся
птицы,
Подбадривая слабых лебедят.
Простор небес они крылами
били,
Снегам вершин и облакам
сродни!..
Никто представить бы не мог,
что были
Из школьного задачника они.

Как странно, просто стихотворение «Лебеди», а для меня кусок жизни. Та осень была какой-то сумасшедшей. Каждый день приносил что-то новое. Не знаю, хорошо это или плохо.

Женька замолчала. И все молчали. Молчали и думали. Был урок литературы ★

ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС

Поиски продолжаются.
Братья-всезнайки.
Отчего умер Хозе.

Что волнует Памелу.
Новый клуб.
Состязание змеев.

ИХ ЧЕТВЕРО, КТО ОНИ?

Однажды в берлинскую школу № 15 пришла пожилая женщина Лидия Шперлинг. Она принесла пионерам знамя, которое хранилось у нее еще во время войны. Его попросили сберечь русские солдаты. Они были в плену, в гитлеровском концлагере, и туда, рискуя жизнью, приходила жена немецкого антифашиста Лидия Шперлинг. Приносила пленным продукты, лекарства, табак, сообщала сводки с фронтов. Лидия ничего не знала о дальнейшей судьбе этих русских солдат и просила пионеров помочь разыскать их и передать знамя. Она сказала, что солдат звали Саша, Виктор, Гриша и Никита.

Ребята развернули алое полотнище и прочитали: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И далее: «Лучшему району Волынщины по ликвидации неграмотности».

О знамени пионеры рассказали своим друзьям в Советском Союзе, сообщили в газеты и на радио. Им удалось выяснить, что в 1940 году Волынский облисполком учредил Красное знамя для лучшей комсомольской организации за борьбу с неграмотностью. Ведь Волынщина тогда только стала советской и большинство населения ее было неграмотным.

Недавно пионеры берлинской школы приезжали в город Луцк, центр Волынской области. Они передали знамя клубу красных следопытов имени Эрнста Тельмана. Возможно, что луцким ребятам удастся восстановить героическую историю знамени.

ТИТУС-ПЕРВЫЙ И ТИТУС-ВТОРОЙ

Их называют всезнайками. Еще бы, Титус-первый изъясняется на трех языках, а его младший братец — сразу на четырех. Они дают ответы на вопросы по физике и математике. Некоторые ребята пишут им письма, просят помочь — кто задачку решить, кто подготовиться к экзамену. Характер у братьев добродушный, и они охотно отвечают тем, кто обращается к ним. Ну, а если братья не в силах решить какую-нибудь головоломку, на помощь приходят их лучшие друзья из кружка электроники бухарестского Дворца пионеров. Собственно, они-то и создали двух роботов-всезнаек. Сначала Титуса-первого, а спустя два года его брата.

ПРИГЛАШАЕТ «ЗОЛОТАЯ РЫБКА»

«Друзья, вас приглашает «Золотая рыбка». Спешите записаться!»

Совсем недавно появились такие плакаты в школах Болгарии. Новый клуб быстро обрел тысячи поклонников. Еще бы! Заманчиво научиться плавать разными стилями, прыгать в воду с вышки. Клуб дает настоящую морскую закалку: здесь пионеры учатся управлять яхтой, хорошо грести, знакомятся с основами водолазного дела.

Успешно прошли первые состязания на кубок «Золотой рыбки». Ребята участвовали в заплывах на пятьдесят и сто метров. Первые чемпионы нового клуба — пионеры Антон Поггов, Илия Коссов и Елена Бершкова.

ТЕЛЕТАЙП СООБЩАЕТ:

ОАР. До революции 1952 года, освободившей народ Египта от гнета империалистов и феодалов, четыре пятых населения страны не умело читать и писать. Религиозный обычай не допускал в школу девочек. А в этом учебном году почти все дети Объединенной Арабской Республики, которым исполнилось семь лет, учатся в школе.

ИНДИЯ. В деревню Толонгчор, расположенную на границе с Тибетом, ворвалось скопище тигров. Звери проникли и в сельскую школу. Ученикам и учителям едва удалось спастись бегством. Лишь после того, как отряд вооруженных крестьян уничтожил шесть хищников, тигры покинули деревню.

КУБА. В Союзе кубинских пионеров один миллион двести шестьдесят одна тысяча детей. Это девяносто два процента школьников пионерского возраста.

ОТВЕТ ПРЕЗИДЕНТА

Школьница из города Диксон в Калифорнии Памела Уицлер послала президенту Соединенных Штатов Никсону письмо. В письме она просила президента ответить на вопросы, важные для ребят. Один из вопросов был такой: «Почему вы выдаете столько денег на войну вместо того, чтобы расходовать их на школы, тетради и книги?»

Вскоре из Белого дома последовал ответ. В нем Памеле и ее друзьям было предложено «заниматься своими делами и предоставить президенту право принимать решения в делах внутренних и внешних».

В НЕБЕ НАД ВАРШАВОЙ

Осенью на летном поле Варшавского аэроклуба состоялось соревнование конструкторов бумажных змеев. В нем участвовали двести школьников-харцеров. Комиссия присуждала очки за выполнение конструкции, высоту полета и за конструкции со специальными устройствами. Ребята демонстрировали модели с контейнерами, из которых на заданной высоте высыпались разноцветные листовки, модели с мигающими лампочками и другие. Все победители получили подарки.

СУДЬБА МАЛЕНЬКОГО БАТРАКА

Родители Хозе приехали из Мексики в Соединенные Штаты в поисках работы. Мальчику было всего шесть лет, когда мать привела его на плантацию. Маленький батрак должен был убирать бобы и свеклу. Под жарким солнцем он работал по восемь — десять часов в сутки. Другого выхода не было: нищенских заработков отца и матери не хватало даже на еду.

Хозе не умел ни читать, ни писать. Школа для него осталась несбыточной мечтой. Три года Хозе работал на плантациях. Непосильный труд сделал свое дело: в девять лет Хозе сильно заболел. Нужен был врач, но у семьи не нашлось денег, чтобы заплатить за лечение.

Хозе умер. И это произошло в самой богатой капиталистической стране.

ФРГ. Два года назад двенадцатилетний Эльмар Эдер был принят на физико - математический факультет Мюнхенского университета. Эльмар отлично сдал экзамены за четыре университетских семестра. Талантливый математик одновременно учится в гимназии, чтобы закончить среднее образование по другим предметам.

Вы, наверно, читали повести Сергея Тимофеевича Григорьева «Берко-кантонист», «Александр Суворов», «Победа моря», «Малахов курган». Но, может быть, вы не знаете, что почти все, написанное писателем, печаталось в «Пионере». «Я был одним из самых деятельных сотрудников журнала»,— вспоминал Сергей Тимофеевич в своей автобиографии.

Первый номер журнала «Пионер» вышел в марте 1924 года, и в этом номере был напечатан рассказ «Красный бакен» — самый первый рассказ С. Т. Григорьева для детей. Этому рассказу почти столько же лет, сколько советской детской литературе.

В своих рассказах, повестях, романах писатель часто обращается к истории. Он удивительно точно передает дух эпохи, герои его — а это все люди отважные, волевые, деятельные — как живые встают перед нами.

С. Т. Григорьев был связан творческой дружбой со многими сотрудниками журнала. Здесь вы прочитаете воспоминания Павла Ивановича Кузьмичева (он много лет был главным художником журнала) о Сергее Тимофеевиче.

П. КУЗЬМИЧЕВ

Деловые беседы и «вкусные» разговоры

Знакомство мое с писателем Сергеем Тимофеевичем Григорьевым произошло в конце 30-х годов. Журнал «Пионер» поручил мне сделать рисунки к его повести «Александр Суворов».

Деревянный дом, в котором жили в то время Сергей Тимофеевич и его жена Елена Алексеевна, стоял в тихом квартале Загорска. В доме в приятной тишине был слышен размеренный стук настенных часов-ходиков, стрелки у них по циферблату не вращались, обе неподвижно висели, указывая на шесть часов.

— Их же можно починить,— сказал я, показывая на ходики.

— Не нужно,— ответил Сергей Тимофеевич,— они у нас для звука, мы очень привыкли в здешней тишине к их ритму.

Во время этого разговора собака, звали ее, кажется, Пушок, бросилась к окну, положила лапы на подоконник и стала смотреть в окно.

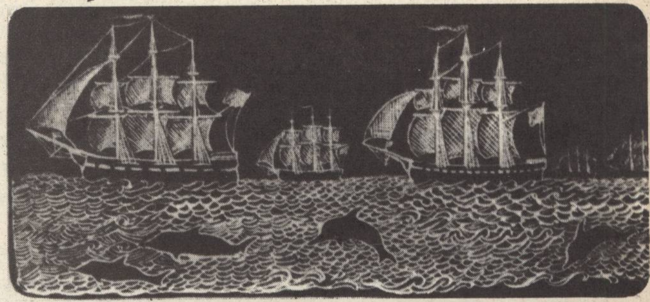
— Вот смотрите,— сказал Сергей Тимофеевич.— Сейчас в конце улицы из-за угла должна появиться моя жена Елена Алексеевна, она с рынка идет.

И действительно появилась Елена Алексеевна с сумками в руках.

Это было в первый день моего знакомства с Григорьевыми.

Потом стали повторяться частые деловые встречи, мы обсуждали все связанное с иллюстрированием повести «Александр Суворов». В ходе работы вперемежку с деловыми у нас очень нередко возникали всякие и неожиданные беседы и вопросы (мы их называли «вкусные» разговоры). А на неожиданные вопросы Сергей Тимофеевич был мастер, чувствовалась при этом в нем какая-то шаловливость и вместе с тем любознательность мальчишки, которому до всего есть дело.

— Скажите,— спрашивал он,— почему многие лабораторные приборы опираются на три точки, и самолет на три, разные штативы треххогие, а не четырех? А который стульчик на неровном полу будет неустойчивым, будет качаться — трехногий или о четырех ногах? У многих животных по четыре ноги, у пауков даже шесть, и все они устойчивы, потому что изменяют длину своих «ног» соответственно неровно-

Корабли в Севастопольском заливе. Заставка П. Кузьмичева к повести С. Григорьева «Малахов курган».

стям поверхности, на которой находятся, а вот четырехногий стульчик лишен этой способности, за это и ворчат на него.

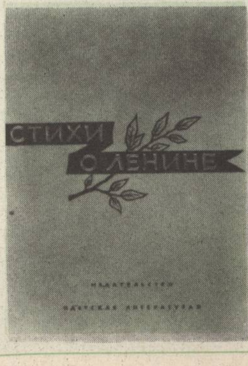
Беседа приняла веселый характер. Елена Алексеевна сокрушенно замечает:

— Ну, что это, Сергей Тимофеевич, о каких-то пустяках у вас...

— Это не пустяки, Аленушка, а разговор с

НОВЫЕ КНИГИ • НОВЫЕ КНИГИ • НОВЫЕ КНИГИ

В государственном издательстве «Детская литература» вышли книги:

«ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ». Представь себе, что к тебе в руки попали страницы из дневника Пушкина. Интересно, правда? «Живые страницы» называется эта книга. В ней опубликованы дневники и переписка А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, воспоминания современников и ближайших друзей великих писателей.

«СТИХИ О ЛЕНИНЕ». В сборнике напечатаны лучшие стихотворения советских поэтов о Владимире Ильиче.

Николай **КУЗЬМИН «КОЛЬЦО ЦАРЯ СОЛОМОНА».** Эта повесть написана художником. В ней он рассказывает о себе, о своем детстве и юношеских годах. О впечатлениях ранних лет. Рисунки к книге сделал автор.

На этих страницах рисунки к «Малахову кургану». Это иллюстрация к рассказу Вени о том, как он возил пакет от Нахимова на «Громоносец». Смотрит: генералы идут без головы... Оказалось, вестовые на палках мундиры несли.

молодым человеком об устойчивости живой и мертвой природы на различных плоскостях и поверхностях.

Вспоминаются и такие вопросы:

— Подушечкой которого пальца руки будете осязать поверхность чего-то нежного, едва, скажем, шероховатого? Правильно, безымянным: он самый чуткий, у остальных назначение другое.

— А вы пробовали есть костлявую рыбу в темноте? Попробуйте. Профессиональные рыбаки кладут кусок рыбы в рот, а кости изо рта язык выталкивает, он и на это способен!

— А как правильно нужно затачивать ножницы? Не знаете? Посмотрите в энциклопедии на слово «ножницы».

— Как правильно говорить: благодарю вас или благо дарю вам?

И множество всякого разного. После подобных отвлечений, своеобразного отдыха, мы снова возвращались к деловому разговору о рисунках к повести. Часто мы засиживались за полночь. Поздний отход ко сну не нарушал рабочий режим следующего дня. Сергей Тимофеевич, как и всегда, вставал в шесть часов утра, пил чай или кофе и садился за чистый, гладкий, некрашеный, сделанный из березы стол. На столе чернильница, перо и бумага, лишнее, видимо, мешало ему. Чернильница примечательная: старый стеклянный пузырек в деревянном футляре с навинчивающейся деревянной крышкой (бессменная, с начала его литературной деятельности, а деятельность эта началась еще в 1899 году).

Работал Сергей Тимофеевич часа три-четыре. Если ему удавалось за это время написать четыре листка, он бывал доволен. Листочки заполнялись так: на правой половинке написанное, а левая половинка пустая, для поправок, вставок и прочего.

Знал он очень много и о многом и охотно делился знаниями. Личная его библиотека на вид была очень скромна и состояла главным образом из справочных изданий по различным отраслям знаний, даже о железнодорожном транспорте (отец его был паровозный машинист). А около энциклопедии Брокгауза и Эфрона стояли томики Гоголя.

— Это тоже справочное? — спросил я шутя.

— Да,— ответил он.— Мы с Аленушкой ежегодно перечитываем Гоголя. Любим его.

Он широко пользовался сокровищами Библиотеки имени В. И. Ленина, потому-то, наверное, у него дома были только необходимые, подручные книги.

Мне посчастливилось делать рисунки еще к нескольким рассказам и повестям С. Т. Григорьева, в частности к большим повестям «Адмирал Макаров», которая называлась вначале «Победа моря», и к «Малахову кургану». О всех исторических героях своих повестей, об эпохе, об особенностях языка, костюмах, быте и нравах тех времен он знал невероятно много, рассказывать мог бесконечно, однако в повести входило лишь самое необходимое для художественного произведения.

Интересно еще вот что: повесть «Александр Суворов» начинается знакомством с мальчиком, живым мальчишкой, со всеми характерными особенностями его возраста. Страница за страницей идет читатель вслед за героем повести и видит, как из мальчика вырастает прославленный полководец.

В повести «Адмирал Макаров» то же: перед читателем опять удивительно живой, милый, умный мальчишка, будущий флотоводец адмирал Макаров.

В повести «Малахов курган» снова мальчик — Веня Могученко Четвертый. Он появляется в первых же строках повести. Читатель вместе с ним испытывает мальчишеские страхи, обиды, горе, радости и все немыслимые тяготы, свалившиеся на героев — защитников Севастополя.

В повестях «Берко-кантонист» и «С мешком со смертью» главные герои — мальчишки. Все они разные, непохожие, особенные. Крепко, видно, Сергей Тимофеевич знал и любил ребят. Серьезно, человечно писал он о них — и обязательно в пересыпку с добрым юмором, не зря писатель любил и перечитывал Гоголя. Да и взрослые его герои: Мокроусенко в повести «Малахов курган», денщик Суворова, матрос-нянька у адмирала Макарова — удивительно умные, добрые, смекалистые, смелые люди, любившие пошутить и посмеяться.

Таков был и сам творец этих героев — Сергей Тимофеевич Григорьев. Веселая шутка, острое, круто наперченное словцо были очень свойственны ему.

*

Немного подробнее хочу остановиться на том, как и при каких обстоятельствах я делал рисунки к его повести «Малахов курган».

Рукопись от писателя я получал «порциями». И по мере того, как он ее создавал, делал рисунки к очередной «порции» и отдавал их в

журнал «Пионер». Но прежде чем «допустить» меня к иллюстрированию повести, Сергей Тимофеевич вкратце рассказал все, о чем будет писать, охарактеризовал героев, открыл, каков будет финал повести.

Узнав, что я в Севастополе не был, Сергей Тимофеевич разложил на столе нарисованную им схематическую карту Севастополя 1854—1855 годов и принялся меня «натаскивать»: показывал кончиком карандаша, откуда появился, где расположился, куда и как будет двигаться неприятель, что будут предпринимать защитники Севастополя, где какие укрепления и что с них видно, где какие возвышенности, балки, бухты, затопленные корабли и прочее. Где корабельная слободка и домик матроса Могученко, что с крыши домика мог видеть Веня Могученко Четвертый. Помните, повесть начинается словами: «Веня стоял, держась за трубу, на красной черепичной крыше отцовского дома и смотрел в сторону моря».

Далее Сергей Тимофеевич показал мне лунный календарь того времени и сказал, что в повести луна будет вести себя не как попало.

— Не ошибайтесь, если будете рисовать ночные сцены, следите за текстом.

И добавил:

— В повести будет ночная вылазка. В ночь на 10 марта 1855 года, когда защитники Севастополя скрытно по оврагам подтягивались к местам броска на противника, на небе был месяц, сражение же произошло в темноте, после того, как месяц опустился за море. Вот вам и преимущество писателей, они даже в темноте «все видят», а вам, художникам, трудновато.

Тогда же он вручил мне большой список книг, журналов и альбомов, русских и иностранных, о Севастополе 1854—1855 годов с готовыми шифрами из каталогов Библиотеки имени В. И. Ленина.

По ходу работы он мне показывал, рисовал: чем отличается колодец крымский от колодца в средней полосе России; каганец-светильник вот такой, башня телеграфа устроена вот так, сбитенщик (продавец сбитня) вот такой и тому подобное.

Я понял тогда, как важно было Сергею Тимофеевичу, чтобы в исторической повести рисунки были исторически правдивы и познавательны. Лихость рисунка, необоснованную выдумку, самолюбование художника своим почерком, своей манерой в данном случае автор повести считал неуместными.

Постепенно в ходе работы Севастополь и его окрестности становились для меня такими, как будто я жил там, а когда после войны действительно привелось побывать на Сапун-горе и в Севастополе, мне показалось, что многое я уже когда-то видел.

Сергей Тимофеевич в своих творениях не только рассказывает, он показывает, и читатель все видит. Герои повести — это живые люди, читатель как бы становится их современником. Да и сам автор повести жил вместе со своими героями. Помню, пришел я как-то к Григорьевым к двенадцати часам дня за очередной и заключительной порцией рукописи «Малахова кургана». Сергей Тимофеевич сидит за своим рабочим столом, не оборачивается. Елена Алексеевна тихо сообщает мне:

— Расстроился...— И громко: — Сергей Тимофеевич, Павел Иванович пришел.

Сергей Тимофеевич встал из-за стола, поздоровался, пыхнул трубкой и дрогнувшим голосом сказал:

— Хоня умерла.

На глазах у него были неподдельные слезы. Я опешил. Умерла-то ведь созданная им самим героиня повести, крестница адмирала Нахимова!

Так писать мог только настоящий, большой художник.

Рукопись повести «Малахов курган» и рисунки к ней были сданы в журнал «Пионер». Повесть печаталась с марта по июнь 1941 года. Было это перед самой войной. В день, когда было объявлено о начале войны, я пришел попрощаться с Сер-

Хоня, старшая из сестер Могученко.

Встреча адмирала Корнилова с полковником Тотлебеном.

геем Тимофеевичем и Еленой Алексеевной, а на второй день войны был уже в воинской части.

*

Война ускоренно, не по годам старила людей.

В один из приездов в Москву по воинским делам я навестил Сергея Тимофеевича и Елену Алексеевну. Мне показалось, что оба они постарели. Жили они тогда совсем рядом с метро «Библиотека имени Ленина».

Не успели мы поговорить вдоволь, в репродукторе заныла сирена тревоги. Я стал поторапливать стариков укрыться в метро. Сергей Тимофеевич одевался неохотно, не торопясь. По улице шли тоже не торопясь. Перрон станции метро был заполнен молчаливыми людьми, где-то временами глухо, тяжело ухало. После отбоя пошагали домой. Из разговора выяснилось: до смерти надоело моим милым старикам ходить в убежище, если бы не я, не пошли бы они. Я сказал тогда:

— Не могу привыкнуть к войне и, наверно, не привыкну.

— Да это и неестественно — привыкать, — ответил Сергей Тимофеевич.

Война продолжалась. На всех фронтах шли жестокие бои. До полного разгрома гитлеровцев оставался еще год с лишним. Именно в это время «Детгиз» задумал издать «Малахов курган» книгой. Сергей Тимофеевич готовил рукопись к печати. К повести решено было дать мои рисунки (довоенные, из «Пионера»), но с добавлением нескольких больших, так называемых полосных. Естественно, во время войны, в постоянных передвижениях, переездах и перелетах, сделать это было для меня трудно. Засел я за рисунки после праздника Победы в Вильнюсе, все еще будучи в армии. К концу года рисунки были закончены и переправлены в Москву, а в 1946 году «Малахов курган» снова родился, уже книгой.

В конце 1946 года, демобилизовавшись, я приехал в Москву. При радостной, долгожданной встрече с Сергеем Тимофеевичем и Еленой Алексеевной автор вручил мне свой «Малахов курган» с шуточной дарственной надписью.

На сим и остановлюсь. Много хорошего я получил, работая с Сергеем Тимофеевичем Григорьевым, настоящим художником и замечательным человеком.

О своих рисунках замечу, что это были рисунки молодого, не очень опытного иллюстратора, правда, работалось над ними с огромным удовольствием.

ПИСАТЕЛИ рассказывают

Когда заглядываешь в глубокую даль истории, то видишь много событий огромных, потрясающих и необычайных. Движение народов, расцвет городов и царств, их падение и возникновение новых...

Вы уже читали в журнале мои повести «След огненной жизни» — о персидском царе Кире и «Мессенские войны» — о маленьком греческом государстве, защищавшем свою свободу.

Сейчас я пишу историю жизни Александра Македонского, непобедимого полководца и завоевателя, который не только возвеличил свою маленькую Македонию, но и пытался завоевать весь мир. Правда, у него не было настоящей карты и ему было неизвестно, что шар земной гораздо больше, чем он предполагал.

Эта книга об Александре Македонском, о его беспримерном походе и беспримерных деяниях — славных и страшных — будет печататься в сокращенном варианте в журнале «Пионер».

В ближайших номерах появятся первые главы.

Мне было очень интересно писать эту книгу. И очень хотелось бы, чтобы вам, дорогие ребята, было так же интересно ее читать.

Л. ВОРОНКОВА

НОВЫЕ КНИГИ ● НОВЫЕ КНИГИ ● НОВЫЕ КНИГИ

Владимир ЛИФШИЦ «ИЩИ ВЕТРА В ПОЛЕ»
Автора этой веселой книжки знают все, кто любит читать стихи со сцены, ставить кукольные спектакли, играть в своем пионерском театре.

Эно РАУД «ОГОНЬ В ЗАТЕМНЕННОМ ГОРОДЕ»
Главы из повести эстонского писателя вы читали в августовском номере «Пионера». Судя по вашим письмам, читать было интересно. Теперь повесть вышла полностью.

В. СТОРОЖЕНКО «СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ»
«Сегодня экономика нужна не только экономистам, — пишет автор, — а она еще «белое пятно» в наших знаниях». Это книга об экономике. Что такое экономика, как планируется хозяйство страны? На множество разных вопросов отвечает книга. Это ее второе издание. Первое очень заинтересовало читателей и быстро разошлось.

Мороз сегодня настоящий январский — 35^0, на улицу и носа не покажешь. Пришлось отменить лыжные соревнования на звание «чемпион каникул». Марина бродила из угла в угол и немножко завидовала Леке, которая влезла в валенки, завернулась шарфом до самых глаз и побежала со своим классом в театр.

Что бы еще поделать? Комнаты убрала, обед приготовила, рыбок покормила, новый этюд Шопена выучила, «Двух капитанов» дочитала, даже все воротнички и манжеты для школьной формы, и свои и Лекины, перестирала и отгладила.

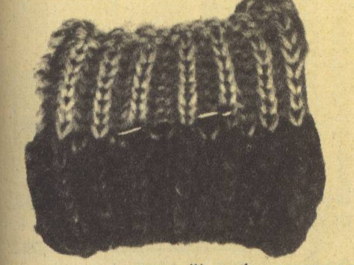
Вдруг тихий свист раздался на улице, форточка распахнулась, и прямо к Марининым ногам упал большой конверт с маркой — калиновым листком. Марина с нетерпением распечатала конверт, осторожно отклеила уникальную Калинкину марку — вот это марка, все мальчишки от зависти позеленеют! — и стала читать письмо. Калинка, как всегда, не забыла своего обещания. И прислала чертеж и объяснение вязки курточки, фасон которой придумали Марина Вивсик и Рая Буянова, участвовавшие в конкурсе «Чей наряд интереснее».

Куртка так же, как и берет и шарф, который недавно вязала Марина, вяжется

АНГЛИЙСКОЙ РЕЗИНКОЙ

Для образца набрать четное количество петель (в данном образце 16 петель)

1-й ряд (лицевой) — 1 лицевая петля, 1 накид, 1 петлю снять.

2-й ряд — петлю и накид вязать лицевой петлей вместе, 1 накид, 1 петлю снять и т. д.

Начиная с 3-го ряда рисунок повторить со 2-го ряда.

«Накид и одну петлю снять» выполнять по схеме:

КУРТКА НА «МОЛНИИ»

Размер 42—44-й

Куртка со вшивными рукавами связана английской резинкой из нитей двух цветов: 400 г красной шерсти и 100 коричневой средней толщины. Спицы № 3, плотность вязки 2,5 петли в 1 см.

Куртка состоит из семи деталей: спинки, двух полочек, двух рукавов, пояса и воротника-стойки. «Молния» 47 см, четыре пуговицы.

РАСЧЕТ ПЕТЕЛЬ

Чтобы куртка хорошо сидела, детали нужно вязать точно по выкройке. Для этого точно рассчитывают количество петель, которое надо набрать на спицы. Из нитей, предназначенных для вязания, сначала связать маленький образец и подсчитать, сколько петель приходится на 1 см. Помножив полученное количество петель на длину данной линии по выкройке, например, линии низа спинки, получают необходимое число петель, которое нужно набрать на спицы для вязания этой детали.

ВЫВЯЗЫВАНИЕ СПИНКИ

Начинают вязать коричневой нитью английской резинкой полосу 12 см. Затем без изменения вязать красной нитью до спуска проймы (20 см).

По вырезу проймы последовательно закрыть 3 петли, 2 петли и 2 раза по одной петле в каждом 2-м ряду. Когда высота проймы составит 18 см, закрыть по линии скоса плеча 5 раз по 6 петель и 1 раз 3 петли. Вырез ворота начать выполнять на высоте 52 см, закрыв вначале 10 средних петель, а затем 3 раза по одной петле с каждой стороны.

ВЫВЯЗЫВАНИЕ ПОЛОЧЕК

Полочки вяжут одинаково, так же как и спинку, до проймы (12 см коричневой шерстью, 18 см красной и 4 см опять коричневой шерстью).

Затем вязать красной шерстью. По вырезу проймы закрыть последовательно 3 петли, 2 раза по 2 петли и 3 раза по одной петле в каждом 2-м ряду. Линию скоса плеча оформить так же, как и на спинке.

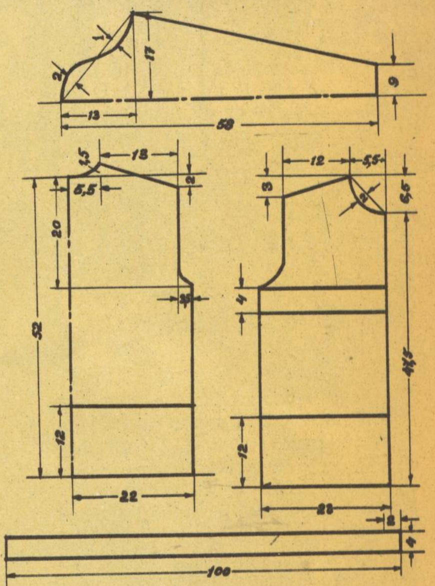
Провязав 47,5 см от начала работы, начать оформление выреза ворота, для чего последовательно закрыть сначала 3 петли, затем 2 петли и 5 раз по 1 петле.

ВЫВЯЗЫВАНИЕ РУКАВОВ

Вязать, равномерно прибавляя с двух сторон через каждые 2 см по одной петле. Провязав 45 см, начать вывязывание головки рукава, для чего закрыть с двух сторон 1 раз по 3 петли, 2 раза по 2 петли и 3 раза по одной петле. Оставшиеся петли закрыть в один прием одну за другой.

ПОЯС

Связать красной нитью полосу длиной 100 см и шириной 4 см. На одном конце на расстоянии 2 см от края сделать петлю. Для этого в лицевом ряду, провязав 5 петель от края, 6-ю и 7-ю петли закрыть, как при окончании работы, затем довязать ряд до конца. В изнаночном ряду над закрытыми петлями прибавить из свободного конца 2 петли и довязать ряд до конца. Связав 4 см, петли закрыть свободно, не стягивая по всей длине пояса.

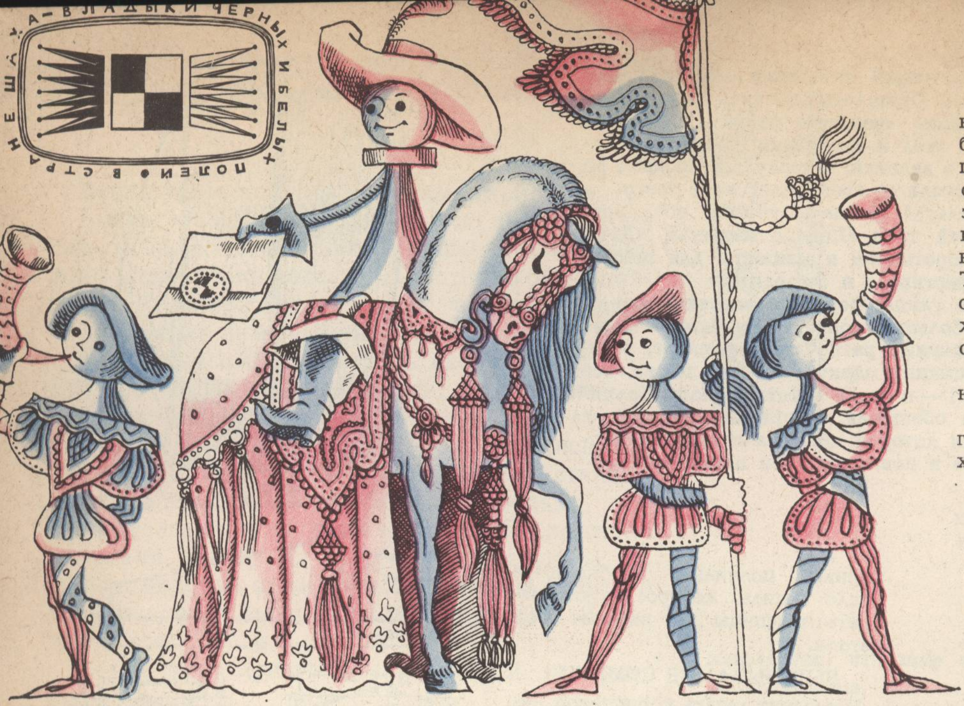

ВОРОТНИК-СТОЙКА

Предварительно рассчитать количество петель, исходя из размера горловины и плотности вязания. К полученной длине прибавить 5 см (для оформления застежки). Связать полосу 4 см, петли закрыть. Петлю вязать так же, как на поясе.

СШИВАНИЕ ДЕТАЛЕЙ

Готовые детали сшивают и примеряют. Перед и спинку начинать сметывать снизу, присобрав равномерно излишек (2 см) переда на линии груди. Если куртка сидит хорошо, сшить детали швом «за иголку» той же нитью, из которой связана куртка. Вшивая рукав, середину головки сдвинуть вперед на 1 см от плечевого шва. «Молнию» пришить мелкими стежками незаметным швом. Затем пришить отдельно вывязанные пояс и воротник-стойку, начиная шить от конца левой полочки к середине спины. Пришить пуговицы.

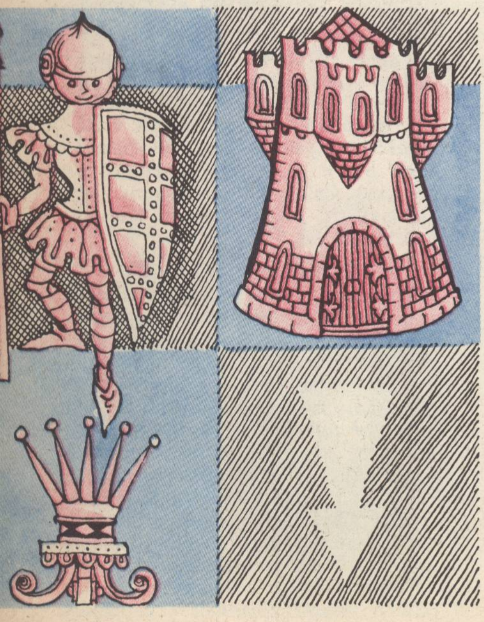
Пешкин у друзей

Много ребят пришло в этот день в Московский Дворец пионеров, чтобы встретиться с Пешкиным. Здесь они сражались за шахматными досками с экс-чемпионкой мира Елизаветой Быковой и международным гроссмейстером Владимиром Антошиным.

А потом Пешкин наградил многих из своих друзей «Грамотами ферзя и ладьи». Грамоты за хорошие результаты в «Пионерской олимпиаде» столицы получили **Сережа Горелов** (школа № 11, г. Химки), **Олег Танцов** (Центральная музыкальная школа), **Митя Лосев** (школа № 745), **Александр Аверченков** (школа № 148).

Все эти ребята выполнили норму первого спортивного разряда.

У Пешкина много друзей, которые в шахматных кружках своих школ организуют соревнования, обучают новичков, выпускают шахматные стенгазеты. За хорошие дела Пешкин наградил своими грамотами ученика 7-го класса школы № 11 **Сашу Александрова,** ученика 8-го класса школы № 791 **Колю Еремина,** ученика 8-го класса школы № 29 **Мишу Борщевского,** учеников 6-го класса школы № 128 **Толю Малашенкова и Витю Мещерякова** и других московских школьников.

Куда идут пешки?

Вот какое письмо прислал Пешкину харьковский школьник Володя Шилов.

«Каждый раз, когда я берусь решать твои задачи,— пишет Володя,— они у меня не получаются. Может быть, это потому, что я не знаю, куда идут белые пешки на диаграммах — вверх или вниз?»

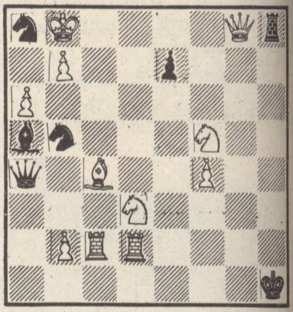
Вовсе не поэтому, дорогой Володя. Пешкин уже не раз объяснял, что первым на диаграммах считается нижний ряд. Значит, пешки белых всегда идут снизу вверх. Ты, Володя, наверно, мало размышлял над задачами, отступал при первой неудаче. Так в шахматах ничего не добьешься.

А насчет того, куда идут пешки, хочется рассказать тебе одну занятную историю.

Дело было давно, более ста лет назад. В один из шахматных клубов часто приходил известный шахматист Лойд. И почти всегда он приносил какую-либо новую задачу. Собравшиеся в клубе шахматисты начинали ее решать, но не всегда им это удавалось. Тогда Лойд сам показывал, как она решается. И, бывало, сконфуженные любители шахмат, чтобы оправдаться, говорили:

— А мы думали, пешки ходят не в эту сторону...

Однажды Лойд принес задачу, где мат достигается всего в один ход.

— Это легко: ферзь g2, и мат,— раздались голоса.

— Не годится, — возразил Лойд,—ферзь связан.

— Ну, тогда мат ладьей...

— Не выйдет: черные закроются ферзем или слоном...

По-разному решали в клубе задачу, ничего не получалось, и наконец попросили Лойда показать решение.

— Совсем просто,—сказал он,— пешкой b7 беру коня a8, ставлю ферзя, и мат.

— В самом деле просто. Но мы-то думали, что пешки идут в другую сторону...

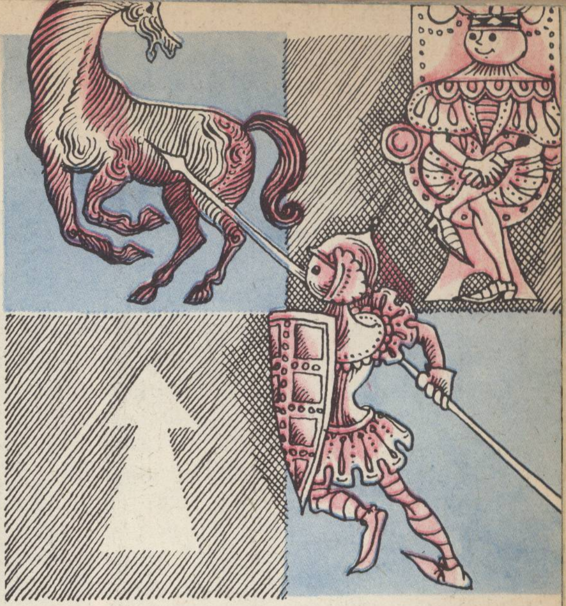
— Так почему же вы тогда не сделали мат пешкой b2? — засмеялся Лойд.

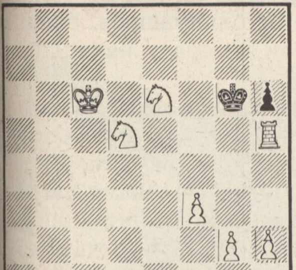
Он ведь нарочно придумал задачу, в которой мат в один ход достигается независимо от того, в какую сторону идут пешки.

Новый конкурс Пешкина

Как и обычно, Пешкин объявляет новый конкурс: предлагает решить десять задач и этюдов. Кто решит не менее шести задач, получит четвертый спортивный разряд, решившие восемь задач станут шахматистами третьего разряда.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ. Фото В. ПОСТНИКОВА.

Начиная игру, белые дают мат в три хода.

Пешкин ждет ваших решений, ребята.

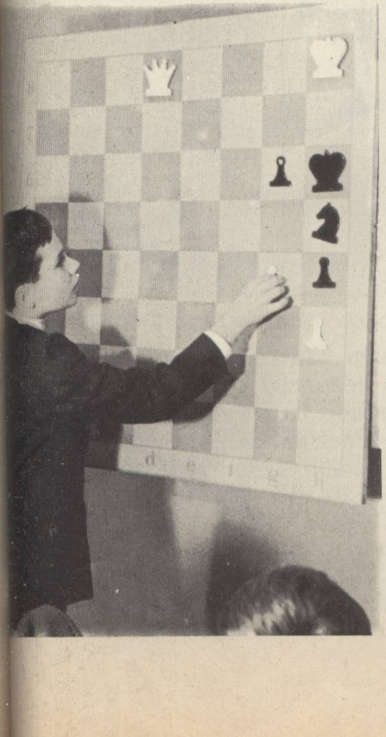
Последние конкурсные задания предыдущего конкурса решаются так:

№ 8, 1. Kg7. № 9, 1. c5, № 10. 1. Ke5.

Судейская коллегия рассылает сейчас ребятам грамоты и справки о присвоении спортивного разряда.

В Клубе юных шахматистов Московского Дворца пионеров идут жаркие бои. Кто окажется победителем в сеансе одновременной игры с экс-чемпионкой мира Елизаветой Быковой? И кому достанется приз «ПИОНЕРА» в трудном шахматном конкурсе?

спортплощадка

ИНТЕРВЬЮ НА ЛЫЖАХ... О ЛЫЖАХ

Кое-где зима закапризничала, где-то просто плутовала: то даст снежку, то снова дождичком примочит, и опять осень... Но лыжник нынче учен: побелело в комнате, посыпались за окном пушистые снежные хлопья — бегом на улицу Промедлишь — сколько потом еще ждать?..

А тут вон как подвалило! И солнце, и морозец, и кругом сияющее снежное раздолье.

Во все стороны разлетелись лыжные трассы: по полю, в лесок, по речке, с горки по склону вниз, вверх, туда и обратно. И всюду мелькание ярких свитеров и лыж, синих, красных, белых, черных, желтых...

За кем пуститься вдогонку? К кому с вопросом?

Держась за лыжную палку, катит за папой Миша Козырев четырех с половиной лет.

— Миш, хорошо на лыжах?

Молчит.

— Весело?

Молчит. Но улыбается при этом и рукавичку в рот.

Папа Козырев объясняет: у Михаила стаж. На лыжах второй сезон. На ногах стоит прочно. И с горки вниз смотрит смело.

А вот еще идет человек. Это Андрей Смирнов. Ошибки быть не может: он только что с лыжни. И у него великолепное настроение. Что ж, это вполне естественно: если человек тринадцати лет только что, пять минут назад, прошел дистанцию в два километра и у него результат — четырнадцать минут восемь секунд. если никто еще в его возрастной группе не показал лучшего, а участников было сто, не меньше.

Андрей считает: это потому, что у него отличнейшие лыжи, очень везучие.

— Для лыж хорошая везучесть — совсем неплохое качество, ну а как насчет тренировок?

— Само собой, — скромно соглашается возможный чемпион Дзержинского района. Но если «само собой» — это каждый день два часа на лыжах, и в будни и в воскресенье, хотя, как известно, в седьмом классе не так уж мало задают, хотя, кроме уроков, есть еще на свете много всего другого: и интересные книги, и кино, и марки, а в школе шахматная секция, хотя иной раз просто не хочется вылезать вечером из дому на мороз, — такое «само собой» полюбопытнее, чем везучие лыжи. Есть основания думать, что они и достаются только тем счастливчикам, у которых неплохая воля, и самодисциплина, и организованность. Так уж устроен мир.

На горе со склоном почти в 45 градусов интересно наблюдать за поведением стартующих.

Какое глубокое раздумье на их лицах. Какой интерес к тем, кто, лихо оттолкнувшись, очертя голову кидается вниз. Как не сразу накапливается решимость...

У Саши Жеглова, одиннадцати лет, смелость, расчет и техника. Он успел обернуться на горе три раза, пока иные собирались с духом. Впрочем, понятно: Саша занимается в секции скоростного спуска. Он любит скорость, ветер в ушах, ощущение полета. На равнине Саше скучно.

А лыжи, лыжи тем и хороши, что на них и в поле и на горе можно испытать свои силы, сноровку, выдержку, самообладание, помериться с

Фото В. ПОСТНИКОВА.

другими. И ощутить радость борьбы и счастье победы. И все это человеку нужно.

Пока такой разговор шел у нас с Сашей Жегловым, один шестилетний лыжник, оказавшийся впоследствии Вовой Чашкиным, представителем детского сада № 34, просто не мог устоять на месте.

— Посмотрите, как я умею, — требовал он.

— Ну посмотрите же, пожалуйста, — просил он.

— Думаете, я забоюсь? — лукавил он.

— Я ничего не боюсь, вот смотрите!

И он заставил всех посмотреть, ринувшись с кручи с диким воплем.

И тут уж нельзя было не признать, что человек Вова Чашкин действительно бесстрашный. Отчаянно смелый. Этот, пожалуй, в самом деле не боится ничего.

И это все признали. Все, кто стоял рядом. Только один мальчик, лет так тринадцати, сказал, что Чашкин не боится, потому что маленький. Маленьким легче, они не знают еще никакого страха.

Вот Таня Солотникова именно так на лыжах любит ходить. Соревнования она не очень любит. А с горок трусит немножко. Правда, этой зимой она одолела одну, довольно крутую. А еще одну присмотрела и попробует.

Тане нравится уходить куда-нибудь подальше, в незнакомые места, и думать обо всем, мечтать, смотреть на деревья, на закатное небо в разрывах облаков, на все вокруг. Таня ходит на лыжах просто так, для радости, ей просто хорошо зимой в лесу. И вот что совсем недавно вдруг заметила: если она после своих странствий садится решать алгебраические задачки (а они у нее вообще-то неважно получаются), думается ей как-то легче. И работается веселее.

О чем говорила, сойдясь в тесный кружок (насколько позволила длина лыж) стайка девчонок под горой в 45 градусов, выяснить, к сожалению, не удалось. Интервью не получилось. Что поделаешь, секреты — дело секретное.

С. КАРАСЕВ

Но лучше бы он не говорил. На него так посмотрели, что он поскорее уехал. Да не с горы, а в сторону.

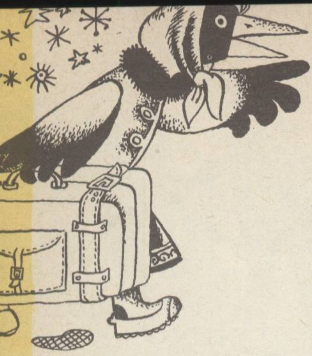
— Есть люди, которые любят себя во всем оправдывать, — заметила девочка в белом свитере.

— И, главное, умеют! — добавил Саша Жеглов.

В лесу среди зеленых молодых сосенок скользят вереницы лыжников, веселая, хохочущая, праздничная карусель. Там пролегают главные снежные дороги, настоящие проспекты. На перекрестках приходится ждать очереди. Хоть светофор вешай где-нибудь на большой сосне.

А есть дорожки, где нелюдно, тихо и можно побыть одному. Тут другое настроение. Тут вспоминаются стихи и словно звучит в тебе негромкая хорошая музыка. И ты незаметно подчиняешься ее неслышному звучанию, ее ритму и плывешь, плывешь вместе с нею.

Репортаж

с заседания

ведет

Вадим ЛЕВИН

— Уважаемые члены Клуба! Должна вам сообщить, что

В ЗООПАРКЕ БЕГЕМОТ
ПРОГЛОТИЛ ЕЖА. И ВОТ...

— Это мы знаем! Слышали! Это первые строчки четверостишия Нины Фидри! — зашумели сороки, а Несмеяна вдруг заплакала:

— А-а-а-а!..

— Что с тобой? — переспросила добрая Белобока.— Почему ты плачешь?

— Хочу знать, что случилось пото-ом...

— А потом мы получили почти полторы тысячи продолжений этого стихотворения. Читайте! — И Белобока раскрыла огромный чемодан с письмами читателей.

— Ой,— закричала сорока Всезнайка,— у меня письмо с острова Сахалин! Его написала Валя Проскура из города Чехова.

— А у меня из Балтийска от Сергея Каргаева!

— А мне написала Галя Кастыря из поселка Белая Березка, Брянской области!

— Чур, я первая буду читать! — громче всех закричала Соберика-Разберика.— У меня письмо из Киева: «Меня зовут Галина. Мне 13 лет. Я уверена, что многие напишут:

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ БЕГЕМОТ,
У НЕГО БОЛИТ ЖИВОТ».

— Ой, верно,— перебила Соберику-Разберику сорока Балаболка.— Мне попалось письмо от Оли Денисовой из Москвы, она точно так дописала.

— И Миша Гуревич из Кишинева!

— И Люба Лузганова из Орехово-Зуева!

— И Наташа...

— Стоп-стоп-стоп-стоп! — вмешалась Белобока.— А если во всех письмах один ответ, тогда что? Будем перечислять авторов до конца заседания? Предлагаю создать комиссию. Пусть она изучит ответы наших читателей и доложит, о чем они пишут. Кто хочет работать в комиссии?

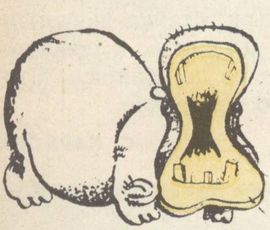
— Я,— ответили 39 сорок.

— Ясно. И я тоже. В таком случае — за работу!

А пока сороки читают ваши письма, дорогие читатели, вам предлагается

Рисунки А. БОРИСОВА.

— Поразительные результаты! — объявила через некоторое время Балаболка.— Наташа Семенова из города Ковдора, Мурманской области, Артем Акопянц из Кисловодска, Люда Турундаева из Сумгаита и еще пятьдесят три человека дописали четверостишие точно так, как предположила Галя из Киева.

— А хотите знать, как дописала стихи сама Галя? — спросила Соберика-Разберика.— Вот так:

БЕГЕМОТУ ГРУСТНО:
ЕЖ НЕ ОЧЕНЬ ВКУСНЫЙ.

И еще Галя пишет, что ее девятилетняя сестренка Саша закончила четверостишие так:

ПРИБЕЖАЛ СЛУЖИТЕЛЬ,
ДАЛ БОЛЕУТОЛИТЕЛЬ.

— Молодцы, сестрички,— похвалила бабушка Белобока.— У кого еще есть интересные письма?

— У меня,— отозвалась Всезнайка.—И что особенно приятно: все ответы совершенно разные. Вот послушайте. Надя Уракова из Ижевска заканчивает стихи такими печальными строчками:

ПОВЕЗЛИ ЕГО В БОЛЬНИЦУ,
СТАЛИ РЕЗАТЬ ПОЯСНИЦУ.

А Таня Перескокова из Саратова считает, что до операции дело не дошло, просто бегемот

ВЫПИЛ, БЕДНЫЙ, ФТАЛАЗОЛ
И НА ВСЕХ УЖАСНО ЗОЛ.

По мнению Андрея Бердникова из Нижнего Тагила, бегемот поступил еще проще:

ОКАЗАЛОСЬ НЕПРИЯТНО —
ВЫПЛЮНУЛ ЕЖА ОБРАТНО.

Зато Лина Гальченко из Грозного настроена очень грустно. Она даже нарушила наши условия и дописала не две строчки, а четыре:

БЕДНЫЙ ЕЖ СИДИТ В ЖЕЛУДКЕ,
БЕГЕМОТ СИДИТ В ВОДЕ.
ЕЖ НЕ РАД ТАКОЙ КВАРТИРЕ,
БЕГЕМОТ — ТАКОЙ ЕДЕ!

Совсем расстроилась Наташа Филатова из Волгограда:

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ БЕГЕМОТ.
ЖАЛЬ ЕЖА И ЖАЛЬ ЖИВОТ!

А москвичка Таня Замятина утверждает, что с бегемотом ничего не случилось, зато

ДЕСЯТЬ СУТОК СТОРОЖА
ИЩУТ БЕДНОГО ЕЖА.

— А-а-а-а!..— заревела опять Несмеяна.

— Ну, что теперь? Сторожей жалко?

— Не-ет. Обидно: у Всезнайки такие интересные письма, а у меня все про Айболита-а-а-а...

— Ладно, читай мои,— предложила Неумейка.— Здесь есть очень интересные.

— Спасибо.— Несмеяна вытерла слезы и стала читать письмо Оли Зарембской из Ленинграда:

ОН ИГОЛКИ ДОСТАЕТ,
ВАМ, СОРОКАМ, ПЛАТЬЯ ШЬЕТ.

— А-а-а!..

— Снова ревешь? Теперь-то почему?

— Теперь жалко ежа-а-а-а...

— Да что ты, Несмеяна!

ВСЕ РАВНО ЕМУ НЕ БОЛЬНО:
ОН КОЛЮЧИЙ И ДОВОЛЬНЫЙ.

Это выяснила Светлана Кракопольская из Сумгаита. И Наташа Фролова из Омска уточняет:

ЕЖ СВЕРНУЛСЯ ТАМ КЛУБКОМ
И ЗАСНУЛ СПОКОЙНЫМ СНОМ.

А Лена Дьяченко из Николаева уверена даже, что

ЕЖ СИДИТ И УСМЕХАЕТСЯ:
«МЕЖДУ ПРОЧИМ, МНЕ ЗДЕСЬ НРАВИТСЯ».

— Так что можешь не переживать за ежа, Несмеяна.

Коля Гуданец из города Юрмала заканчивает стихи такими строчками о бегемоте:

НА ПОДУШКУ ДЛЯ ИГОЛОК
СТАЛ ПОХОЖ ЕГО ЖИВОТ.

А Алик Мусин из города Балахна, Горьковской области, считает, что бегемоту это даром не прошло:

ОТ ТАКОЙ КОЛЮЧЕЙ ПИЩИ
ЗАБОЛЕЛ ЕГО ЖИВОТ.

С ним согласна ученица 4-го класса Наташа Катаева из села Верх-Катунское, Алтайского края. Между прочим, она дописала стихотворение почти точно так, как сама Нина Фидря:

В ЗООПАРКЕ БЕГЕМОТ
ПРОГЛОТИЛ ЕЖА. И ВОТ
ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ НЕ ЕСТ, НЕ ПЬЕТ
И РЕВЕТ, КАК БЕГЕМОТ.

Немного по-другому, но тоже очень смешно закончила четверостишие о бегемоте Люда Ванькова из города Находка, Приморского края:

ОН И СТОНЕТ И РЕВЕТ,
А ЕЖИК ПЕСЕНКУ ПОЕТ.

— А-а-а!

— Ну, что опять?

— Жалко бегемота-а-а...

— Пожалуйста, не реви. С бегемотом тоже все кончилось благополучно. Об этом написала Лена Губина из Томска:

ОН К ВРАЧАМ СКОРЕЙ ПОМЧАЛСЯ,
ХОТЯ ОЧЕНЬ ИХ БОЯЛСЯ.

Гена и Софа Марголиты из Рязани закончили эту историю словами:

НА РЕШЕТКЕ ОБЪЯВЛЕНЬЕ:
«БЕГЕМОТ НА БЮЛЛЕТЕНЕ».

Они даже прислали рисунок к четверостишию, которое у них получилось.

— Все равно жалко бегемота-а-а... Он заболел.

— Да что ты! Наоборот, он (как утверждают Ворон и Синица из Москвы)

КРОКОДИЛОМ ЗАКУСИЛ
И ТЕПЕРЬ ЛЕЖИТ БЕЗ СИЛ.

— А-а-а! Бедный крокодил!..

— Уважаемые коллеги, читайте, пожалуйста, только самые жизнерадостные ответы! У Несмеяны сегодня очень плохое настроение.

— Пожалуйста. Оля Ковшарова из Караганды уверяет, что бегемот

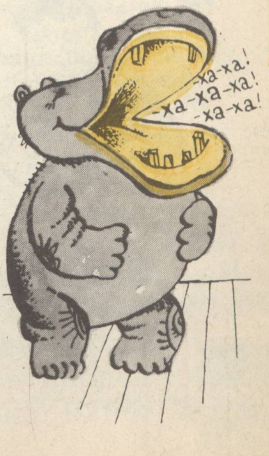
ОЧЕНЬ СИЛЬНО ИСПУГАЛСЯ,
А ПРОСНУЛСЯ — РАССМЕЯЛСЯ.

Наташа Федосова из Батуми:

ОН ДОБАВКУ ПОПРОСИЛ:
ИЗ ПЕЧЕНЬЯ ЕЖИК БЫЛ.

И совсем весело дописал стихи Нины Фидри Вова Башилов из Павлодара:

ЕЖ НУТРО ЕГО ЩЕКОЧЕТ,
БЕГЕМОТ ВЗАХЛЕБ ХОХОЧЕТ.

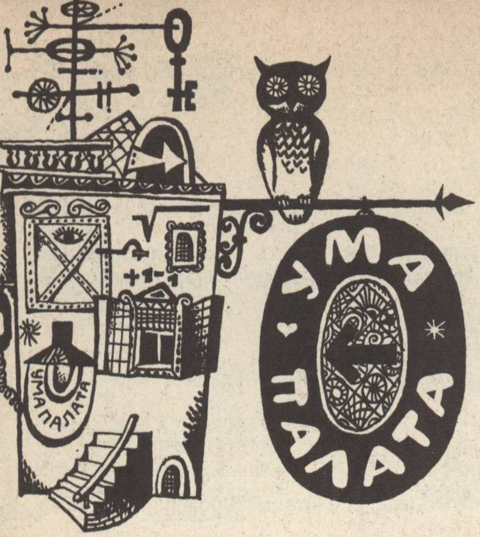
— А-а-а!..

— Слушай, Несмеяна! Нам это надоело. Из-за чего теперь плачешь?

— Не могу решить, какой ответ лучше... А-а-а...

— Ну и не решай! Давай лучше поблагодарим всех ребят, которые участвовали в игре. И еще спасибо тем, кто прислал начала своих четверостиший, чтобы мы их дописали. Сегодня я не дам читателям нового стихотворения для дописывания, потому что, во-первых, наше время истекло, а во-вторых, я боюсь, что читателям эта игра уже надоела. Напишите нам об этом, ребята. И присылайте ответы на задачку Путаницы-Разберики. До свидания.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

КТО ОН?

ПОЛУЧИТЕ ПЯТЕРКУ!

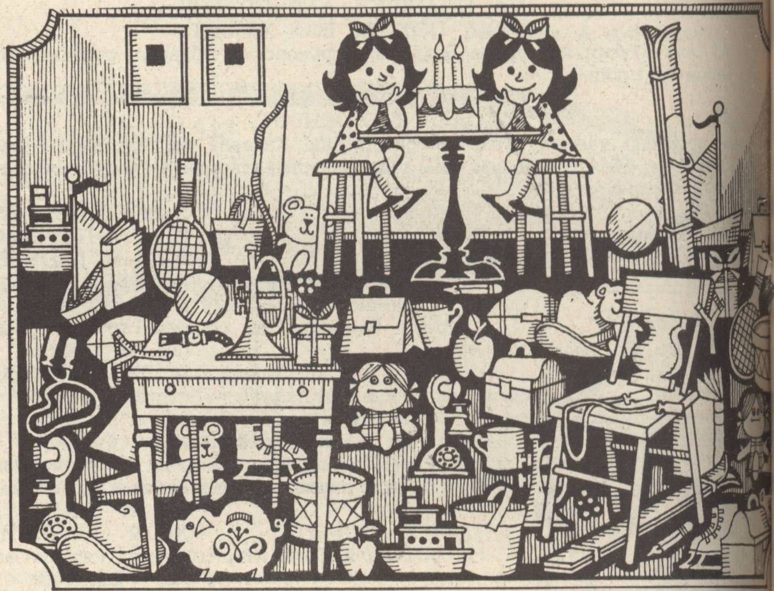
Всем ребятам известна его □О□□Т
Он спешит, у него за плечами мешок,
В серебристых снежинках его □О□□□
И походка □□□□□ и в глазах огонек.

Вы, конечно, догадались, о ком идет речь в этом стихотворении. А теперь найдите, какие буквы надо вставить в свободные клеточки. Во всех трех словах все пять недостающих букв — одинаковые. Как только получите пятерку, смело входите в нашу палату.

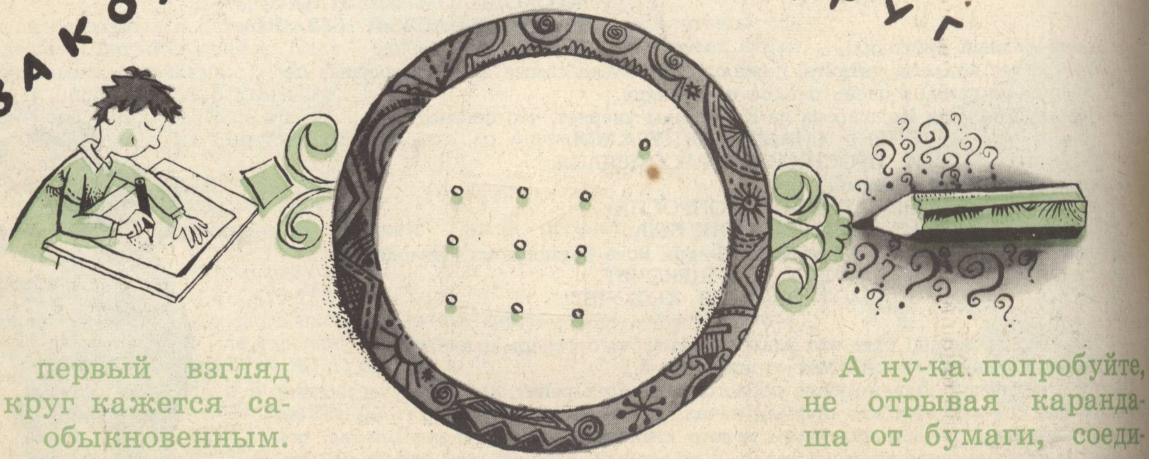
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ БЛИЗНЕЦОВ

У близнецов Маши и Даши — день рождения. Посмотрите, сколько подарков принесли им друзья! В большинстве случаев обеим девочкам дарили одинаковые вещи, а иногда разные.

Найдите, какие подарки встречаются на этой картинке только один раз, какие два и какие больше двух раз.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

На первый взгляд этот круг кажется самым обыкновенным. Только непонятно, что это за точки внутри?

А ну-ка попробуйте, не отрывая карандаша от бумаги, соединить точки четырьмя прямыми линиями!

Рисунки А. БОРИСОВА.

УЧИТЕСЬ ТИГРИНОМУ ЯЗЫКУ! Сообщение Живживки, нашего лесного корреспондента

Умеете ли вы говорить и писать по-тигриному? Я тоже сначала не умел и никак не мог научиться этому языку, хотя мои маленькие друзья Тиг-Тиг и Гр-Гр много раз пытались завести со мною беседу и говорили мне: «КЫ ЛБ ЗУПТБКТЯ!»

Прислушивался я и к разговорам, которые вели между собой большие тигры, но все равно ничего не мог понять, когда они говорили друг другу: «П ЛМГЫК РМАМК!»

Наверно, я так бы и не научился тигриному языку, если бы в «Книге джунглей» мне не попалось на глаза загадочно написанное стихотворение, над которым был нарисован тигр. Я подумал, что это, наверно, известные стихи английского поэта Вильяма Блейка. На русский язык их перевел Самуил Яковлевич Маршак. Они начинаются так:

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

А в «Книге джунглей» первая строка стихотворения была записана вот таким образом:

СЁРО, М СЁРО, ПГБСИМРМОЯЩЕЖ...

Я выписал на листке бумаги весь русский алфавит, включая буквы Ё и Й, и стал присматриваться к строчке из «Книги джунглей». Внезапно меня осенила догадка: наверно, тигры ставят в алфавите на первое место буквы, которые входят в слово «тигр», а потом уже пишут: А, Б, В и так далее, но уже пропуская вынесенные вперед четыре буквы: Т, И, Г и Р.

Я составил два параллельных алфавита:

А, Б, В, Г, Д, Е, Ё, Ж, З...
Т, И, Г, Р, А, Б, В, Д, Е...

С помощью этого ключа (допишите его до конца) я легко расшифровал все стихотворение.

Если вы сделаете себе такой же ключ, то без труда поймете, что говорили мне тигрята и о чем разговаривают большие тигры.

Ответы на задачи № 12

ХВОСТ БИЗОНА (СООБЩЕНИЕ ЖИВЖИВКИ, НАШЕГО ЛЕСНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА)

За один крючок давали два бизоньих хвоста, за нож — четыре, за стрелу — пять.

ИГРАЕМ В КУБИКИ

Вот какие ответы получались у гномов:
1. Желтый цвет. 2. Черный. 3. Желтый. 4. Дымчатый.

ТАЙНА АЛХИМИКА АЗОТА

Азот получал золото, так соединяя элементы:
свинец — цинк —
железо — медь —
золото.

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

КОНТРОЛЬНЫЙ ВОПРОС ИКСА

Договоримся действовать, как в задаче про Сашину квартиру: результаты двух последовательных взвешиваний будем записывать двузначным числом, каждая цифра которого равна 1 (если при соответствующем взвешивании левая чашка перетянула), 2 (если веса равны), 3 (если правая чашка тяжелее). Дальнейшие рассуждения такие же, как в задаче про Сашину квартиру.

Проведите их сами.

КОНКУРС ИКСА ИЗ ДЕКАБРЬСКОГО НОМЕРА

Хоровод

Девочек вдвое больше, чем мальчиков. Они расположены так: ...М Д Д М Д Д М Д Д... (Д — девочка. М — мальчик).

Самолет

Возьмите нитку и приложите ее к глобусу так, чтобы один конец нитки был у Ашхабада, а второй — у Сан-Франциско. Натянутая нитка показывает кратчайший путь. Вы видите, нитка прошла через Северный полюс. Полярник не шутил.

НАЗЫВАЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

(конкурс из № 10)

По грудам писем на столах редакции видно, что задачи вам понравились. Но многие забывают написать свой класс, а кое-кто и адрес.

Женя Нечаев из г. Тольятти спрашивает: «Нужно ли присылать рассуждения по решению задач?» Конечно, нужно! Обычно правильный ответ на вопрос задачи — это еще не решение. Перечитайте главку «Тайна ответа» из февральского (1970 г.) выпуска «Встреч с Тремя Неизвестными».

Первыми прислали разгадки ребусов «Лягушатника» второклассник **Саша Мирлин** из Ленинграда (молодец!) и ученики четвертого класса **Леня Бабайлов** (Кировград, Свердловской области), **Игорь Гришин** (Псков), **Сережа Ивлиев** (Саранск), **Сергей Климов** (Тула), **Татьяна Осколкова** (Москва), **Андрей П.** из Горького (он не написал свою фамилию), **Галина Страшная** (Днепродзержинск), **Вадим Янцен** (Тула).

Задачу **«ХОД КОНЕМ»** первыми решили восьмиклассник **Павел Крюков** (Чапаевский з-с, Саратовской обл.) и один из победителей Олимпиады Трех Неизвестных, ученик 6-го класса **Сергей Коршунов** (Монино, Московской области).

Хорошо работал пятиклассник **Зинур Шарифуллин** (село Рятамак, Башкирской АССР). Он прислал отличные решения задач **«Голос из Зазеркалья»** и **«Не может быть»** из сентябрьского номера. Молодец!

ПЕСНЯ О СМЫЧКЕ

Слова Ю. Смирнова.
Музыка М. Протасова.

Окончилось лето.
И листья пестры.
Их песенка спета.
Пылают костры.
А где-то далеко,
Где, кажется, Юг
Граничит с Востоком,
Растет фернамбук.

Молчальник и бука,
Седой старичок
Из этого бука
Строгает смычок.
Чуть-чуть построгает,
Затем посидит.
Он суть постигает
И очень сердит.

Наверное, в Вене
При свете свечей
Затихнет волненье
И шелест речей.
Покажется бледный
В жабо музыкант,
Достаточно бедный,
Как всякий талант.

Глазами пошарит:
«Готовы?..» —
«Вполне»...
И после ударит
Смычок по струне.
И волны наполнят
Пространство вокруг
И что-то напомнят
Забытое вдруг...

...Века над планетой
Прошли с той поры.
Окончилось лето,
Пылают костры.
Но жив знаменитый
Волшебный смычок,
Что сделал сердитый
Сухой старичок.
Что сделал сердитый
Сухой старичок.

СОДЕРЖАНИЕ

●

Главный редактор **Н. В. Ильина.**

Художественный редактор

С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

О. И. Грекова, В. К. Железников, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **С. В. Михалков, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева, Э. С. Соколова.**

●

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 29/X—23/XI 1970 г. А 00195. Подписано к печати 3/XII 1970 г. Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз. Изд. № 3. Заказ № 3043.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

«КНИГА — ПОЧТОЙ»

РЕБЯТА!

Чем вам заняться в свободное время? Как с пользой провести его? Купите комплекты самоделок, изданных издательством «Малыш», там вы найдете много интересного и полезного для себя.

«ДРУЖИМ С ТРУДОМ И ТЕХНИКОЙ». Библиотечка из десяти книжек. Цена ее — 1 р. 05 к. По этим книжкам младшие школьники смогут сделать модели ракетопланов, игры, подвижные деревянные игрушки, электроаттракционы, викторины, ящик для цветов, термос и другие полезные самоделки.

Если вы хотите овладеть азбукой авиамоделизма, научиться делать бумажные летающие игрушки, простейшие модели вертолетов, планеров, самолетов, приобретите комплект самоделок **«МОДЕЛИ К ПОЛЕТУ ГОТОВЫ».** Комплект состоит из десяти книжек. Стоит он 1 р. 05 к.

«ЭЛЕКТРОНИКА СВОИМИ РУКАМИ». Здесь собрано более пятидесяти конструкций с чертежами и схемами: простейшие ламповые приемники, карманные радиоприемники, усилители, переговорные устройства и другие самоделки.

Цена комплекта из десяти книжек — 74 коп.

«АВТОМАТИКА НА КАЖДОМ ШАГУ» — так называется комплект самодельных автоматических приборов, которые могут пригодиться в повседневной жизни. Десять брошюр стоят 1 руб.

Все самоделки снабжены чертежами и схемами. Конструкции собраны из недефицитных деталей, имеющихся в продаже.

Заказы направляйте по адресу: Москва, В-168, ул. Кржижановского, 14, магазин № 93 «Книга — почтой».

Рисунки В. Шляндина.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Песня о смычке

Слова Ю. СМИРНОВА
Музыка М. ПРОТАСОВА

Текст песни на 80-

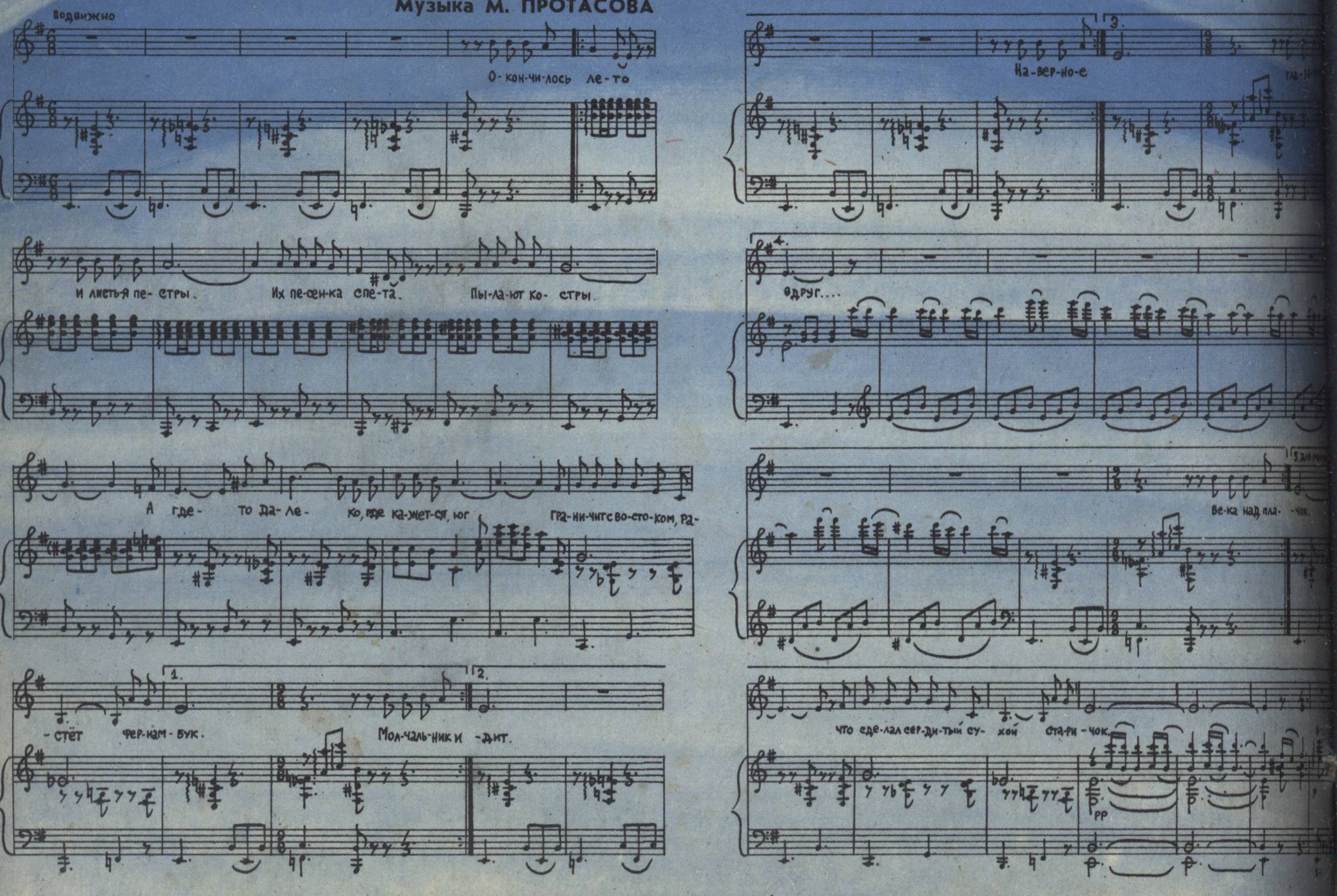

Рисунок П. БАГИН